

Космос
10
ОКТЯБРЬ
1970

Костёр

10

ОКТАБРЬ

1970

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Кто был чрезвычайным комиссаром „Железного летучего отряда борьбы за революцию“?

2

В гостях у художника А. Ф. Пахомова

25

В океане на папирусном судне „РА“

26

Как стал Ванюшка настоящим разведчиком

31

Необычайные приключения пионера Геннадия Стратофонта приходят к счастливому концу

44

УЧИТЬСЯ КОММУНИЗМУ

Как, наверно, неожиданно прозвучали пятьдесят лет назад эти ленинские слова!

Их слушали делегаты Третьего съезда РКСМ, плохо одетые, полуголодные юноши и девушки. Они умели держать в руках винтовку и сидеть на коне, а к „буржуйской“ науке относились недоверчиво.

Им было удивительно слушать такое:

„Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет“.

И вот прошло полвека. И уже с трибуны Шестнадцатого комсомольского съезда делегат Елисеев как об очередном сегодняшнем деле рассказывает о создании орбитальной космической станции.

А слова Ленина, те, давние, — по-прежнему современны и злободневны:

„Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество“.

Речь здесь совсем не только о том, чтобы прочно усвоить ту или иную сумму сведений, цифр и фактов. Хотя и это важно. Важно выучить правила. И натренироваться в задачках. И сдать экзамен на пять.

Но значение призыва „учиться“ гораздо шире.

Вот ты бодро ответил урок, без запинок расписал по графам образ Павла Корчагина. А через час отмолялся на собрании, где твоему другу приходилось не-слладко.

На концерте ты подпевал „Орленку“, а вышел из школы и все забыл.

А разве так поступают пионеры?

Прислушайся, — это к тебе обращается Владимир Ильич:

„...превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы“.

То есть не забывать ни на секунду, что ты и есть тот человек, который строит небывалое в истории общество. Учиться не забывать этого. Учиться измерять главной мерой, подчинять главной задаче все, что умеешь и знаешь.

Не кажется ли тебе иногда, что привести в порядок классную библиотеку, вскопать землю на пришкольном участке — занятия пустяковые, слишком уж обычные и прозаические?

Ты просишь: „Дайте мне настоящее дело!“

И тогда Владимир Ильич напоминает тебе, насколько необходимо,

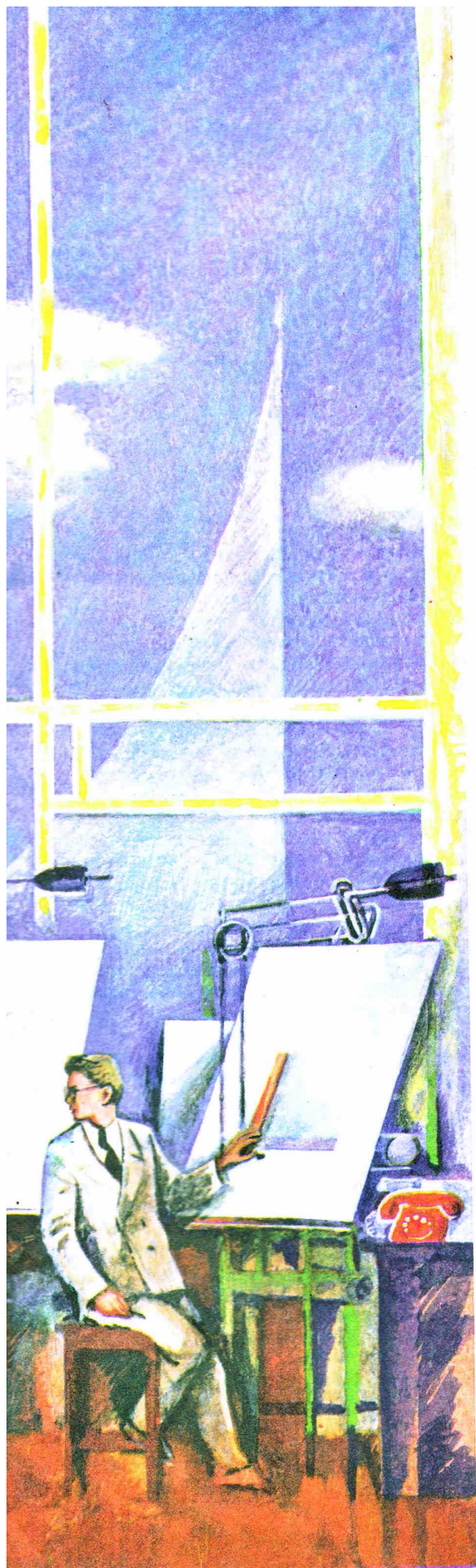
„...чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую“.

Юноши и девушки, которые слушали пятьдесят лет назад речь вождя, — сегодня уже ветераны. Можно позавидовать прожитой ими жизни, трудной и благородной, — они учились коммунизму, как надо.

А путь нашей страны продолжается. И не гладок он, и не прост. Строим-то небывалое.

Учись коммунизму. Так учись, чтобы спустя еще полвека пионеры две тысячи двадцатого года позавидовали не кому-нибудь, а тебе.

Рисунок Ю. Шабанова

ЧТО БЫЛО ДО БИНОМА

Е. Вистунов

Рисунок В. Орлова

Василий Яковлев поступал на рабфак. Его спросили:

— Какое у вас образование?

Василий ждал этого вопроса и боялся его. И от робости ответил даже с некоторым вызовом:

— Четыре класса школы и пять лет войны. Два года — империалистической, три — гражданской...

Профессор настаивал:

— И все-таки что же вы знаете, молодой человек? Ну, скажем, бином Ньютона?..

Василий представления не имел ни о биноме, ни о Ньютоне.

«Не примут!» — с тоской подумал он. И сказал:

— Вот бинома как раз не знаю. Все, что до него, — пожалуйста...

* * *

Шесть черных сухарей, несколько кусочков сахара и полкилограмма крупы. В Петрограде осени 1917 года — это уже целое богатство. Но дорожке сухого пайка был для Василия Яковлева мандат, спрятанный в кармане гимнастерки:

«Предъявитель сего состоит чрезвычайным комиссаром путей сообщения станции Малая Вишера (Николаевской железной дороги), что надлежащей подписью и приложением печати удостоверяется».

Он ехал на станцию Малая Вишера. Монотонно стучали колеса. За окнами вагона пробежали голые перелески, чуть присыпанные снегом болота. Знакомые с детства места.

Власть перешла в руки рабочих и солдат, но ее, народную власть, надо защищать. Надо бороться за нее во всей России, и в больших городах, и в малых. И в далеких глухих деревнях, и на таких станциях, как Малая Ви-

шера. Так напутствовал Василия член Военно-революционного комитета народный комиссар путей сообщения товарищ Невский...

В то время на железной дороге было неспокойно. Мешочники, спекулянты, анархисты и разные господа, оставленные революцией не у дел, потоками хлынули в поезда, заполнили вокзалы. Встречались среди «пассажиров» и такие, которые останавливали на полустанках поезда и, грозя оружием, забирали из вагонов все, что попадалось. За несколько дней до приезда Василия в Малую Вишеру банда ограбила эшелон с хлебом. Вызванные из Петрограда чекисты нашли убитыми машиниста и кочегара, оставшиеся в вагонах мешки с зерном были распороты штыками...

Станция дала в распоряжение Василия два вагона и старенький паровоз. Красной краской крупными буквами комиссар написал на нем: «Железный летучий отряд борьбы за революцию». В вагонах оборудовали нары и печку с трубой в окно (такие печки потом стали называть «буржуйками»).

С «Железным летучим отрядом борьбы за революцию» Василий метался со станции на станцию.

Больше всего в то время его огорчала собственная молодость. Среди пожилых, степенных красногвардейцев он выглядел мальчишкой. Лицо белесое, безусое, — Василий так был недоволен своим юным видом, что однажды взял да подрисовал себе черным карандашом усы и брови. Посмотрел в зеркало — удовлетворенно подмигнул: вроде стал старше, как и положено комиссару.

Петроград отстукивал тревожные телеграммы. В городе — голод, нет топлива. Немецкие войска наступают. Подняли головы контрреволюционеры — в Петрограде чекисты раскрывают один заговор за другим...

Февральский ледяной ветер вылизал поля. Занес, завьюжил сугробами железную дорогу.

«Вишера! Вишера! — кричал Василий в промерзшую трубку. — Мобилизуйте рабочих депо на расчистку снега. Ускорьте отправку поездов на Петроград».

И усталые люди брали лопаты и выходили на железнодорожную линию. И в лесу стучали топоры, и лошади, белые от инея, везли к станции дрова. И в крошечной темноте заброшенных полустанков лохматыми желтыми пятнами светились керосиновые фонари: «Путь на Петроград свободен!»

Однажды Яковлеву сообщили: вышедший из Малой Вишеры в Петроград поезд не прибыл на следующую станцию. Что с ним? Не пробился сквозь снежные заносы? В пути случилась авария?

Комиссар знал: дорогу только что расчистили. И еще ему было известно: поезд этот не обычный пассажирский. К нему прицеплено несколько вагонов муки. Сам же встречал его, видел запломбированные двери и двух красногвардейцев с винтовками на последней площадке. Он им еще принес кипятку, и они, продрогшие от холода, весело смеялись и благодарили: «Спасибо за ужин, товарищ комиссар!»

На запасном пути стоял старенький паровоз летучего отряда. В топке слабо тлели сырые дрова. Чумазый молодой кочегар сердито ворчал: «Ну и дрова, картошку не испечешь!»

— А ну, подбрось в топку уголька, поднимай пары! — крикнул ему Яковлев, вскочив в будку паровоза.

Мчитесь паровоз по пустынной дороге. Лунным светом поблескивают рельсы, навстречу летят завязшие в сугробах черные телеграфные столбы. Больше ничего не видит комиссар. До боли в глазах вглядывается в серую сумеречь, поторапливает кочегара:

— Быстрей, быстрей! Жми на полную!

Чуяло сердце: что-то неладное случилось. Вскоре он увидел поезд, возле которого суетились люди в полушубках и тулупах, стояли лошади, запряженные в сани.

— Легонько стукни поезд в задний вагон. Но только так, чтобы не сбить с рельсов, — приказал кочегару Яковлев. — А как стукнешь, трави из котла пар. Да побольше!

Остались считанные метры. Василий крепко ухватился за поручень, уперся ногами в стенку паровозной будки. Удара он не слышал. Слышал только, как волной пошла стучать буфера поезда, как рядом гулко грохнули выстрелы.

Он выскочил из будки в сплошное белое облако пара. Рванул с пояса гранату, швырнул ее вдоль вагонов. И сразу же после взрыва громко крикнул:

— Взвод, слушай мою команду! Поезд окружить, всех арестовать!

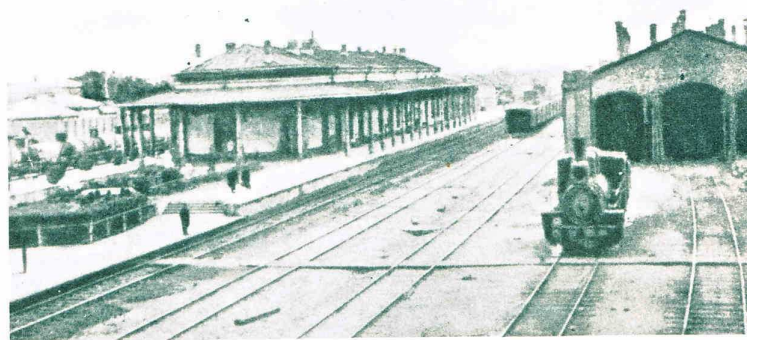
Мимо него просвистели пули, он бросил еще одну гранату, нагибаясь, пробежал вперед и неожиданно лицом к лицу столкнулся с бандитами. Они сгрудились у раскрытого вагона, на снегу валялись брошенные мешки муки. Видно, их совсем сбили с толку и внезапно выскочивший из-за поворота паровоз, и команда Яковлева насчет взвода, и взрывы гранат.

— Бросай оружие! — Василий сам удивился твердости своего голоса. — Кому говорят, бросай!

— Товарищ комиссар! — подхватил подоспевший кочегар. — Поезд окружен со всех сторон. Стрелять подлецов или?..

Ответить Яковлев не успел. Откуда-то из под вагона жарко полыхнуло оранжевое пламя, что-то толкнуло его в плечо, и он упал. Уже на снегу комиссар выхватил из кармана третью, последнюю гранату, хотел ее бросить, но в это время увидел бегущих навстречу людей. Это вырвались из вагонов запертые там пассажиры. На их помощь и рассчитывал комиссар, бесстрашно вступая в единоборство с вооруженной бандой...

Растерянные, перепуганные грабители бросали оружие, поднимали вверх руки.

Станция Малая Вишера. Фотография 1914 года

Поручив пассажирам стеречь пойманных бандитов, комиссар прошел вдоль поезда. «Где же красногвардейцы-охранники?» — и тут он увидел их. Они лежали на железнодорожном откосе, лицами в снег, широко раскинув руки. Как будто бежали наперегонки и, разом споткнувшись, упали да так и не поднялись...

Яковлев выдал пассажирам отобранные у бандитов винтовки, назначил старшего охраны.

— Смотрите в оба, чтобы не разбежались. Сам бы поехал в Петроград, но не имею права. Мы вот с ним вдвоем приехали с Малой Вишеры. — Комиссар кивнул в сторону кочегара. — Там, наверное, беспокоятся...

Только после этих слов Яковлева бандиты наконец поняли, как ловко провел их комиссар.

— А где же твой взвод? — хмуро спросил их главарь. — Неужто ты один нас так облапошил?

— Не совсем один! — впервые в эту ночь улыбнулся Яковлев. — Как видишь, добрые люди помогли...

В начале марта комиссару Яковлеву передали секретную телеграмму из Петрограда. Через станцию нужно пропустить несколько правительственных поездов. «В Москве должен открыться Чрезвычайный IV съезд Советов, — вспомнил Яковлев сообщения газет. — Значит, в поезде едет и Ленин».

Через два дня глубокой ночью его разбудил станционный сторож. Путано стал объяснять: на станцию прибыл эшелон — не поймешь, кто в нем, все с оружием, грозятся разнести станцию, какой-то поезд с комиссарами пустить под откос.

Пока бежал до вокзала, решил: немедленно связаться с уездным исполнительным комитетом, вызвать красногвардейцев, дать оружие рабочим багажной кассы. Начальника станции застал в полной растерянности.

— Эшелон стоит на запасном пути, — доложил начальник станции. — Похоже, там не наши люди.

Телеграфист снял с аппарата ленту, подал ее Яковлеву:

— 4001-й правительственный в пути. Скоро прибывает.

— Телеграфируйте коменданту поезда об обстановке, — приказал Яковлев. — Вызовите с постов всех дежурных милиционеров.

Вскоре показался поезд. И в это же время из эшелона, как по команде, стали выпрыгивать люди. Размахивая оружием, они бросились к перрону.

— Стой! — как мог громко скомандовал комиссар Яковлев. И вслед за его командой

лязгнули затворами стоявшие за ним красногвардейцы. Тридцать человек против огромной толпы.

А поезд ближе и ближе. Вот он уже застучал на стрелках.

Из-за здания вокзала выбежали подоспевшие с группой красногвардейцев председатель Маловишерского уездного исполкома Терешков, комиссар исполкома Макаров, вооруженные рабочие депо.

Видно, такой «встречи» нападающие не ожидали. И хлынули от платформы, освобождая дорогу.

Поезд остановился. На перрон выскочили управляющий делами Совнаркома Бонч-Бруевич, латышские стрелки. Яковлев коротко доложил о грозившей правительственному поезду опасности.

— Мы можем сто раз умереть, а Совет Народных Комиссаров должны защитить! До свидания, комиссар! — Бонч-Бруевич крепко пожал Яковлеву руку. — Спасибо!

Правительственный поезд дал короткий гудок и отправился в путь. Вскоре за ним начали прибывать другие поезда с членами правительства — 4008-й, 4005-й, 4007-й, 4009-й, 4011-й. На станции они почти не задерживались, потому что главный путь был свободен: все подступы к нему надежно охраняли красногвардейцы комиссара Яковлева и вооруженные работники станции.

12 марта 1918 года радиостанции всего мира принимали важное сообщение из Советской России. «Всем! Всем! Всем! — отстукивали телеграфисты. — Париж. Лондон. София. Берлин. Нью-Йорк. Вена. Рим. Константинополь...

Правительство Федеративной Советской Республики — Совет Народных Комиссаров и высший орган власти в стране — Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов прибыли в Москву...»

* * *

— Бинома не знаю, — повторил Василий сокрушенно. И решив, что разговоры кончены, повернулся к дверям.

Но профессор остановил его.

— Придется вам потрудиться, — сказал профессор. — Придется одолеть и бином и все, что после него. Вы зачислены, товарищ бывший комиссар!

Остается добавить, что Василий Яковлев успешно одолел курс наук. И закончил институт народного хозяйства. И многие годы потом работал инженером-экономистом, отдавая свои силы и знания делу, которому служил.

НАДЕЖДА ПОЛЯКОВА

Я не люблю писать стихи по заданию. Но бывает, заказ газеты или журнала совпадает с моей внутренней настроенностью, с внутренней необходимостью написать стихи именно на эту, нужную в данный момент, тему.

Именно так возникло стихотворение «Девочка танцует».

Ко мне обратилась редакция газеты «Советское искусство» с просьбой написать стихотворение к Дню защиты детей — к 1 июня. Задание было срочное.

Я согласилась.

Начала обдумывать тему. Вспомнила девочек, с которыми я училась в школе до войны. Вспомнила, как на школьных вечерах и в пионерском лагере одна девочка — похожая на натянутую струну — высоким голосом пела песню «Орленок». Мы десятки раз слушали эту песню, мы любили эту песню, любили эту девочку, любили, когда именно эта девочка пела именно эту песню. И когда мы слушали ее, особенно у пионерского костра под звездным ночным небом, нам казалось, что не только сама поющая девочка, но и все мы можем подняться и полететь высоко-высоко, мы

чувствовали, как за нашими плечами вырастали крылья, и мы становились орлятами, и это к нам были обращены слова песни «орленок, орленок, лети над полями... скажи моей маме, как сына вели на расстрел...»

Была еще одна девочка. Она танцевала. У нее, у единственной из всей школы, была настоящая балетная пачка и балетные туфельки. На голове ее топорщился белый бантик. С замиранием сердца следили мы за ее движениями. Она была белым цветком, маленьким белым лебедем... мы неистово хлопали ей.

Орленок, маленький белый лебедь... Кажется, я начала нащупывать нить будущего стихотворения. Белый лебедь. Девочка танцует. На дощатой самодельной сцене. Маленькая девочка. Побледневший рот ее чуть приоткрыт. Она кажется нам сказочным и гордым лебедем. Она раскидывает руки и вот-вот взлетит до звезд. Мы смотрим и волнуемся. Мы хлопаем в ладоши, и мы тоже — птицы, это мы хлопаем крыльями перед тем как взлететь...

Это — воспоминание. Теперь я — взрослая. Я смотрю на тан-

цующих девочек, но к прежнему волнению примешивается нечто новое. Я — взрослая. И эти танцующие девочки по возрасту могут быть моими дочерьми. И детьми той девочки, которая танцевала на школьной сцене до войны, если война не унесла ее жизнь... Это наши дети подросли! Наши дети, рожденные после войны, рожденные, чтобы жить, учиться, строить, петь, танцевать. Девочка танцует! Белая лебедушка плывет!

Итак, стихотворение есть. Оно уже родилось. Надо его записать. Я записываю. Изменяю несколько строк, заменяю неточные слова. Я хочу, чтобы строка была лаконичной и ясной, стихотворение — по возможности коротким. Утром я диктую его по телефону в редакцию. Через день оно напечатано. Еще через несколько дней передано по радио. Еще через несколько недель перепечатано в других газетах, вошло в книгу моих новых стихотворений. Затем в книгу избранных стихов. Часто слышу его в исполнении участников детской художественной самодеятельности. Стихотворение живет.

И. Малеина

ДЕВОЧКА ТАНЦУЕТ

На дощатой самодельной сцене,
Приоткрыв чуть побледневший рот,
Девочка танцует в упоенье,
В белой пачке лебедем плывет.

Вот она в порыве вдохновения,
Позабыв о робости своей,
Повторяет легкие движения
Сказочных и гордых лебедей.

Рисунок Т. Оболенской

И, раскинув тоненькие руки,
Кажется, сейчас взлетит до звезд...
В зале восхищенные подруги
За нее волнуются всерьез.

Лебедь вздрогнет, голову наклонит,
Не по-настоящему умрет...
Встрепенутся детские ладони,
Будто стая крыльями забьет.

Скрыть свою тревогу не могу я:
Это наши дети подросли!
«Тише! Тише!
Девочка танцует!»—
Говорю я людям всей земли.

Мы должны спасти ее от тени,
Что бросает вражий самолет...
Тише! Тише!
По дощатой сцене
Белая лебедушка плывет.

ВОСЕМЬ ДНЕЙ В НЕДЕЛЮ

ПОВЕСТЬ

Юрий Томин

Рисунки И. Харкевича

8 часов 27 минут

Запыхавшаяся, покрасневшая подлетела к ребятам Аня. Лицо ее было счастливое и виноватое одновременно. Она схватила Вика в объятия и закружила ее.

— У нас папа приехал!.. У нас папа приехал... У нас папа приехал...

Сделав несколько кругов, Аня остановилась и сорвала с головы шапочку.

— У нас папа приехал! — крикнула она ребятам. — Я не виновата, что опоздала. Он меня сегодня в школу пускать не хотел. А я сказала, что мы договорились. А он говорит: «Ну, раз договорились...» — Только тут Аня заметила, что под ногами у нее чистый асфальт. — Ой, а вы уже все сделали?

— А ты как думала... — отозвался Олег.

— Никуда ты не опоздала, — отозвался Володя. — Мы еще ничего не делали. Пошли, ребята, во двор, там давно не убирали.

— Вы с ума сошли! — завопил Олег. — Еще Анна Ивановна не пришла. Вот увидит, что мы все собрались, тогда и пойдем. Сейчас она подойдет. Вы же мне весь план нарушите!

Но первой из учителей пришла не Анна Ивановна. Об этом известил тот же Олег:

— Света идет!

— Здравствуйте, Светлана Семеновна! — дружно прогорланил шестой «в».

Светлана Семеновна еще издали начала улыбаться, а услышав столь дружный вопль, и совсем просияла.

— Здравствуйте, ребята! Что вы так сегодня рано?

— А мы снег убираем! — со смехом заорал шестой «в», который уже начал находить удовольствие в этой шутке.

— Снег убираете? Это замечательно! А кто же вас поднял в такую рань?

— А мы сами!

— Вот молодцы! — снова подивилась Светлана Семеновна. — Может быть, и меня примете в свою компанию?

— Примем! — закричали девочки.

Но Олег быстро сообразил, что принимать Светлану Семеновну никак нельзя. Хоть она и молодая, но все же учительница. Когда уби-

раешь несуществующий снег, от учителей лучше держаться подальше.

— Что вы, Светлана Семеновна! — заботливо сказал Олег. — Мы сами справимся. Это

мы сейчас отдыхаем немножко. Через минуту мы все закончим. Лучше, знаете что, Светлана Семеновна? У нас к вам есть просьба. Вы ее можете выполнить?

— Скажи сначала, какая просьба...

— Нет, вы сначала пообещайте, — настаивал Олег. — А просьба маленькая-маленькая.

Олег развел ладони на несколько сантиметров, показывая размеры просьбы. Светлана Семеновна нерешительно покачала головой.

— Все-таки вы сначала скажите.

— Ну, Светлана Семеновна! Ну, пообещайте! — заканючили девочки.

И Светлана Семеновна сдалась.

— Хорошо. Раз вы так просите — обещаю.

— Спросите сегодня Кукина. Ему нужно по географии двойку исправить. Он сегодня, знаете, как выучил? На пять.

— Ой, что-то не верится, — засмеялась Светлана Семеновна.

— Ну, Светлана Семеновна! Ну, спросите, пожалуйста! — снова запели девочки.

— Хорошо. Пусть будет по-вашему. Спрошу.

Светлана Семеновна быстро взбежала по ступенькам и остановилась перед дверью.

— А Кукин не такой уж плохой, как вы думаете! — крикнула она сверху и скрылась за дверью.

По дороге к учительской Светлана Семеновна шла энергично и весело. Для нее начинался новый счастливый день. Она еще не знала, что произойдет через десять минут.

8 часов 30 минут

— Ой, до чего же я Светлану Семеновну люблю! Правда, она хорошая? — воскликнула Лиля, когда голубое пальто учительницы скрылось в дверном проеме.

— Ничего... — согласился Олег.

— Тебе все ничего! — возмутилась Лиля. — Ты ни одного человека не можешь похвалить как следует!

— Почему не могу? — возразил Олег. — Могу. Себя, например, могу. Знаешь, какой я замечательный? Сам удивляюсь.

— Олечка, почему ты так любишь себя хвалить? — спросила Вика.

Вместо ответа Олег Кузнецов сделал вдруг необыкновенно серьезное лицо и принялся скоблить лопатой голый асфальт.

— Работайте! — зашипел Олег. — Работайте быстрее!

Но не успел шестой «в» разобраться, в чем причина такого усердия, как все услышали голос Анны Ивановны.

— Батюшки! Вы что тут делаете?

Сзади Анны Ивановны стоял Игорь. Очевидно, они встретились по дороге.

— Снег убираем! — уже привычно заявил шестой «в».

— Откуда вы его убираете и куда?

Олег разогнул натруженную спину, оперся на лопату, словно без подпорки ему уже и стоять было нелегко, посмотрел на свои ладони, будто ожидал найти на них кровавые мозоли.

— Да так... — Олег неопределенно взмахнул рукой. — Отсюда... и туда...

— Что-то не пойму я вас. Почему вам вздумалось убирать снег? Кто вас послал?

— Мы сами! Сами! — затянул хор шестого «в».

— Понимаете, Анна Ивановна, — стал объяснять Олег, — мы решили: чего ему тут лежать?..

— Кому?

— Снегу. Мы решили: давай уберем. Пускай около школы будет чисто... И вообще... Нужно сделать что-нибудь полезное. Ну, мы и пришли... — Тут Олег повел рукой в сторону Володи и Ани, приглашая тем самым Анну Ивановну своими глазами убедиться, что «история» кончилась. — Аня вот пришла... Володя... В общем, все вместе...

Пока длилась хитроумная речь Кузнецова, Анна Ивановна по очереди оглядывала своих учеников. Разные люди — разные лица. На лицах этих откровенно и честно были написаны и ожидание, и надежда, и желание постоять за себя, и даже готовность вступить в бой с ней, с Анной Ивановной. Даже хитрые лица были откровенно хитры, а упрямые откровенно упрямы. Но больше всего порадовало Анну Ивановну то, что было сейчас у ее учеников нечто общее, чего она раньше не замечала.

«А ведь «история», кажется, кончилась, — с удовольствием подумала Анна Ивановна. — А письмо... Бог с ним, с письмом... Узнаем со временем».

— Так что же из этого следует? — спросила Анна Ивановна.

— А то, — сказал Олег, — что мы теперь всё вместе будем делать. Ведь в походе могут разные трудности встретиться.

— Это в каком походе? — спросила Анна Ивановна, с трудом сдерживая улыбку.

— Вы разве забыли, Анна Ивановна?

— Ах вот оно что... Нет, не забыла.

— Я же говорил вам, что Анна Ивановна не забыла! — закричал Олег, обращаясь к ребятам так, словно они были глухие. — Еще вы обещали с нами пойти, помните?

— Вот этого не помню, — сказала Анна Ивановна.

— Обещали! Обещали! — застонал хор.

Анна Ивановна не выдержала и рассмеялась. Девочки, воспользовавшись моментом, тут же устроили вокруг Анны Ивановны не-

большой пляс. Мальчики стояли молча, соблюдая достоинство. Они стояли, опершись на скребки и метлы, как солдаты — на винтовки. Но лица солдат светились откровенным удовольствием — удовольствием людей, завоевавших победу в трудном бою.

— А где же снег, который вы убирали? — вспомнила Анна Ивановна.

— Что? Снег? — став сразу серьезным, переспросил Олег. — Дело ведь не в снеге, Анна Ивановна. Просто мы решили сделать что-нибудь полезное. И ни один ученик не отказался! Даже Мельникова пришла! А у нее отец приехал... Вы знаете, Анна Ивановна, как уходить не хочется, когда отец приезжает?

Глаза Анны Ивановны отыскивали в толпе ребят Аню, и Анна Ивановна увидела самую счастливую девочку на этой улице.

— Дождались, наконец, — сказала Анна Ивановна.

— Ой, я так соскучилась! — просияла Аня. — И мама так обрадовалась! У меня сегодня самый счастливый день!

— Ну, и беги домой скорей! Зачем пришла? — Мы же договаривались...

— Вот видите, Анна Ивановна, соскучилась, а все равно пришла, — вставил Олег, давая тем самым понять, что мужество Ани не только ее заслуга.

— Хватит петлять, Кузя, — улыбнулась Анна Ивановна. — Ты мне на вопрос ответь: где снег, который вы убирали?

— Мы еще не убирали, Анна Ивановна. Мы только собирались, — сказал Володя.

Олег знаком показал Володе, чтобы тот замолчал.

— Понимаете, Анна Ивановна, — грустно сказал Олег, — мы пришли, а снега нет. Вчера был, а сегодня нет.

— Уже вчера вечером не было, — сказала Анна Ивановна.

— Так мы же не виноваты! Мы днем договаривались. Уж так мы хотели поработать!.. А хотите — мы во дворе уберем?

— Я-то ничего не хочу, — сказала Анна Ивановна. — Мне было интересно только узнать, что это вас так на работу потянуло? И почему вы посреди зимы про поход говорите?

— Потому что мы решили заранее подготовиться, — сказала Вика. — Нужно, чтобы у нас дружба была.

— А разве до этого у вас дружки не было?

— Немножко была, — уклончиво ответила Вика.

— Честное слово, была! — воскликнул Олег. — Только так... один день была, другой не было... А теперь мы каждый день дружим, с самого утра и до конца уроков! И даже — после уроков!

Лиля фыркнула, вспомнив что-то смешное.

— Даже Олег с Игорем помирились.

Анне Ивановне оставалось только руками развести. Этого она еще не знала.

— Да ну?.. Ох, что-то очень уж хорошие вы стали...

— Точно, — подтвердил Олег. — Верно, Игорек?

— Угу, — отозвался Игорь.

— Ой, Анна Ивановна, а вы еще не все знаете! — всплеснула руками Вика. — У нас Саша Кукин списывать перестал. Он теперь все уроки сам делает.

— Ой, что-то страшно мне... — сказала Анна Ивановна. — До чего же вы эдак дойдете?

— Не бойтесь, Анна Ивановна, — успокоил ее Олег, — мы еще лучше будем. У нас класс и так — лучший в школе. А будет лучший во всем мире.

— Кузя!.. — строго сказала Анна Ивановна, видя, что Олега опять понесло.

Но Олег не был бы Олегом, если бы мог остановиться.

— Даже во всем космосе!

— Опять поехал! — еще строже сказала Анна Ивановна. — Остановись, Кузя, несчастный ты человек!

— Почему несчастный?

— Потому что хвостун.

Но разве Олега можно остановить такими словами? Олег прекрасно чувствовал, что в голосе Анны Ивановны нет сейчас настоящей строгости и потому готов был говорить хоть до вечера.

— Анна Ивановна, я не про себя говорю, а про всех, про весь класс.

— Да, может, вы все хвостуны, — сказала Анна Ивановна. — Вы же снег пришли убирать, так убирайте. Не языком, а лопатами.

— Мы — хвостуны?! — грозно спросил Олег. — А вот увидите, какие мы хвостуны! Мы вам покажем... То есть я хотел сказать: мы ему покажем! То есть я хотел сказать: мы всем покажем!

Олег повернулся к ребятам и поднял над головой лопату.

— Все — во двор! — свирепо крикнул Олег. — Сейчас мы там все уберем! Чтоб ни одной снежинки не осталось!

Но издавая свирепые вопли, Олег все время косил на Анну Ивановну вполне мирным и хитрым глазом. Увидев, что Анна Ивановна собирается уходить, Олег решил поставить последнюю точку.

— Анна Ивановна!

— Что еще? — отозвалась Анна Ивановна уже со ступенек.

— Значит, вы директору теперь ничего не скажете?

— Подумаю...

— Анна Ивановна, — торжественно произнес Олег, — ведь даже Кукин не списывает!

— Ну, пока я этого не вижу, — усмехнулась Анна Ивановна и взглянула на часы. — Но через двадцать минут увижу. А где он, кстати, Кукин? Почему не с вами?

— Он... Он повторяет. Мы его освободили. Так вы не скажете?

— Можно мне немного подумать, Кузнецов?

— Можно, — согласился Олег, — только не очень долго. А то мы все нервничаем.

Шестой «в», возглавляемый Олегом, направился во двор. Анна Ивановна вошла в школу. Она тоже не знала о том, что произойдет здесь вот сейчас, всего лишь через две минуты.

8 часов 40 минут

Шестому «в» оставалось только обогнуть угол школы, когда он был остановлен воплем Кукина.

— Ребя, стойте! Я — с вами!

Шестой «в» приостановился. По тротуару, зажав под мышкой пальто, неся Кукин. Подбежав к ребятам, он обернулся и помахал рукой шоферу, который уже сидел в кабине.

— Во машинка — шесть скоростей! — выпалил Саня.

Взгляд Сани скользнул по противоположной стороне улицы. Вдруг Саня замер, вытаращил глаза и показал рукой на нечто, видимое пока ему одному.

Все головы повернулись в сторону, куда указывал Саня.

Напротив школы, в просвете между домами, стояла трансформаторная будка. И на будке этой красной краской по белому кирпичу четко вырисовывалась надпись:

$A + B = \text{ЛЮБ}$

Совершенно машинально, но так же согласнo, головы повернулись к Володе. Он стоял бледный и, не отрываясь, глядел на надпись.

Затем Володя посмотрел на Кукина. Во взгляде его было отчаяние. Дальнейшее заняло несколько секунд.

Володя бросился на Кукина, а тот отшатнулся от Володи и побежал через улицу. Володя погнался за ним. Он ступил на мостовую, поскользнулся на обледенелом асфальте и, размахивая руками, заскользил на ногах почему-то не поперек, а вдоль улицы. А навстречу ему — не быстро, но неумолимо, скользила тяжело груженная машина с прицепом. Передние колеса грузовика были уже вывернуты в сторону, но он почему-то все ехал, ехал и не сворачивал.

Володя ударился о колесо, отлетел, будто подпрыгнул, и упал на мостовую.

Мгновенно откуда-то появились люди. Они сбегались со всех сторон: с тротуара, с мостовой, с той стороны улицы и, казалось, возникали прямо из воздуха.

Шестой «в» не крикнул, не шевельнулся. Все стояли молча и, ничего не понимая, смотрели туда, где только что был Володя, а теперь гудела, кричала и причитала толпа.

Из распахнувшихся дверей школы хлынул поток учеников. Вперемешку с ними бежали взрослые: учителя, уборщицы. Где-то промелькнула серая кофта Анны Ивановны.

Кукин был уже среди ребят. Заглядывая в лицо то одному, то другому, хватая соседей за плечи и за руки, Кукин забормотал:

— Я же не виноват... Я же не знал... Я же не хотел...

И лишь тогда шестой «в» опомнился и бросился туда, куда, казалось, стекался сейчас весь город.

Только один человек остался на месте. Но в суматохе, разумеется, никто не обратил на это внимания.

8 часов 44 минуты

Володю Климова увезла «Скорая помощь».

* * *

Первый звонок прозвучал, как обычно, в девять часов.

В девять часов семь минут в кабинет директора влетела Светлана Семеновна.

Директор разговаривал по телефону.

— Больница? Приемный покой, пожалуйста. Приемный покой? Извините, вас опять беспокоит директор школы... Что с мальчиком? Еще не ясно? Так когда же, наконец, будет ясно? Я не кричу... Хорошо, буду ждать.

Закончив разговор, директор вопросительно посмотрел на Светлану Семеновну. Она тряхнула головой, словно отогнала слова, приготовленные по дороге: то, что она сейчас услышала, было важнее.

— Что с ним? — спросила Светлана Семеновна.

— Они еще не знают. Обещали позвонить, когда закончат обследование.

— Но он жив?

— Да, жив.

— Тогда что же это такое?! Что это значит, Сергей Михайлович?! — с отчаянием спросила Светлана Семеновна. Она схватила директора за руку и потащила к окну.

На мостовой возле школы все так же с вывернутыми колесами стояла машина. Около нее — два милицeйских мотоцикла. Немного в стороне — синяя «Волга» с красной полосой на боку. Двое милиционеров, растянув рулетку, вымеряли что-то на мостовой. Третий, поглядывая на них, рисовал схему происшествия. Толпы уже не было — толпа разошлась. Лишь человек пятнадцать внимательно наблюдали за происходящим.

— Вы это видели? — спросила Светлана Семеновна, указывая на трансформаторную будку.

Директор не сразу понял, что он должен увидеть, а когда увидел и понял, что это означает, лицо его стало брезгливым.

— Вот мерзость! — сказал Сергей Михайлович. — Теперь понятно, почему он побежал через дорогу.

— А мне не понятно! — крикнула Светлана Семеновна. — Мне вообще ничего не понятно! Откуда все это? Почему? Зачем? Я прихожу на урок, и ученики другого класса рассказывают мне, что все это уже давно началось. А я ничего не знала! И вы ничего не знали?

— Светлана Семеновна, сейчас я просто не в состоянии вести педагогические разговоры. Идите лучше на урок.

— Хорошо, — согласилась Светлана Семеновна. — Я пойду. Я знаю, куда пойду!

Светлана Семеновна направилась было к двери, но та сама робко и неуверенно отворилась ей навстречу. Так же неуверенно в кабинет вошел шофер в поношенном пиджаке, ватных брюках и негнущихся валенках с резиновыми галошами.

— Здрассте, товарищи, — виновато сказал шофер, приглаживая правой рукой волосы.

В дорожной одежде, со своими валенками и ватными брюками, он странно выглядел в светлом кабинете. Как-то совсем он не подходил ни к новеньким модным креслам, ни к полированному столу, ни к блестящему светло-шоколадному паркету. Очевидно, шофер чувствовал это и сам. Рука его привычно хлопнула по правому боку, но тут же он понял, что папиросы остались в кабине, вместе с телогрейкой, и засмутился еще больше.

— Здравствуйте, проходите, — ответил Сергей Михайлович.

— Вот... не знаю, как бы спросить... — замялся шофер.

— Проходите. Садитесь.

— Нет, я на минутку, — испуганно сказал шофер. — Я так... Мне только спросить... Тут несчастье было с машиной... Мальчик-то у вас учится? Не знаете, как он там?.. В общем, последствия какие?

— Последствий мы пока не знаем, — сказал Сергей Михайлович. — А вы кто этому мальчику?

— Это моя машина была...

Светлана Семеновна, которая задержалась у двери, резко спросила:

— Что значит «моя машина»?

— Ну, в общем, я там был... за рулем.

Светлана Семеновна обернулась и, словно ее толкнули в спину, чуть ли не бросилась на шофера.

— Вы? Это вы были за рулем? И вы еще приходите сюда спрашивать о последствиях?!

— Девушка, не виноват я, — тоскливо сказал шофер.

— Вы просто хотите спасти себя! — с презрением сказала Светлана Семеновна.

Шофер переступил с ноги на ногу. Натужно скрипнули на паркете галоши.

— Я уйду. Вы только скажите, в какой он больнице, и я уйду.

Но Светлана Семеновна была неумолима.

— А вы ему туда конфет отнесете? Или пирожных?

Шофер сник окончательно. Он уже сказал все, что мог.

— Подождите, Светлана Семеновна, — сказал Сергей Михайлович и с невольной суровостью взглянул на шофера. — Как же это получилось?..

И шофер, словно обрадовавшись, что вот нашелся, наконец, человек, который может если не понять, то хоть выслушать, торопливо заговорил:

— Сам не пойму. Тридцать один год без аварии... И улица пустая была... Скользко, конечно... Так ведь когда скользко, втрое осторожнее едешь. Только я тронулся... скорости еще почти не было. Я и разглядеть не успел: мелькнуло — и все. Смотрю — перед капотом парнишка. Главное — улица совсем пустая была... А машина у меня — шесть тонн. Хоть и малая скорость, а все же метра два-три ей пробежать надо, пока остановишь. Я и руль вывернул, и тормоза сработали как надо... А колесом все же задел... Я и сам ни-

чего сначала не понял. Главное — улица совсем пустая была... Ну, просто никого не было. Потом уже милиция разбиралась... Там на углу будочка стоит для газет. Так он из-за будочки выскочил. Ни он меня не видел, ни я его. И куда бы так бежал?..

— Выходит, вы совсем не виноваты? — спросила Светлана Семеновна.

Шофер, словно провинившийся ученик, снова переступил с ноги на ногу. Из своей долгой шоферской жизни он давно уже знал, что ничего в таких случаях не объяснишь ни таким вот девушкам, ни другим пешеходам, которые так и прут под колеса в дурацкой уверенности, что шофер не смеет их задавить, потому что его за это посадят.

— Меня, девушка, судить будут, — сказал шофер. — А у меня у самого таких, как он, — трое. Вы мне дайте адрес больницы, и я уйду.

— Он в шестой городской больнице, — сказал Сергей Михайлович.

— Спасибо вам! — с облегчением произнес шофер. — А вы, девушка, напрасно... Разве я не понимаю... у меня у самого таких — трое.

Подойдя к двери, шофер обернулся, недоуменно развел руками.

— Главное — улица пустая была... — повторил он, но тут же вспомнил, что уже говорил это, сконфузился и, махнув рукой, вышел.

— Я не верю, что он не виноват, — сказала Светлана Семеновна. — Он обязан был предусмотреть.

— Но мы же с вами не предусмотрели, — отозвался Сергей Михайлович.

— Значит, и мы виноваты!

Сергей Михайлович взялся за телефонную трубку.

— Не торопитесь, — сказал он. — Это мы с вами еще услышим.

В больницу Сергей Михайлович позвонить не успел. Вошла Анна Ивановна. Она опустилась на стул возле двери, тяжело дыша, потянула с головы платок.

Сергей Михайлович и Светлана Семеновна бросились к ней.

— Ну? Что там?

— Сейчас... — Анна Ивановна несколько раз глубоко вздохнула. — У него... у Володи перелом бедра.

Теперь вздохнул и Сергей Михайлович, на этот раз — с облегчением.

— Ну, это еще не самое худшее. Что врачи говорят?

— Врачи говорят — срастется. Я хотела уйти раньше, я знала, что вы ждете, но... Пришел его отец... и мать... Они в таком состоянии... Нужно было их как-то успокоить. А они в таком состоянии — ничего не слышат. Просто ничего... рвутся в операционную, мешают врачам... В общем, пришлось задержаться.

Прозвенел звонок. На лице Анны Ивановны появилось удивление, будто чудно было ей, что на свете еще могут существовать звонки.

— Ну вот, — растерянно сказала она, — даже к началу урока успела.

— Может быть, вам лучше пойти домой? — предложил Сергей Михайлович. — Я вас замкну на сегодня.

— Не нужно. Светлана Семеновна, у вас, кажется, сейчас урок в моем классе?

— В вашем, Анна Ивановна. Я просто не знаю, что делать. Я все время буду думать — кто?

— Отдайте мне этот урок, — попросила Анна Ивановна.

— Конечно! Пожалуйста!

— Анна Ивановна, пожалуйста, их стоит задержать после уроков, — сказал Сергей Михайлович.

— Может быть, и не потребуется. Теперь-то уж все равно. Я решила на самые крайние меры.

— Какие? — быстро спросила Светлана Семеновна.

— Не спрашивайте меня сейчас. Я боюсь, что просто не выдержу.

* * *

Неизвестно откуда, но к началу второго урока в шестом «в» знали уже почти все: и то, что Анна Ивановна вернулась из больницы, и то, что случилось с Володей.

На перемене шестой «в» мрачно слонялся по коридору, не отвечая на расспросы соседей. Ребята ждали второго урока. Ждали и боялись. Боялись и надеялись. Все понимали,

что случившееся не может пройти просто так. Почему-то все были уверены, что на второй урок придет директор; начнется следствие, и никто ничего не сможет сказать на этом следствии, потому что никто ничего толком не знает. И что будет дальше — тоже неизвестно. Вот эта неизвестность и томила шестой «в», ее-то и боялись. А надеялись на Анну Ивановну, которая, конечно, выплет им как положено, но она же все и уладит.

После звонка без шума и толкотни ребята расселись по местам. Молча и аккуратно выложили на парты дневники и тетради. Так сделали все, кроме Ани. Аня на перемене из класса не выходила. Она сидела одна, на парте перед ней ничего не было. Ребята украдкой поглядывали на нее, но она ничего не замечала. Всем было бы легче, если бы она ушла домой, но она почему-то не уходила.

В коридоре все стихло. В классе тоже установилась полная тишина.

Вот завозился, устраиваясь поудобнее, Кузнецов. Громко скрипнула парты. Все посмотрели на Кузнецова, будто он в чем-то провинился. Кузнецов замер.

Внезапно с места сорвался Кукин. Он побежал к доске, достал из кармана кусок мела, положил его возле доски. Все внимательно следили за Кукиным, будто он делал что-то необыкновенно важное.

Кукин заметил никому не видимое пятно на доске. Намотав кончик тряпки на палец, он тщательно протер доску. Возвращаясь на место, Кукин сказал в пространство, будто извинился:

— Я ведь сегодня дежурный...

Ему никто не ответил.

У двери послышались шаги, и в классе стало еще тише. Наверное, как во время каникул. Вошла Анна Ивановна. Без директора.

Все встали.

— Садитесь.

Все сели.

Анна Ивановна подошла к столу. Медленно расстегнула портфель, медленно вынула из него какие-то бумаги, классный журнал. Разложила все это на столе. Класс напряженно следил за ее движениями, — но больше всего — за лицом, на котором не было сейчас ни гнева, ни обиды, а только — усталость.

Анна Ивановна села.

— Ну, вот и кончилась шутка, — сказала она.

Шестой «в» больше не мог сдерживать напряжения. Шестой «в» словно взорвался. Ребята вскочили с мест, некоторые подбежали к Анне Ивановне, окружили стол. Они кричали все вместе, но каждый свое, и можно было различить только отдельные выкрики:

— Это не мы!

— Это не у нас!

— Мы всех спрашивали!

— Не из нашего класса!

— Мы не писали!

— Сядьте! — сказала Анна Ивановна.

Класс продолжал бушевать.

— Сядьте на места, — уже громче и очень сурово повторила Анна Ивановна.

Ребята неохотно побрели к своим партам. Кузнецов тоже пошел, но вдруг круто развернулся и сделал шаг по направлению к столу.

— Ты что-то хочешь сказать, Кузнецов?

— Это не мы, Анна Ивановна!

Класс замер в ожидании ответа. Ну что теперь? Неужели и теперь непонятно? Ведь ясно и четко сказано — «не мы!». Должна, наконец, Анна Ивановна их успокоить! Ведь это просто нечестно! Ведь никто ничего не знает!

В наступившей тишине с первой парты отчетливо донеслось всхлипывание.

Анна Ивановна поднялась, подошла к Ане, села с ней рядом. Она заговорила что-то очень тихо, и ребята расслышали только отдельные слова:

— ...я тебе... ничего страшного... врач... нога...

Чем тише говорила Анна Ивановна, тем громче плакала Аня. А когда Анна Ивановна взяла ее за руку, Аня вскочила с места.

— Отстаньте вы все от меня! — крикнула Аня и выбежала из класса.

Немедленно сорвался с места и Олег Кузнецов.

— Догнать ее, Анна Ивановна?

Ничего не ответив, Анна Ивановна вернулась к столу, села. Она подняла руку, машинально провела ею по волосам, и вдруг рука эта с треском опустилась на стол.

— Кто это сделал, наконец?

Никто ей не ответил. Олег Кузнецов замер на полдороге к двери.

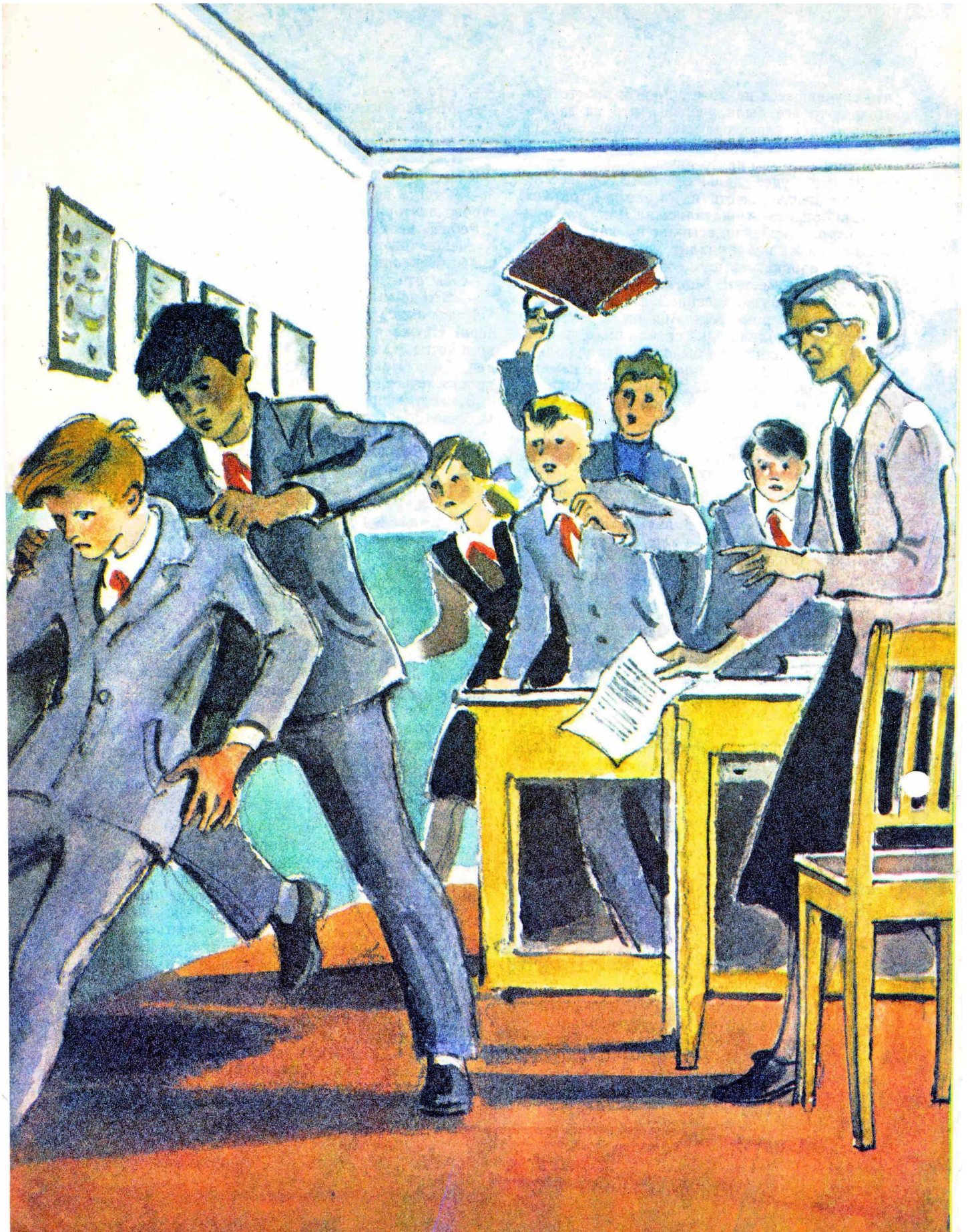
— Сядь, Кузнецов.

Кузнецов сел.

Анна Ивановна встала, подошла к окну. Из этого окна тоже видна надпись на будке. Вернее, то, что от нее осталось: в перемену надпись затерли мелом. Но лучше бы Анна Ивановна туда не смотрела. Все, конечно, понимали, что ей просто нужно немного успокоиться. И все же лучше бы она туда не смотрела... Анна Ивановна повернулась к классу. Лицо нормальное, будто и не она только что хлопнула по столу.

— Один из вас лжет — тот, кто написал эту надпись. Тот, кто не поленился прийти рано утром или поздно вечером к школе. Тот, кто постарался раздобыть масляную краску и кисть, чтобы можно было написать буквы побольше. Кто это сделал?

Молчание.

— Это последняя возможность доказать, что у него осталась хоть капля честности...

Молчание.

— Мы с вами никогда не обманывали друг друга... Я верила вам всем. Сейчас я не верю никому! Я буду спрашивать по очереди. Богатырева — ты?

Вика схватилась за голову руками, вскочила.

— Ой, что вы, Анна Ивановна... — с ужасом сказала Вика.

— Кукин?

Кукин неуклюже поднялся, зацепился за что-то ногой под партой. Освобождая ногу, Саня не то хрюкнул, не то промычал что-то.

— Не поняла.

— Нет, — выдавил Кукин.

Взгляд Анны Ивановны скользил по лицам учеников. В ожидании этого взгляда каждый очередной съеживался и шевелил губами, словно готовил ответ. Некоторые вскакивали даже раньше, чем их спрашивали.

Уже почти весь класс стоял, но Анна Ивановна, словно не замечая этого, никому не разрешала садиться.

— Владимирцев?

Игорь поднялся, нервно теребя пуговицу рубашки.

— Честное слово — не я!

— Игнатьева?

Лиля встала, несколько раз переложила из ладони в ладонь ручку. Пальцы и губы ее были в чернилах.

— Честное слово — не я!

— Кузнецов?

Кузнецов был последним. Он давно уже понял, что будет последним — Анна Ивановна спрашивала по порядку, проходя колонки парта за партой. Наверное, поэтому Кузнецов нервничал больше других. Впервые Анна Ивановна увидела, что Кузнецов может бледнеть.

— Это не мы...

— Я спрашиваю о тебе лично.

— И не я!

— Все садитесь, — сказала Анна Ивановна. Все сели.

— И все-таки кто-то лжет, — сказала Анна Ивановна. — И я знаю кто.

Мгновенное движение прошелестело в классе и сразу смолкло. Все смотрели на Анну Ивановну.

— Недавно вы обсуждали письмо, которое Аня Мельникова написала в газету. Вам было очень весело. Но Аня такого письма не писала.

Снова не то шелест, не то вздох пронесся по классу. Послышались голоса:

— Мы знаем!

— Она сама говорила!

— Просто кто-то придумал!

— А письмо все-таки было, — спокойно сказала Анна Ивановна. — Его написал кто-то другой от имени Ани. И этот кто-то тоже из нашего класса. Может быть, автор письма сейчас встанет?

Сидящие впереди ребята как по команде повернулись назад. Затем повернулись сидящие посередине. Но ни впереди, ни посередине никто не встал. И получилось так, что всем пришлось смотреть на последние парты. На одной из них сидел Олег Кузнецов. Он и встал.

Класс охнул.

— Я слушаю, Кузнецов, — сказала Анна Ивановна.

Кузнецов стоял бледнее прежнего. Видно, и ему сейчас было тяжело. Быть может, впервые ощутил он, что ноша предводителя нелегка, ибо предводителем нужно быть не только при победах, но и при поражениях.

Кузнецов сказал очень тихо:

— Анна Ивановна, я только хотел сказать, что мы про письмо ничего не знаем. Мы его не видели. Про него все говорили, но никто не признался.

— И все?

— Все.

— Садись, — сказала Анна Ивановна. — Я и не надеялась, что кто-то признается. Скрывший одну подлость, скроет и вторую. Струсивший один раз, струсит еще десяток. Письмо, о котором я говорю, написано на машинке. Значит, по почерку ничего узнать невозможно. Вот оно.

Анна Ивановна вынула из портфеля письмо и показала классу.

— Адрес на конверте написан от руки. Почерк довольно необычный — с наклоном влево. Ни у кого из нашего класса нет такого почерка.

Анна Ивановна показала конверт, и большинство ребят вздохнуло с облегчением. Послышалось даже приглушенное бормотание вроде: «Мы же говорили... это не мы...»

Анна Ивановна слотнула слюну. Она чувствовала, как хрипнет ее голос от волнения, от сознания того, чем она сейчас рисковала.

— Как видите, автор письма предусмотрел все: отпечатал письмо на машинке и изменил почерк на конверте. Он допустил лишь одну небольшую ошибку: в самом тексте письма одно слово отпечатано неверно. Затем оно зачеркнуто и написано сверху. Правильно. От руки. И совсем другим почерком. А теперь я снова буду спрашивать. Богатырева — ты?

На этот раз Вика даже не встала. Она затмотала головой и чуть ли не простонала:

— Честное слово, Анна Ивановна...

— Кукин?

Кукин поднялся, тяжело отдуваясь.

— Я... — сказал он. — Нет...

— «Я» или «нет»?

— Не я.

В том же порядке, в той же очереди вставали за партами ученики шестого «в» класса. Те, кто уже ответил, облегченно вздыхали, словно их миновала большая опасность. Те, кому это еще предстояло, сидели напряженные и сосредоточенные, будто каждый из них мог оказаться виновным.

Все меньше оставалось сидящих. Анна Ивановна продолжала спрашивать спокойным, размеренным, скучным, пожалуй, голосом. И с каждым следующим «нет» усиливалось у нее ощущение пустоты и безнадежности глупой этой затеи. Все происходящее было слишком значительно для нее самой и для ее горлопанов. Но спустя минуту-другую сказано будет последнее «нет»... И тогда рухнет ее вера в себя и их вера в нее; и останутся только тридцать шесть обиженных подозрением человек и беспомощная старая женщина, которая зачем-то сказала своему классу неправду.

Очередь приближалась к концу последней колонки. Там сидел Олег Кузнецов. И теперь все смотрели на него одного, потому что из всех оставшихся лишь он один мог сказать «да», если только кто-нибудь вообще мог так ответить.

Взгляд Анны Ивановны скользнул на очередного ученика. Он смотрел прямо на нее, и в выражении его лица Анну Ивановну поразило странное сочетание мольбы и ненависти.

Прежде чем Анна Ивановна успела спросить, он вскочил и крикнул с отчаянием:

— Это неправда! Там не было ничего исправлено! Не было!

Еще ничего не понимая, все повернулись в сторону, откуда раздался крик.

— Что ты говоришь, Игорь? — с изумлением спросила Анна Ивановна, все еще не веря, что это он, тот самый...

А Игорь, понимая, что все уже сказано, что ничего исправить уже невозможно, продолжал выкрикивать слова, не имевшие теперь никакого значения:

— Я ничего не говорю! Я просто так... Я ошибся!

— Но там действительно ничего не было исправлено! — сказала Анна Ивановна. — Я это выдумала.

— Это не я написал! Честное слово, не я!

— А надпись на будке — тоже не ты?

— Тоже не я! Почему вы мне не верите? Да самое же честное слово — не я! Честное пионерское! Честное какое хотите!

Игорь кричал с отчаянием. В отчаянии этом слышался страх и слышалась... искренность.

— Но кто же тогда? — растерянно спросила Анна Ивановна.

— Это мой друг, — торопливо заговорил Игорь. — Даже не друг, просто товарищ. В общем, знакомый. Он совсем из другой школы. У них машинка есть. Он один все напечатал. Я только придумал, что писать. И конверт он надресовал... Я только письмо опустил. Я честно говорю! И красками он писал! И краску он достал! Я только банку держал, когда он писал... Это все он! Все! Честное слово!

Игорь выдохся и умолк. Молчали и остальные. Тишина была тягостной. Игорь не выдержал.

— Честное слово... — умоляюще сказал он. Только сейчас класс понял все до конца.

Саня рванулся с места, сдвинув парту. Своими большими руками Саня выдернул Игоря из-за парты и пинком послал его вдоль стены.

Игорь проехал на ногах и остановился у двери.

Саня схватил портфель Игоря, тряхнул его так, что из него все посыпалось, и швырнул портфель в хозяина. Грохнувшись о дверь, портфель упал на пол. Игорь поднял его и прижал к груди, беспомощно глядя на Анну Ивановну.

У парты Игоря уже сгрудились все, кто только мог. Авторучка, тетради, дневник, учебники летели к хозяину, попадали в него, в дверь; Игорь молча наклонился, поднимал вещи с пола и все так же смотрел на Анну Ивановну, не решаясь уйти, все еще на что-то надеясь.

— Довольно! Прекратите сию же минуту! Все — на места! — крикнула Анна Ивановна.

Никто ее не послушался. Все остались стоять, только перестали швырять.

Игорь все так же стоял у двери. И потому, что Анна Ивановна крикнула не на него, а на остальных, ему показалось, что еще можно как-то спастись.

— Я же не один виноват, Анна Ивановна... Весь класс смеялся... А я только знакомому помог. Хотите, я адрес скажу? Красная улица, дом девятнадцать, квартира...

Анна Ивановна не дала Игорю договорить.

— Уходи!

— Я же сказал адрес! Я же сказал... — заторопился Игорь.

— Уходи!

Игорь скрылся за дверью.

— Садитесь.

На этот раз все послушно сели. Анна Ивановна смотрела на своих возбужденных, взъерошенных, раскрасневшихся горлопанов и видела, как довольны они тем, что нашелся виновный. Сама же она чувствовала только боль и усталость.

— Ну вот мы с вами и нашли виновного, — сказала Анна Ивановна. — Теперь у нас совесть чиста?..

Олег Кузнецов, уже не бледный, а самый красный из всех, немедленно отозвался. В голосе его было неподдельное возмущение.

— Вот же гад! Верно, Анна Ивановна?

— А вы все были у него в помощниках, — сказала Анна Ивановна.

Но предводитель не хотел давать класс в обиду.

— Он специально, а мы — нет.

— Да, конечно, — согласилась Анна Ивановна. — Вы — лучше. Он — негодяй, а вы — просто веселые ребята.

— Анна Ивановна, — мрачно спросил Саня, — а вы расскажите про Володю. Он поправится?

— Не знаю.

— А мы к нему в больницу ходим. Верно, ребята? — сказала Вика.

Все одобрительно зашумели. Всем стало немного легче. Молодец, Вика! Конечно — в больницу. Навестить товарища. Ободрить. Поддержать. Все, как положено: апельсины-мандарины, шоколад-лимоны... Пускай скорей поправляется!

— Боюсь, что с вами не захотят разговаривать, — сказала Анна Ивановна.

— Да и пускай не разговаривают! — не растерялся Олег. — Мы все равно к нему проберемся. Можем в окно, а можем и еще куда-нибудь.

— Я говорю о Володе, — сказала Анна Ивановна. — Если он захочет с вами разговаривать...

Олег зашептался с соседями.

— Собрание! — закричали все, кто сидел вблизи Олега. — Давайте сегодня собрание.

— Зачем?

— А мы обсудим... — ответил за всех Олег. — Мы обсудим нашу вину.

— Нога у Володи от этого не срастется, — сказала Анна Ивановна.

— А мы попросим, чтобы Владимирцева исключили!

— И от этого она не срастется.

— Тогда пускай нас всех исключат!

— Даже от этого она не срастется.

— Что же, нас наказывать нельзя? — спросил Олег.

— Выходит — нет. Никаких писем вы не писали, никого под машину не заталкивали. Вы только смеялись...

— Анна Ивановна, — сказал Олег, — но вы же можете придумать, чтобы нас... чтобы... мы... В общем, чтобы нам за это попало.

— Не могу. Да и никто, наверное, не может. Не придумали еще наказаний за шутки.

— А пускай нас в поход не посылают, — настаивал Олег.

— Что это вам вдруг так пострадать захотелось?

— Вы сами знаете, — буркнул Олег.

— Догадываюсь. Что же, собирайте собрание, если хотите. Только без меня. Ничего нового я вам сказать не могу. А сейчас давайте учиться. Кто пойдет к доске?

По тону Анны Ивановны шестой «в» понял, что на сегодня все разговоры окончены. Возле парты Кукина Сани возник легкий шумок, слышался яростный шепот. Получив несколько толчков в спину, Саня дернулся раз, другой и нерешительно поднял руку.

— Ну что ж, Кукин, иди.

Саня заковылял к доске. Но не успел он взяться за мел, как дверь класса приотворилась и в щель просунулась голова неизвестной ребяткам женщины.

— Анна Ивановна, на минуточку вас...

Анна Ивановна поднялась и поспешно, словно боясь, что женщина будет говорить дальше, вышла из класса.

Анна Ивановна прикрыла за собой дверь и услышала сразу возникший за ее спиной гул в классе, который хоть и не знал, но сразу догадался, что пришла мать Игоря.

Так оно и было. Перед Анной Ивановной стояла запыхавшаяся, растерянная, на смерть перепуганная мать.

— Здравствуйте, Анна Ивановна, — сказала она и заплакала.

Внезапно Анна Ивановна ощутила знакомую боль в левом боку и прислонилась спи-

ной к двери. С этого мгновения сознание ее как бы раздвоилось: она слушала мать Игоря, старалась понять ее слова, хотя смысл этих слов был известен заранее, и боролась с нарастающей болью, вслушивалась в нее, задерживала дыхание, потому что при вдохе боль становилась особенно сильной.

А женщина плакала и говорила сквозь слезы. Она согласна была на все: на унижение, на ложь, на подвиг; она давала бессмысленные клятвы и обещания. Анне Ивановне было мучительно все это слышать, потому что она ничем не могла помочь ни сейчас, ни позже.

— Ксения Михайловна, не надо... — сказала, наконец, Анна Ивановна. — У нас урок... Я вас прошу — зайдите, пожалуйста, в перемену.

— Не могу я в перемену... — всхлипнула Ксения Михайловна. — Только на час с работы отпросилась. Он, как пришел домой, позвонил... Я уж наврала начальству невесть что. Побегу, думаю, пока еще не решили. Простите его, Анна Ивановна! Простите моего негодяя! А уж я с ним расправлюсь...

— Нельзя этого прощать, — тихо сказала Анна Ивановна.

Ксения Михайловна с готовностью закивала головой.

— Да я понимаю... Я и сама не прошу! Но мне-то как быть? Куда я с ним теперь? Вы уж простите, вы добрая, я знаю...

Анна Ивановна качнула головой в сторону двери.

— А они что подумают?

— Так ведь ребятишки же... Они быстро забудут.

— Нельзя, чтобы забыли.

— Да я понимаю... нельзя... А вы простите, они вам поверят.

— Не могу, Ксения Михайловна. Извините, пожалуйста... Я одна ничего теперь не могу. Будет педсовет...

— Выгонят подлеца?

— В этой школе ему оставаться нельзя, — сказала Анна Ивановна.

— Да это же я, одна я виновата, — просто-накала Ксения Михайловна. — Какой-то поход у вас собирался... А я ему запретила... Думала — поедем вместе в деревню. Там у меня родня... яблоки... смородина... Думала — вместе будем. А он настойчивый... Говорит: «Не пустишь — хуже будет». Я говорю: «Как это — хуже?» А он говорит: «Тогда никто не поедет!» А мне это ни к чему, кто там поедет — не поедет... Они еще всё с Костиком шушукались. У них же всегда секреты. Он еще у меня спрашивал, чем краску разбавляют... Так я сама разбавителя принесла. Ведь я одна только и виновата!

«Костик — это тот, с Красной улицы... —

подумала Анна Ивановна. — Никто не поедет... Вот, значит, в чем дело!»

Анна Ивановна переступила с ноги на ногу: боль уже заполнила всю левую половину тела.

— Давайте обождем... — сказала Анна Ивановна, думая о том, что главное сейчас — уйти в класс и сесть. — Сейчас ничего не решить. Обождем до завтра... до вечера... Не в тюрьму же его сажают. Перейдет в другую школу. Там его возьмут... под особое наблюдение...

— Правильно! В тюрьму его! Ничего для него не жалела... А теперь сама говорю: в тюрьму! — Ксения Михайловна помолчала, комкая в руке платок. — Простите его, Анна Ивановна...

— Извините. Не могу.

— А если — к директору? Он — может?

— Не знаю.

— Тогда я сейчас — к директору. Ведь должен он понять! Вы извините, Анна Ивановна... Я к вам еще зайду... Можно?

Робко, униженно и с надеждой смотрела мать на Анну Ивановну, стараясь поймать ее взгляд. Анна Ивановна смотрела в пол и ей было нестерпимо больно видеть человека в таком состоянии.

— Да-да, конечно... Приходите, — сказала Анна Ивановна.

— Большое вам спасибо! — горячо проговорила Ксения Михайловна и торопливо, словно Анна Ивановна могла отменить это ничего не значащее разрешение, устремилась по коридору к лестнице.

Анна Ивановна вошла в класс. Гул сразу стих. Шестой «в» молча уставился на нее, стараясь по ее лицу угадать, чем кончились переговоры.

Анна Ивановна села за стол. Несколько раз переложила с места на место журнал, потрогала разложенные на столе бумаги. Она обернулась к доске, увидела Кукина, который накручивал тряпку на палец.

— Ты что, Кукин?.. — с недоумением спросила Анна Ивановна и тут же вспомнила. — Ах, да... Ну вот что, Кукин, напиши... напиши нам...

И вдруг шестой «в» увидел, что губы Анны Ивановны начали подергиваться, а лицо странно перекосилось. Анна Ивановна закрыла лицо руками, плечи ее затряслись — она плакала.

* * *

Со дня, когда закончилась «история», прошло больше двух недель. Как обычно, в половине девятого Анна Ивановна вышла из дома и направилась в школу. В нескольких шагах от парадной дорожки ей преградила фигура в ватнике и валенках с резиновыми галошами.

— Здравствуйте, Анна Ивановна,— сказала фигура.

Анна Ивановна взглядела и едва узнала шофера. На этот раз он был чисто выбрит. В морозном воздухе растекались волны одеколona.

— Доброе утро,— сказала Анна Ивановна.

Шофер нахмурился, вспоминая пригото-

ленные слова. Правую руку он держал за спиной.

— Отпустили меня,— сообщил он.— Я вам хочу большое спасибо сказать. Вот что вы следователю объяснили... почему мальчик побежал... и прочее...

— Меня благодарить не за что,— сказала Анна Ивановна.— Я рассказала, что знала.

— Так ведь вас не вызывали, а вы пришли.

— Да вот... пришла... — согласилась Анна Ивановна, соображая, что бы такое могло быть у шофера в правой руке. Если цветы, то это еще полбеды, — цветы можно и принять, чтобы не обижать человека. Но где же достать цветы посреди зимы? Скорее всего в руке какая-то вещь, и это гораздо хуже.

— Жена моя вам тоже кланяется. Мы ведь в Минске живем... Так она мне написала... велит подарок вам...

— Ну уж, это лишнее, — сказала Анна Ивановна, с опаской наблюдая за нервным подрагиванием правой руки.

Рука выползла из-за спины и протянула Анне Ивановне сверток в лиловой бумаге, перевязанный капроновой лентой.

— Не надо, — сказала Анна Ивановна. — Этого совершенно не надо. Я ничего не возьму.

Лицо шофера приняло отчаянное и вместе с тем смущенное выражение.

— Так как же... — сказал он. — Вы уж примите. Тут ничего... Обыкновенный платок... пуховый... У нас родня на селе... Они вяжут... У вас таких не делают.

— Спасибо, но я не возьму, — решительно сказала Анна Ивановна. — Вы лучше скажите, как у вас все обошлось.

— Да обошлось... Права, конечно, отняли. На год. Сейчас сменщика жду — машину передать. А я перебьюсь: у нас в гараже по ремонту работы хватает. А вы все-таки примите, он же не купленный.

Анна Ивановна, словно не слыша последних слов, посмотрела на часы.

— Вот и хорошо, — сказала она. — Извините, мне уже пора. До свидания.

— Желаю вам долго жить, — серьезно сказал шофер. — Я еще тогда парнишке вашему сказал: умная у тебя учительница!

— Спасибо, — засмеялась Анна Ивановна, боком скользнула между шофером и стенкой и торопливо зашагала по тротуару.

Шофер достал папиросу, чиркнул спичкой и задумался. Внезапно лицо его просветлело. Губы его растянулись в хитрой улыбке. Так и не прикурив, он поправил на голове шапку и решительно вошел в парадную, откуда только что вышла Анна Ивановна.

* * *

День спустя после разговора с шофером, Анна Ивановна сидела в учительской. У нее был пустой урок. Чтобы не терять даром времени, Анна Ивановна составляла черновик ответов на анкету, над которой уже третий день ломали головы учителя школы.

Бланки анкеты оставил в школе молодой человек, предупредив, что они лишь часть серьезного научного исследования. Анне Ивановне предстояло ответить на множество вопросов по поводу увеличения «сопротивляемости» учеников при переходе из пятого класса в шестой. Под «сопротивляемостью» разумелись всевозможные случаи непослушания: отказы выполнить распоряжения и просьбы учителей, ложь, резкость или грубость, замкнутость, недоверие.

Нельзя сказать, чтобы анкета очень увлекла Анну Ивановну. Она знала множество случаев, которые в анкету никак не укладывались. Скрипнула дверь учительской, и Анна Ивановна обернулась на этот скрип.

На пороге стояла Аня.

Анна Ивановна встала.

— Пришла, наконец, — сказала Анна Ивановна. — Давно пора. Ребята о тебе каждый день спрашивают: почему Мельникова не ходит? А ты почему без портфеля?

Анна Ивановна старалась говорить спокойным, деловым тоном. Никакой жалости, никакого сочувствия в голосе — никаких напоминаний о прошлом. Просто учительница интересуется, когда ее ученица приступит к занятиям после болезни.

— А мы уезжаем... — сказала Аня.

— Куда? — с недоумением спросила Анна Ивановна.

— К папе. Мы теперь там будем жить.

— Как же так? — растерянно спросила Анна Ивановна. — Зачем так спешить? Я поговорю с твоей мамой — ты должна хотя бы год закончить!

— Не надо говорить, — сказала Аня. — Раньше мама и сама не хотела... И я тоже... Мы папу все время уговаривали, чтобы он совсем сюда перебрался. А он уговаривал, чтобы мы к нему...

— А теперь?

— А теперь мы согласны... И не говорите мне ничего, Анна Ивановна, а то я заплачу.

Перед Анной Ивановной стояла серьезная, решительная и совсем взрослая девочка. Анна Ивановна поняла, что в семье Мельниковых все уже решено бесповоротно.

— Ну что ж, поезжайте. Раз решили, значит — так... — сказала Анна Ивановна.

— Вы за меня не беспокойтесь. Я там буду учиться. Там прекрасная школа... — Тут глаза решительной девочки подозрительно заблестели, и она всхлинула. — Двухэтажная... Я вам буду писать...

— А может быть, все-таки мне поговорить с вашими родителями?

— Нет, мы вместе решили, — твердо сказала Аня. — До свидания, Анна Ивановна. Возможно я вас поцелую?

Аня подбежала к Анне Ивановне, чмокнула ее в щеку и скрылась за дверью.

Анна Ивановна вернулась за стол. Она сидела и бездумно смотрела на анкету, в которой не было пункта для ее ученицы Ани Мельниковой.

Но дверь учительской тут же открылась снова, и в комнату ворвался Олег Кузнецов с Викой Богатыревой.

— Анна Ивановна, когда она уезжает? — заорал возбужденный Олег.

— А ты-то откуда узнал?

— Ха! — сказал Олег. — А правда, она уезжает?...

— Это правда.

— А мы этого не допустим! — заявил Олег.

— Каким образом?

— Мы ее догоним! Мы уговорим! Верно, Вика? Бежим!

Олег дернул Вика за руку и они с грохотом умчались по коридору.

«Как это все у них просто: догнал — и все наладилось, — подумала Анна Ивановна. — Ну что ж, пусть догонят... Может быть... Мало ли что может быть...»

Думать над анкетой Анне Ивановне уже не хотелось. Она положила черновик и анкету в портфель и только тут спохватилась.

— Да у них же сейчас урок идет! — сказала сама себе Анна Ивановна.

Анна Ивановна подошла к расписанию и глазами отыскала колонку шестого «в».

— Интересно, с какого это урока они удрали?

КОНЕЦ

**„ЧИТАТЕЛЯМ КОСТРА“
УЧАСТНИКАМ КОНКУРСА НА ТЕМУ
„МОЯ БУДУЩАЯ
ПРОФЕССИЯ“**

**ОРГАНИЗОВАННОГО СИМЕА —
МЕЖДУНАРОДНЫМ КОМИТЕТОМ
ДЕТСКИХ
И ЮНОШЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Жюри конкурса оценило искреннее желание юных читателей «Костра» жить в мире и дружбе с детьми разных народов и стран и их благородное стремление сделать жизнь на Земле счастливой.

Десять из двухсот работ, присланных в «Костер», жюри конкурса отметило как лучшие и наградило их авторов почетными дипломами СИМЕА.

Редакция поздравляет Надю Герасимову из Новомосковска, Таню Гужавину из казахстанского села Ключевинка, Ларису Червову из Кутузова, Надю Адаменко из Ленинска, Таню Столярову из Егорова, Люду Фельдшер из Флорешти, Таню Погорелову и Виталия Трач из Каховки, Раю Белову из Алма-Аты, Инну Клименко из Кошеватова, награжденных дипломами СИМЕА, и желает, чтобы их мечты осуществились.

POUR LE BONHEUR DE TOUS LES ENFANTS
DU MONDE

CONCOURS LITTÉRAIRE INTERNATIONAL D'ENFANTS
"Ma future vocation"

Diplôme

décerné à
la Rédaction de la
revue d'enfants «КОСТЕР»
Leningrad

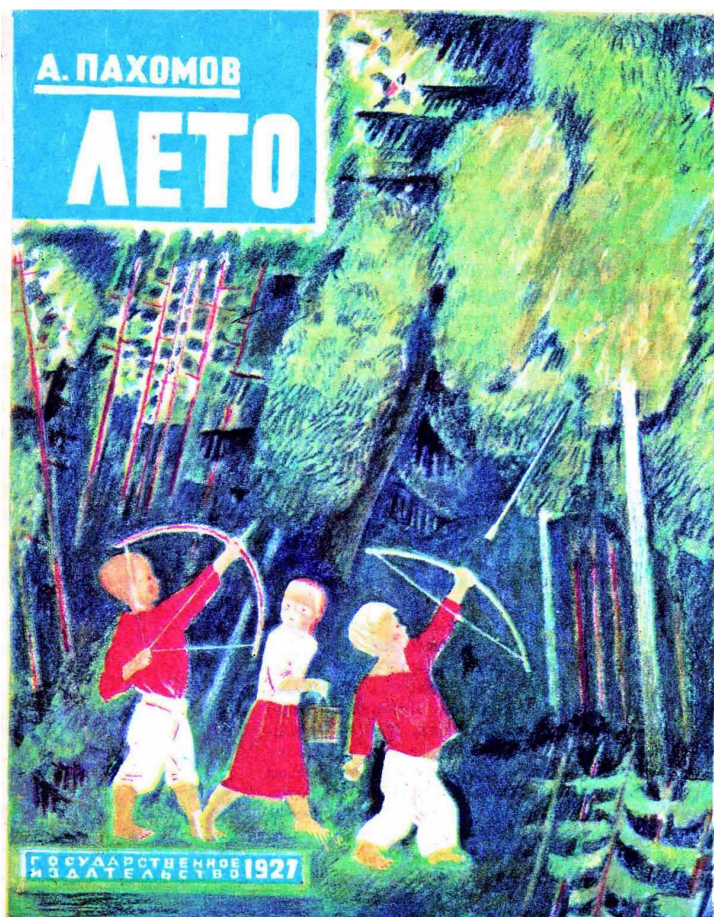
POUR LE RENFORCEMENT
DE LA COOPÉRATION
INTERNATIONALE
DANS L'ESPRIT
DE PAIX,
AMITIÉ,
SOLIDARITÉ

AU NOM DE LA PRÉSIDENTE
DU CIMEA

Tibor Lakatos
Secrétaire général

Budapest, le 1er juin 1970 - JOURNÉE INTERNATIONALE DE L'ENFANCE

Таким дипломом награждена
и редакция журнала «Костер»

Обложка книги „Лето“

Иллюстрация к рассказу И. С. Тургенева
„Бежин луг“

Разворот книги „Филипок“

КАК БОГАТ ЧЕРНЫЙ КАРАНДАШ

Когда я познакомился с Алексеем Федоровичем Пахомовым, меня не покидало чувство, что я знаю его давным-давно. На самом деле так оно и было: я давно знал и любил его рисунки. Помню довоенную первомайскую ярмарку в Александровском саду в Ленинграде, яркую россыпь на длинном лотке... Отец купил мне тогда целую кипу тоненьких книжечек, и я нес их домой под мышкой, предвкушая, как сяду и стану их листать.

Среди них особенно запомнилась одна: „Мой веселый звонкий мяч, ты куда пустился вскачь? Синий, желтый, голубой, не угнаться за тобой!..“ Тогда было совсем неважно, чьи это стихи, и — тем более — чьи рисунки, но я помню, какую бурю вызвала во мне та книжечка. И не только стихами своими, которые хотелось выкрикивать — на бегу, на скаку, на лету!.. Я разглядывал картинки, и они тоже — упругие, веселые, заставляли меня бегать, прыгать, орать — в комнате, на дворе, на улице...

А потом появлялись у меня и у товарищей все новые и новые книжки с иллюстрациями А. Ф. Пахомова. „Рассказ о неизвестном герое“ Маршака, „Что такое хорошо и что такое плохо“ Маяковского, „Бежин луг“ Тургенева, поэма Некрасова „Мороз Красный нос“, „Часы“ Пантелеева.

Познакомился я с Пахомовым много позже, когда мне довелось делать небольшой фильм о его творчестве. Алексей Федорович встретил нас на пороге своего дома в Парголово — крепкий, коренастый человек, твердое рукопожатие, внимательный, точнее — цепкий взгляд светлых глаз, такая неторопливая крестьянская повадка. Дом деревенский, просторный, и сад — весь в старых-престарых деревьях, и озеро под боком...

Быть ближе к природе, к земле, к воде, к небу, не заслоненному городскими дымами, — это для художника просто необходимость, одно из условий работы, так же как карандаши и бумага, краски и кисти.

В те дни Алексей Федорович много рассказывал о себе, показывал книжки разных лет, начиная с самых первых — „Лето“, „То-

Иллюстрация к роману Островского
„Как закалялась сталь“

пор“, „Коса“, „Мастер“, „Мастер-ло-мастер“, в которых свежесть деревенского рассвета, запах и цвет вспаханной земли, веселый азарт крестьянской работы, первый солнечный луч, скользящий по скобленному чистому полу избы...

С книжкой „Мастер“ связан забавный эпизод. С. Маршак сочинил стихи про деревенского паренька, который считает себя мастером на все руки, а у самого из рук все валится... А Пахомов сделал к этим стихам рисунки. Когда книжка вышла, ее увидел у Алексея Федоровича один мальчик и воскликнул: „Какой же это мастер! Это не мастер, а лома-стер!“ Пахомов тотчас же сообщил новое словечко Маршаку. Тот страшно обрадовался, внес поправки в стихи, и второе издание уже называлось так: „Мастер-лома-стер“.

Последние годы А. Ф. Пахомов иллюстриру-

ет рассказы и сказки Льва Толстого. Помните рассказ „Филипок“? Открываем книжку на первой странице и читаем: „Был мальчик, звали его Филипп“. И все. Ничего больше не сказал писатель о своем герое — ни о внешности его, ни об одежде... Подымаем глаза на рисунок: крестьянский мальчик завязывает онучи. Он так подробно, так любовно нарисован художником, что мы не можем не поверить: да, таким и был Филипок! Другой рисунок: Филипок идет по заснеженной деревенской улице, за ним увязалась собачонка. Удивительно тиха эта улица!.. И вот что поражает: как богат черный карандаш. От рисунков впечатление многоцветности! Таково искусство Пахомова — с помощью одного черного цвета создавать целую гамму оттенков.

Фамилию Алексея Федоровича вы видите на последней странице нашего „Костра“. Пахомов — член редколлегии журнала. Задолго до войны, когда „Костер“ только еще затевался, Алексей Федорович придумал и нарисовал обложку: пионер и пионерка разглядывают журнал „Костер“, на обложке которого тоже изображены пионер и пионерка, разглядывающие „Костер“, а на той обложке — в свою очередь нарисованы пионер и пионерка... И так далее, и так далее... Занятная была обложка. И когда в 1966 году „Костру“ исполнилось 30 лет, читатели юбилейного номера вновь увидели старую пахомовскую обложку, а родители нынешних читателей испытали особую радость — радость встречи со своим детством.

А. Крестинский

Юрий Сенкевич

Фото автора

1969 год, лето

13
июня
двадцатый
день
плавания

Итак, мы преодолели первую тысячу миль. По этому поводу решили устроить небольшой праздник, достали вино «Кон-Тики» и три баночки икры. Ужин получился царский.

Джордж рассказал кое-что о себе. Химик по образованию, он учился в Страсбурге, но работать по своей специальности не стал, а увлекся подводным спортом. Много плавал в Красном море, на ногах его — следы акулиных зубов. Там, на побе-

Продолжение. Начало в «Костре» № 9, 1970 г.

режье, Джордж встретился с Бруно Вайлати — продюсером документальных фильмов — и подружился с ним. Последний фильм с участием Джорджа был посвящен муренам. Джордж выступал в роли их дрессировщика. Ему действительно удалось выдрессировать трех мурен, они к нему привыкли и даже, когда он появлялся, покидали свои убежища.

Мурена — огромная рыба до трех метров в длину, свирепая, с острыми зубами. Она прячется в гротах и вылезает из них только за добычей и то на несколько минут. И вот таких-то страшилищ Джордж приучил брать пищу из его рук и даже изо рта.

Он рассказал еще о ночной киносъемке акул. Ныряльщики-профессионалы отказались лезть в воду, и пришлось нырять Джорджу с Бруно. Говорит, что это было ужасно и подлобного он никогда больше не повторит.

Вахта моя прошла спокойно.

14
июня
двадцать
первый
день

Собрались в хижине и долго обсуждали возможные варианты освоения нашей кормы. Всем ясно, что она будет продолжать погружаться.

15
июня
двадцать
второй
день

По поводу кормы Тур решил: — Сначала уберем отсюда плот,

затем сделаем дополнительный настил из папируса, а сверху уложим деревянную палубу. Одновременно хорошо бы увеличить в размерах и фальшборт.

Наладили газовую лампу для ночной рыбалки. Когда стемнело, Норман подвесил ее над водой, и почти сразу же появилась макрель. Макрель очень красива — в воде она кажется перламутрово-голубой, а временами — золотистой. Интересно наблюдать, как макрель охотится. Ее путь прослеживается по скачкам летающих рыб, иногда макрель поднимает их из воды десятками.

За день пройдено 58 миль.

16
июня
двадцать
третий
день

Джордж готовит свои приспособления для подводного путешествия, просит ему помочь — помогаю. Распутываем шланги и веревки, отвинчиваем баллоны с воздухом. Норман сидит наверху мачты и что-то там подвешивает. Санти перекладывает продукты из ящика в ящик.

Джордж надевает акваланг, уходит под воду. Держать страховочную веревку очень трудно — волны и течение пытаются унести пловца. Зову на помощь Тура, приходит и Норман. Втроем куда легче. Джордж плывет под углом к ходу лодки. Ведет съемку под водой, временами снимает нас. Вскоре вытаскиваем его на палубу, он устал, дышит тяжело.

Темнеет, пора ужинать. Карло и Санти долго варили солонину, обжаривали ее с чечевицей, получилось довольно вкусно.

— Это пища древних моряков, — говорит Тур. — Все великие географические открытия сделаны на солонине. Кстати, неплохо бы русских сухариков.

Выданы сухарики, — и сразу раздается подозрительный хруст, и Тур выплевывает на ладонь кусок зуба!

Я с фонариком осматриваю его, оказывается, это не зуб, а пластмассовая полукоронка, которая, когда Тур жевал сухарь, отвалилась.

— Вот, пожалуйста, социалистический хлеб, — язвит беззлобно Санти.

— Не хлеб социалистический, а зуб капиталистический, — парирую я. Тур хохочет.

После ужина устанавливаем с Джорджем фонарь для приманивания рыб. Появляется макрель — одна, две, три, а Джордж все возится с ружьем, наконец, выстрелы — и мимо, макрель уходит.

17
июня
двадцать
четвертый
день

Получили приветственную телеграмму генерального секретаря ООН У Тана.

Говорил по радио с Ленинградом. У меня дома все в порядке. Прошли 80 миль.

18
июня
двадцать
пятый
день

Вот это да! Уничтожить наш спасательный шанс, притом единственный!

Наш пенопластовый плот, который столько дней служил нам верным психологическим барьером против всех бед, и не только нам, но и нашим близким, — и вдруг его уничтожить?!

Санти сказал — решили разрезать его на части и сделать из него кормовую палубу, укрепить борт...

— У меня два соображения против, — сказал я, — первое: плот может нам понадобиться. Второе: что скажут наши ученые оппоненты? Ведь древние египтяне не имели такого материала, как пенопласт?

Тур взмешался. Он был зол, глаза сверкали, сузились, превратились в два шильца.

— Что касается оппонентов — да, древние не имели пенопласта. Но они имели большее — опыт строительства подобных лодок. Что же до безопасности — то корабль на воде уже месяц, находится в отличном состоянии. Мы постоянно сгибаемся и выпрямляемся, железо не выдержало бы, а папирус выдерживает! Чего же нам бояться?

Кроме того, мы ведь не выбросим спасательный плот, мы его лишь разрежем и привинтим крепко к палубе на корме, то есть будем иметь тот же самый плот, только в несколько измененном виде.

Надо отдать Туру должное — он отличный полемист. Провел свою идею блестяще, убедил всех — и меня тоже.

19
июня
двадцать
шестой
день

К вечеру показался корабль. Он шел навстречу и начал разговаривать светом. Тур разобрал только:

— Эй, «Ра»!

Тур ответил фонариком:

— «Ра» о'кей!

Внезапно парус заполоскал, лодка резко изменила курс. Тур ринулся на капитанский мостик и стал крутить весло. Вскоре парус надул, как прежде и нос повернулся к ветру.

При этом происшествии неожиданно пострадал Санти. Он как раз шел на нос, и парус сбил его с ног. Санти вскочил и вновь был сбит. Тогда он начал боксировать с парусом, и не выправив лодку, неизвестно, кто бы победил.

Очевидец этого раунда, Карло, показывал нам, как Санти вскакивал и бил парус, и мы хохотали до колик.

Погода продолжала портиться. Ночью я услышал голос Тура: «Юрий!»

Глянул на часы — без десяти два. — Юрий, Норман! Сломалось весло, все наверх! — уже кричал Тур.

Нас как ветром сдуло. Выскочили все, кто в чем был. Тьма кромешная, «Ра» ходит ходуном. Мы юннулись к оттяжкам паруса и начали тянуть. Тур стоял на мостике и выкрикивал: «240! 230! 200! 190! 170! 150!..»

Это уже было невероятно: 150° — нас развернуло к югу, парус бился реем о мачту! В любую минуту рей мог сломаться, и тогда начинная все сначала. А веревки рвали из наших рук с невероятной силой, обжигало ладони словно кипятком, пальцы не мели, мы зажимали веревки между плечом и предплечьем, под мышкой, но ничего не помогало. Выбросили, наконец, распутав канаты, плавучий якорь, но не помог и он. «Ра» шатался, как пьяный.

Положение спас Джордж. Рискавая свалиться за борт, так как не был привязан, пробрался на нос, подлез под бьющийся парус и ощупью, в кромешной тьме, нашарил и обвязал обломок весла, которое уже помогло нам однажды.

Курс медленно начал меняться. «190! 200! 210! 230! 250! 270!» — вещал Тур с мостика.

Славу богу, выровнялись! Но всего на несколько минут. Нас вновь поволокло, теперь уже вправо.

— 300, 310, 330, 350! — кричал Тур.

Джордж вытащил весло и кинул на правый борт. Парус вновь бился, как ошалелый, опять Джордж работал веслом. Волны заливали корму, грозя сбить с ног и утащить стоявших там людей. Наконец мало-помалу «Ра» стабилизировался.

Решено было, что на вахте останусь я и Джордж. Остальные ушли спать. С трех часов до восьми мы боролись за курс. Разумеется, изматывались, особенно Джордж. Я работал в основном руками и почти до мяса стер пальцы. Джордж же наваливался всем телом на очень не-

удобный обломок весла. Стонал, кряхтел, но греб. Ну и ночка!

— После того как вы сказали «Ра» о'кей!, надо было постучать по дереву, — вспомнил я старинную примету.

— Да, это моя ошибка, — согласился Тур.

20
июня
двадцать
седьмой
день

Позавтракали молча. Тур ушел на мостик. То и дело он звал нас, и мы вновь и вновь тянули за растяжки паруса, удерживая правильный курс. Санти, посоветовавшись с Норманом, сказал мне, что они хотят уговорить Тура спустить большой парус. Кстати, эта мысль давно преследовала меня, я постоянно задавал себе вопрос — почему Тур рискует реем и, может быть, исходом всего путешествия? Сейчас мы могли бы спокойно дрейфовать, ведь ветер и течение изменились и гонят нас на запад. Нам нужен отдых, надо навести порядок на корабле, надо починить и поставить весло...

И вот, наконец, Тур решил спустить большой парус, убрать якоря и поставить два маленьких парусенка.

— Теперь всем отдыхать! — сказал Тур. — Вахта не нужна.

Но что это? Крики обезьяны! Бедняга-то сидит со вчерашнего вечера без воды и пищи. Пришлось вытащить ее на волю, накормить, напоить, привязать, — после этого пошел спать.

Тур поднял меня в 24.00 — моя вахта. Никогда еще вахта не была такой тяжелой, я засыпал сидя, я засыпал стоя. Это было каким-то наваждением. Остался в майке и трусах, отправился на нос, благо не требовалось следить за компасом, там на холодке немного отошел.

Всего за два минувших дня мы

проделали 113 миль, оставив острова Зеленого Мыса южнее.

21
июня
двадцать
восьмой
день

Утро было отличным, солнечным и спокойным. Меня разбудил Санти и спросил, не хочу ли я заняться рыбалкой. Я вспомнил прошлые наши рыболовные подвиги и сказал, что не люблю заниматься бесполезными делами. Тут в кабину заглянул Тур и объявил, что они поймали трех макрелей и что если я желаю, то могу сделать то же самое. Я не поверил. Оделся, взял зубную щетку, полотенце, пошел на корму и действительно увидел трех здоровенных макрелей, лежащих на палубе. Тур сказал: рыба теперь не проблема, мы — в открытом океане.

Сегодня занялись установкой нового весла. Опыт у нас накопился богатый, поэтому весло установили быстрее и с меньшими трудностями, чем предыдущие.

Видели трех огромных китов, они прошли позади нас, не обращая на нас ни малейшего внимания. Над океаном были только их спины и брызги воды.

Вечером перед ужином Джордж закинул удочку и с необычайной быстротой вытащил еще трех макрелей. Тур вылез из кабины и сказал: «Хватит, мы не должны ловить больше, чем можем съесть».

— О'кей, — ответил Джордж. И тут же поймал еще одну.

22
июня
двадцать
девятый
день

Мы поговорили с Туром о дальнейших работах на лодке. Он хочет

укрепить как следует корму. Этим они (Тур, Карло, Санти) и начали заниматься примерно в пять часов вечера и провозились до темноты. Разрезали ножами и пилой наш спасательный плот и укрепляли куски его на палубе.

Сегодня был я весь какой-то очень свежий и отдохнувший, боль в мышцах и ладонях прошла. На корме я привязался, нырял, стер в воде мыло с головы и тела, вылез посвежевший, надел чистое бельешко, и жизнь вновь стала прекрасной. Как мало надо человеку — отдых и чистое белье.

Вечером рассказывал об Антарктиде. Норман никак не мог себе представить температуру минус 83,3°.

Ну что ж, Норман, я сам сейчас уже ее не представляю.

Мы плывем из Северной Африки в Америку. А несколько лет тому назад в занесенном по крышу домика антарктической станции «Восток» я лечил здоровенных бородастых парней от насморка и болей в желудке.

Почти полюс. Пурга. Носа не высунешь. А в доме на человека — пара квадратных метров. Вынужденная неподвижность. Люди слабеют, становятся вялыми.

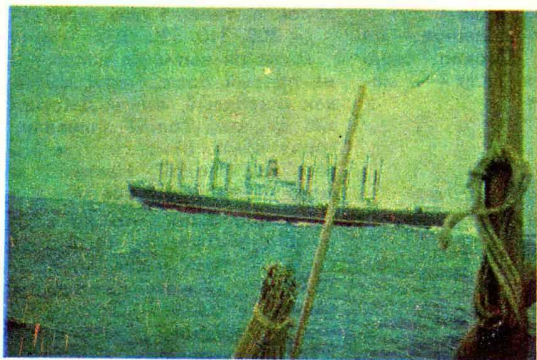
Станция была на большой высоте — кислорода не хватало. Казалось бы, такое обстоятельство должно еще сильнее угнетать организм. Но именно борьба с кислородным голоданием заставляла людей собирать все свои силы, делала человека жизнеспособным.

Мне как физиологу наблюдать это было очень интересно.

Занимала меня и проблема психологической совместимости. Как могут люди разных характеров ужиться в постоянном общении!

В этом смысле «Ра» — та же станция «Восток»: семь человек, а кругом океан, и моя научная работа, мое путешествие продолжают.

Забыл записать, что нас догнали дельфины, довольно большая стая.

Встреча в океане

Подарок «Африканского Нептуна»
очень кстати

Они носились вокруг нас и высоко выпрыгивали из воды.

23
июня
тридцатый день

Сегодня Тур выполняет свой план подъема кормы. Он уверен, что дело увенчается успехом. По крайней мере, по его расчетам, воды на корме будет меньше. Приступили к работам.

Весь мостик опоясан веревками, они идут вдоль и поперек, к обоим бортам. С каждым днем пробираться на корму становится все труднее и труднее, вначале мы пролезали под веревками, теперь там появились новые, и мы пролезаем сверху. Довольна этим, кажется, только Сафи, которая устраивает себе качели из всяких замысловатых петель и концов, — их оставляет ей после своих трудов добрый Карло.

После обеда я мыл посуду и наводил порядок на кухне.

Вечером перед ужином Карло и Санти вновь настилали палубу, привязывали и перевязывали куски пенопласта. Тур снимал своей камерой, которой он пользовался еще на «Кон-Тики». Его сделан и фильм, удостоенный премии Оскара.

24
июня
тридцать первый день

Состояние правого борта и палубы — неважное. Папирус местами разъехался, очень сильно наклонена вправо кабина, ходить по палубе невозможно — только по борту.

25
июня
тридцать второй день

Пришли на корму Санти и Карло и стали таскать туда папирус — готовиться к наращиванию правого борта. Это крайне необходимо, ведь волны нас постоянно заливают. Ребята уложили сначала канат из кокосовых волокон в несколько рядов, а уже к нему стали крепить связки папируса.

ЧП. Абдулла свалился за борт, когда они с Санти надстраивали фальшборт. Если бы он не имел страховочного конца, то мог бы и не вернуться, а так отделался легким испугом. Карло заснял все это на кинолентку.

Мы плывем из Северной Африки в Америку.

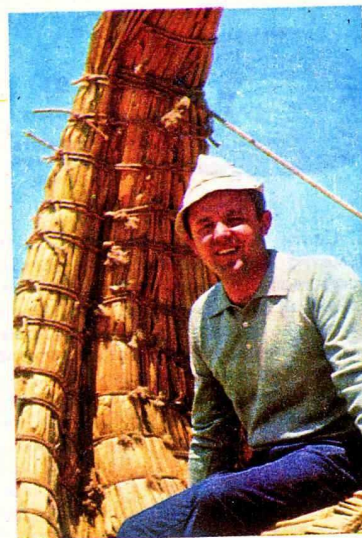
Двадцать два года назад по таким же необозримым морским пространствам плыл бальзовый плот «Кон-Тики». И вот посреди Тихого океана у инженера Германа Ватцингера, одного из спутников Тура, упал в океан спальный мешок. Ватцингер пытался его схватить и... оказался за бортом сам.

Все произошло очень быстро — никто не успел прийти на помощь. Рука Германа соскользнула с кормового весла, и он остался один в океане.

Плот повернуть назад путешественники были не в силах — течение гнало его только вперед.

Вот как рассказывает об этом случае в своей книге спутник Хейердала художник Эрик Хассельберг:

«Самым быстрым оказался Кнют. Он бросил за борт спасательный пояс с веревкой, прыгнул в воду и, держась за пояс, поплыл назад к Герману. Он подоспел в самый раз, так как Герман уже совершенно обессилел и к нему приближался плавник акулы...

Я — впередсмотрящий

С этого времени вахтенный еще крепче обвязывался веревкой, прикрепленной к судну, помня о том, что «человек за бортом — навсегда за бортом».

И снова ЧП. Я сидел в кабине, а на палубе орала обезьяна, я никак не мог понять, почему. Вдруг Карло стал меня звать, я выскочил, смотрю — часть второго поплавка болтается в воде. А обезьяна как раз была привязана к этому поплавку. Спас ее Абдулла. Все его очень хвалили. Он доволен, сияет. У него очень добрая и открытая улыбка.

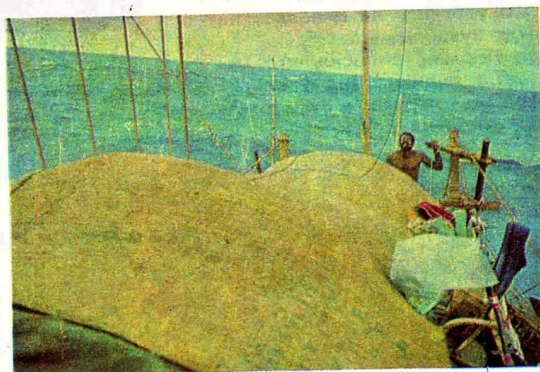

26
июня
тридцать третий день

Холодно...

Таким видят «Ра» чайки

А не напрасно ли мы разрезали плот?

27
июня
тридцать
четвертый
день

С Санти и Джорджем мы как-то незаметно сдружились, чему весьма способствовала наша совместная работа на носу в течение последних двух дней. Здорово устаем, особенно Санти, но шуток в запасе всегда навалом. Тут же отдыхаем, пьем кокосовое молоко, жуем орехи. Санти великолепный парень, именно парень, хотя ему сорок пять лет и он профессор и член Мексиканской академии, но ведет себя просто, мило, очень любит руководить и давать советы. Каждая вторая фраза у него: «У меня есть хорошая идея». Карло зовет его «ассистентом» и иронизирует по поводу его идей.

Вообще всякая неискренность в наших условиях сразу заметна. Хочешь не хочешь — все проявится.

Перед ужином Тур позвал меня и сказал, что Абдулла жалуется на боли в животе. Я взял Джорджа в качестве переводчика и стал его осматривать. Температура 37°, язык слегка обложен.

А что, если аппендицит?

Оперировать в таких условиях трудно, но главное не только прооперировать, но и потом выходить, а как? Здоровый и то с трудом пробирается с носа на корму через Карловы джунгли — хитроумное переплетение веревок и канатов. А с больным что делать?

28
июня
тридцать
пятый
день

После завтрака решили начать работу на носу. Собрались втроем: я, Санти и Джордж. Работать было лень, и мы улеглись на циновках на носу между кувшинами.

Пришел Норман, спросил, что мы делаем. «Ты видишь, мы увеличиваем площадь паруса и ускоряем ход «Ра», — ответил Санти.

Стали готовиться к перемещению амфор, но тут Джордж и Норман вздумали укрепить заземление для рации. Норман влез в воду, а Джордж вынужден был его подстраховывать и следить, не появятся ли акулы.

Вдруг раздался визг Нормана, и он как ошпаренный выскочил из воды. Когда он заорал, я подумал вначале, что его цапнула акула, но, увидев, что ноги и руки у него целы, вздохнул облегченно. Только рановато... Его обвивал длинный хвост — нити медузы, того же «португальского кораблика». Норман пытался отодрать нити, но от этого еще больше страдал, обжигая и руки. Карло поспешил к нему с полотенцем, стал оттирать слизь.

Я затащил Нормана в кабину. Он стонал, я представлял отлично, какво ему. Вытер ватой с кремом слизь и стал прыскать на него анестезирующим аэрозолем. Медуза обожгла ему левую ногу, бедро, поясницу и часть руки. Я дал анальгин и валидол.

Около 5 вечера мы (Санти, Джордж и я) вновь собрались на носу и навели там идеальный порядок. Убрали все амфоры с водой, перенесли и привязали их на левой палубе.

29
июня
тридцать
шестой
день

Корма полна воды.

30
июня
тридцать
седьмой
день

На корме состоялась массовая постирушка. Сушим белье на веревках Карло.

1
июля
тридцать
восьмой
день

Я увидел огромный корабль, который шел нам наперерез. Заорал: «Шип, шип!». Все, кроме Тура и Нормана, вылезли на палубу. Корабль изменил курс и сделал два круга возле нас. Это был американец «Африканский Нептун» с припиской к Нью-Йорку. Он остановился поперек нашего курса. Мы суетились, доставали камеры, снимали корабль. Вскоре замысел моряков стал ясен — они хотели передать нам небольшую посылку. На корме корабля было заметно оживление, и мы увидели, как за борт полетело нечто красного цвета и поплыло нам навстречу.

Санти стоял на носу, кричал, куда править, и причитал, что не сможем достать посылку. Действительно, «нечто» дрейфовало медленно, и течение относило его слегка вправо. Тут Джордж, испросив разрешение Тура, надел акваланг, обвязался двумя веревками, концы которых Санти и я взяли в руки, и бросился в море. До посылки было метров сорок, и Джордж вскоре настиг ее и забрал.

В мешке оказались яблоки, апельсины, грейпфруты, лимоны — всего понемногу, мы были страшно рады и изо всех сил орали и махали руками кораблю, который постепенно удалялся.

Ночь наступила внезапно и опять застала меня врасплох. Я все время забываю заблаговременно подготовить свою постель для сна. Подготовить — это значит очистить ее от всякого барахла, которое я забрасываю туда за день — то рубашка, то камера, то дневник и так далее. Итак, включив фонарик, я рассовал вещички, куда мог: часть — в плетенку на стене, часть — на крючки, сделанные из бамбука, отряхнул всякие крошки с моего перевернутого спального мешка. Как обычно, спать не хочется, ведь сейчас всего 10 вечера, но спать надо, — в 4 утра на вахту.

И я засыпаю. И просыпаюсь, слыша голос Тура, который зовет меня с мостика. «Да-да, — отвечаю споронок по-русски, — иду».

О К О Н Ч А Н И Е С Л Е Д У Е Т

ПУТЬ В ОТРЯД

Д. Гусаров

Рисунки Н. Кустова

Рассказ этот я написал по просьбе ребят одной из карельских школ, которые проводили вечер, посвященный памяти своего земляка, партизана Ивана Огорелкина, погибшего во время Великой Отечественной войны. Огорелкина я хорошо знал, мы воевали с ним в одном партизанском отряде и дружили. В основе моего рассказа действительный случай.

Автор

Случилось это в первый год войны.

Январской ночью небольшая группа партизан пересекла на лыжах широкий Заонежский залив, чтобы разведать силы белофинского гарнизона в селе Кузаранда.

сверху белыми, похожими на сугробы, крышами.

«Может быть, и здесь белофинны выселили всех жителей и в деревне нет ни души», — невольно подумалось партизанам. Сколько та-

Партизаны благополучно миновали вражескую патрульную лыжню, вышли на берег, сделали проход в минном поле, протянувшемся чуть ли не по всему побережью, и, осторожно приблизившись к деревне, залегли на опушке леса.

Деревня казалась вымершей. Ни света в окнах, ни скрипа дверей, ни лая собак... Даже пения петухов не слышно было в эту морозную предутреннюю пору. Впереди темнели огромные бревенчатые дома, придавленные

ких опустевших, покинутых жителями селений доводилось им встречать...

Но на этот раз первое впечатление оказалось обманчивым. Когда командир принял решение войти в деревню и посланные вперед двое дозорных стали приближаться к крайнему дому, они вскоре догадались, что в нем живут люди.

Один из дозорных без труда проник в дом и вскоре уже расспрашивал в сенях перепуганную хозяйку:

— Финны в деревне есть?
— Нет, совсем нет... Вот в Дальней — там их много.

Село Кузаранда состояло из нескольких маленьких деревушек.

— В доме есть кто чужой?
— Никого нет.

Через десять минут партизаны заняли вокруг оборону, а командир с двумя бойцами вошел в избу.

* * *

Командир сидел на лавке у стола и расспрашивал хозяйку об оккупантах. Огня не зажигали, и в избе было темно. Хозяйка вначале держалась настороженно. Ей, видно, очень хотелось верить, что перед ней настоящие партизаны, и в то же время не давала покоя мысль: а вдруг это белофинны партизанами прикинулись? В других деревнях, говорят, бывало и такое. Нагрянут ночью, начнут допытываться, расспрашивать, а потом погрузят на подводу и — в концлагерь.

Вдобавок ко всему командир был карел по национальности и по-русски говорил с легким акцентом. Все это только усиливало подозрение. Потому-то и отмалчивалась хозяйка, отвечала скупно.

Командир понимал ее состояние, но что он мог поделать. Документы не покажешь — нет у партизан никаких документов. На словах убеждать начнешь — еще больше подозрений вызовешь. Да и времени нет такими делами заниматься. Ближится утро, надо до рассвета успеть за озеро уйти.

Так и не получался у них нужный разговор.

— Эх, мать! — сказал командир и поднялся. — Думал я, поможешь ты нам. А теперь, видно, придется моим ребятам в гарнизон пробираться, головы под пули подставлять... Только время зря потеряли!

Эти слова действовали на хозяйку сильнее всяких доказательств.

— Да ведь не знаю я ничего! — всполошилась она. — Из дому никуда и не выхожу. Коли знать бы, что вы придете...

Ломкий мальчишеский басок откуда-то сверху вдруг перебил ее:

— Не пробраться вам в гарнизон!

— Это еще почему? — повернулся к печи командир. — Кто там? Покажись.

Он посветил туда фонариком и увидел высывающегося из-за трубы белесого парниш-

ку лет пятнадцати. Паренек щурился на свет, смущенно улыбаясь.

— Почему не пробраться? — повторил командир.

— Гарнизон колючей проволокой обнесен и дзоты понастроены. Там день и ночь с пулеметами дежурят... А еще на берегу и батареи у них.

— Ну-ка, слезай сюда, поговорим!

Паренек охотно прыгнул с печки. Коман-

дир щелкнул выключателем фонарика, и в избе стало темнее, чем прежде.

— Сынок мой, Ванюшка! — теперь охотно, даже с гордостью пояснила хозяйка.

В одну минуту паренек оделся, натянул за чем-то шапку и подошел к столу.

Лучшего информатора трудно было бы найти. Ванюшка знал все: и примерную численность гарнизона, и в каких домах расположе-

ны казармы, склады, штаб, и где установлена батарея, и где проходит линия связи... Он рассказывал обо всем так уверенно, что командир даже засомневался — а вдруг хвастает. Но когда парнишка довольно быстро и точно все показал на карте, тут уж нельзя было не поверить: штаб, склады, казармы, батарея и дзоты располагались именно там, где и должны располагаться у такого умного и хитрого врага, какими были белофинны.

— Ну, мать, — сказал командир, — сын у тебя настоящий патриот! Спасибо ему! Освободим Заонежье — будет ему награда! Счастливого оставаться!

На крыльце, увидев, что и Ванюшка идет следом за ним, командир остановился:

— Ты куда?

— Я с вами. — Паренек растерянно потоптался на месте.

— Э-э, брат, так не пойдет. А у мамыши спросился? Молод ты еще. Война, брат, это тебе не шутка!

— Прошу вас, возьмите! У меня и маскхлат есть, сам из простыни сшил... Ну, возьмите!

Командир понял, что легко от него не отговоришься. Однако обижать паренька не хотелось, и он решил пойти на хитрость.

— Вот что. Сейчас мы идем на другое задание, а на обратном пути зайдем за тобой. Готовься. Договорились?

— А вы не обманете?

— Что за разговоры! — нарочито строго сказал командир. — Ты, я вижу, даже не понимаешь военной дисциплины. Слушай и выполняй!

* * *

Все повторялось, только в обратном порядке: лес, минное поле, патрульная лыжня и, наконец, озеро.

Теперь можно бы и не волноваться. До базы оставалось два десятка километров — три часа хода по безлюдному озеру. Но командир поторапливал бойцов. Он понимал, что рано или поздно патрули обязательно обнаружат их лыжню. Случись это — неравного боя не миновать. В дело сразу же вступят вражеские прожекторы, орудия, азросани...

Не прошли партизаны по озеру и двух километров, как тыловое охранение донесло:

— Сзади слышим шорох лыж!

— Прибавить ходу! — приказал командир.

Сейчас было необходимо как можно скорее уйти подальше от берега. Минут двадцать партизаны изо всех сил мчались на восток, и когда остановились, чтобы выверить азимут, охранение опять доложило:

— Преследование продолжается!

Да, предразсветный морозный туман отчетливо доносил звонкое похрустывание январского наста.

Снова изнуряющий бег, снова остановка, и снова ровное приближающееся похрустывание.

— Занять оборону! Приготовиться к бою!

Едва разведчики залегли цепью, как вокруг стало так тихо, что даже в ушах зазвенело от напряжения. Минута, другая, третья. Неужели вся эта история с преследованием — обман слуха?

— Отходить без шума! Палки на весу!

Командир идет последним, потом отстает. Вот уже цепочка бойцов пропадает из виду, растворяется в темноте. Секунды тянутся томительно долго. И вдруг в мягкое шуршание партизанских лыж вкрадывается легкое похрустывание сзади. Оно еще далекое, но уже отчетливое. Идут не по лыжне, а по на-

сту. Преследователей немного. Вероятно, головной дозор. Но почему они не стремятся настичь партизан и завязать бой? Может, собираются следом за разведчиками выйти к партизанской базе?

Рассвет наступал медленно. Разгоряченные быстрым бегом и затаившиеся теперь в торо-сах партизаны уже начали мерзнуть, а противник все еще никак не обнаруживал себя. Он здесь, где-то близко, — похрустывание наста разведчики слышали уже и отсюда — неужели он все понял и выжидает, чтоб при свете дня раздавить горстку партизан?

Отходить, оставляя врагу такую удобную

для боя позицию, партизаны не могли. Уже светало. В серо-голубоватой мгле все отчетливее проступала темная глубокая колея партизанской лыжни. С каждой минутой она уходила все дальше и дальше.

Наконец раздался тихий голос:

— Товарищ командир, вижу человека в маскхалате.

И сразу же его увидели все. Он стоял неподвижно в двухстах метрах от торосов и даже в бинокль казался расплывчатым сугробом.

Пока командир догонял своих, у него созрел план. Где-то на середине озера проходит гряда торосов. Там и нужно дать бой. У разведчиков будет укрытие, а преследователи окажутся на голом месте.

* * *

Глаза командира, прильнув к окулярам, лихорадочно искали других людей, но их не было. Лыжня темнела уже позади человека, а он, навалившись на палки, одиноко стоял чуть в сторонке от лыжни и смотрел на торосы. Из прорезей нелепого, свисавшего до ног белого балахона высовывались руки. Поверх ушанки был повязан по-старушечьи белый платок.

Командир вдруг весело рассмеялся. В ледящей настороженной тишине это было так неожиданно, что партизаны с испугом посмотрели на него.

— Ванюшка! Это ты? Иди сюда! — крикнул командир, поднимаясь.

Да, это был Ванюшка из Кузаранды. Он приблизился к торосам робко, глаз не спуская с вышедшего ему навстречу командира, и молча остановился в нескольких шагах.

— Значит, это ты нас преследовал? — строго спросил командир.

Ванюша опустил глаза, тихо кивнул.

— Зачем же ты это сделал?

— Я в партизаны хочу...

— «Хочу, хочу...» Но почему ты нас не догнал сразу, если уж так в партизаны хочешь?

Ванюшка поднял заиндевшее лицо и хитро усмехнулся.

— Если б сразу, так вы бы меня домой отправили.

— А сейчас, думаешь, не отправим?

Ванюшка помолчал, потом упрямо пробубнил:

— Все равно за вами пойду.

— А почему же ты не по лыжне шел — по насту?

— Боялся! — виновато улыбнувшись, признался паренек. — Лыжню вы и заминировать могли.

— Молодец! — Командир подошел к нему, похлопал по плечу, потом обнял и сказал: — Перехитрил ты меня. Быть тебе настоящим разведчиком.

МОТОР НЕ ПОДВЕДЕТ

А. Грачев

В курском Дворце пионеров не первый год и с большим успехом занимаются картингом.

Картинг — это гонки картов, а карт — легкая низенькая тележка (по-английски это слово и значит «тележка») с мотором от мотоцикла или мопеда, на четырех колесах. Колеса — от самолета, но теперь выпускают и специальные картвые. Ребята помладше гоняются на «полтинниках» — моторах от мопеда с объемом цилиндра пятьдесят кубических сантиметров. «Полтинник» развивает скорость в девяносто километров в час.

... Гонщику в светло-зеленом шлеме двенадцать лет. Шлем прибавляет роста. А вообще говоря, Володя Иванченко — невысокий, верткий, черноглазый. На трассе это человек редкой храбрости.

— На вираже насыпан песок, — предупреждает тренер, Олег Иванович.

— На котором вираже?

— После большой прямой. Песок под цвет асфальта, учти.

Картингисты из Курска приехали на очередные соревнования — на этот раз под Таллин.

С Финского залива дует холодный ветер, пригибает вер-

хушки елочек. Начало мая. Гонщики в пиджаках поверх свитеров. Тут их не мало: ребята из Дворцов пионеров Москвы, Таллина, Чернигова, Клина. И они, куряне. Теснятся на старте разноцветные машины. Оглушительно трещат моторы.

Что случилось? Синий Володин карт выскакивает вперед, не дожидаясь сигнала. Фальстарт. Теперь Володю ставят в третий ряд. Но это полбеда. Беда в том, что отказала педаль сцепления, — потому он и выскочил вперед. Потом выяснится, что отломился тонкий усик контргайки, и гайка открутилась, и... Володя не может тронуться с места.

Слезть с карта? Уйти за елочки и расплакаться? Но уже дан старт!

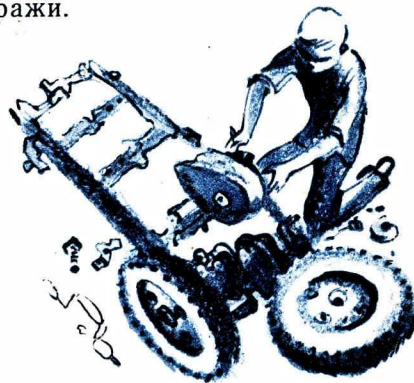
Как из-под земли вырастает Федя Захаров. Толкает Володин карт. Умело толкает: сперва тихонько, чтобы Володя включил скорость, потом сильнее, чтобы выжал газ. Синий карт уходит вдогонку остальным. Теперь все дело в моторе. А мотор не подведет.

Хоть и неудобно переключать скорости без педали сцепления, Володя ведет карт отлично. Что говорить, умеет ездить человек! Ветер жестко

упирается в грудь (бывает — выворачивает пластмассовые очки). Нельзя колебаться, иначе не проскочишь в узкий просвет между машинами. Нельзя раскисать, иначе будешь думать: вот сейчас идущий впереди карт поломается, и я в него врежусь.

Большая прямая позади. Володя смотрит вперед — чисто. Он идет первым. Теперь нужно не торопиться, не спеша пройти вираж, еще вираж, «змейку». Володя знает: те, кого он обогнал, обязательно заторопятся на виражах и начнут вылетать с трассы.

Второй круг — зачетный, на время — он проходит в одиночестве. А когда идешь один, легко набираешь скорость на прямой, спокойно крутишь виражи.

Теперь Володю не достать...
Всю зиму ребята мудрят в своих лабораториях и мастерских. В мотор разрешается вносить любые усовершенствования, лишь бы не увеличивался объем цилиндра.

Перед соревнованиями при-
сматриваются к моторам соперников. Володино мотора побаивались: на нем следы переделок, подпилы, швы. Испытывали Володю: мотор силен, так, может, нервы сдадут? Двое парней на тренировочной гонке подстроились к Володе с обеих сторон, взяли Володин карт в тиски. Он внезапно ударил ногой по тормозу, сбросил скорость, парни пролетели вперед, их машины сцепились и застряли. Володя объехал парней и был таков.

Картингисты курского Дворца пионеров — это ЭЛМА, Экспериментальная лаборатория микроавтомобилей. Новичок три месяца изучает мотор, пишет конспекты. Потом новички катаются, а тренер при-
сматривается, — кто как чувствует мотор, работает скоростями. Лучшие получают машины. А получил машину — забудь про покой и легкую жизнь. Будешь разбирать, чистить, промывать в керосине, смазывать, снова собирать. Будешь вместе с тренером мудрить над мотором, ломать голову все над тем же главным вопросом: как увеличить скорость карта?

Что это?

Плохой сон приснился Володе?

Трасса метнулась куда-то в сторону, карт срезал кусок дистанции и снова оказался на трассе, на «змейке».

Судья машет флажком.

... На вираже Володя чуть-чуть пережал педаль газа. Нога распрямилась чуть-чуть больше, чем надо. И—все кончено, на несколько секунд его карт съехал с трассы, а это запрещено правилами. Володю снимают с заезда.

Он лидировал три круга. Никто из гонщиков уже не смог бы до него дотянуться.

Все, все пропало.

Зимой, во второй четверти, тоже казалось, что все пропало.

Как раз готовили ледовые машины для старших гонщиков. К мотору старшие не подпустят, но и подсобной работы хватало. Промывали в керосине детали, ставили шипы на

колеса, обшивали защиту колес дерматином. В школе Володя получал тройку за тройкой, и эти тройки все больше смахивали на двойку. А с двойкой во Дворец не показывайся.

Володя переломил себя, не стал дожидаться беды. Неделю не ходил в лабораторию. С мотором возиться — тоже терпение требуется.

Вы думаете — Володя ушел за елочки и на холодном ветру с Финского залива глотал горькие слезы?

Нет. Курыне — упорные ребята, опытные гонщики. Ведь их ЭЛМА — это уже сотни картингистов, давно ушедших в армию, в институты, работающих шоферами. Ребята знают, что без поражений не обойтись. Они чувствуют, что дело у них большое, хотя никогда об этом не говорят.

Очень важно, чтобы тысячи и тысячи ребят знали мотор. Очень нужны водители в городском хозяйстве нашей страны, в армии, в спорте.

Лаборатория — не только кропотливая работа. Тут и посмеешься, а то и глаза вытаращишь. Тут держи ухо востро.

Вот ругают на собрании гонщика: как кого обгонит, так посылает воздушный поцелуй.

Вот другой гонщик наладил карбюратор так, чтобы горячая смесь была насыщена кислородом воздуха. Помчался на повышенной скорости. Но мотор оглушительно стреляет, бьют огненные выхлопы. Гонщик огня не видел. «Слышу — утихло, а потом стало меня подпекать. Обернулся — мотор горит!» Пришлось оторвать и отбросить в сторону бензобак, а огонь сбить курткой.

Вот коварно советуют подлить бензина «93» к бензину «72». И новичок никак не приспособится работать педалью газа. Карт то ползет, то на вираже вылетает с трассы.

А вот слышен радостный вопль: «Тряпки привезли!» И все набрасываются на мешок с тряпками. Их нужно много, когда все время протираешь, чистишь, наводишь полный порядок.

После работы все вместе отмывают руки. Хохочут, толкаются. Им очень хорошо вместе, этим курынам — заядлым гонщикам, хозяевам моторов, картингистам.

На заседание киноклуба пришли киноартисты Алла Ларионова и Родион Нахапетов. Они согласились разобрать почту киноклуба и ответить нашим читателям.

А. Ларионова. Сначала мы ответим на один несерьезный вопрос, чтобы он нам больше не мешал. А потом поведем серьезный разговор на серьезную тему.

Р. Нахапетов. Пишет Коля Щекотов из Мелекесса: «... говорят, артисты — это люди исключительные». Пишет восторженно Кира Садыкова из города Аягуз: «... Они мне кажутся необыкновенными людьми».

Откуда у вас, ребята, такое представление?! В чем вы видите эту «необыкновенность»?

Как всякий человек, актер работает, и в работе у него и радости, и неудачи. Бывает, фильм выйдет на экраны, развешат кругом афиши с твоим портретом, а это тебя только огорчает — не удалась роль. Может, вам кажется, что условия труда у актера особенные: он — скиталец, надолго уезжает из своего дома. Так ведь и у геологов, у полярников, строителей, летчиков, моряков, железнодорожников — точно такая же «жизнь на колесах».

А. Ларионова. Я думаю, ребята, что вы пока еще очень мало знаете о других профессиях, а актеров видели десятки раз в кино, по телевизору, в детских спектаклях. Вам и кажется, что они самые необыкновенные. Одна девочка нам написала: «Я хочу стать актрисой с пяти лет». А какие же профессии она знала в таком возрасте? Из чего могла выбрать?

Нам приходится ездить с выступлениями в разные поселки и города. Мы непременно знакомимся с работой тех, к кому приезжаем. Вот недавно я была у украинских шахтеров. Труд у них тяжелый, связанный с риском для жизни, без солнца — всегда с электричеством.

А сами шахтеры — веселые, добрые, сильные.

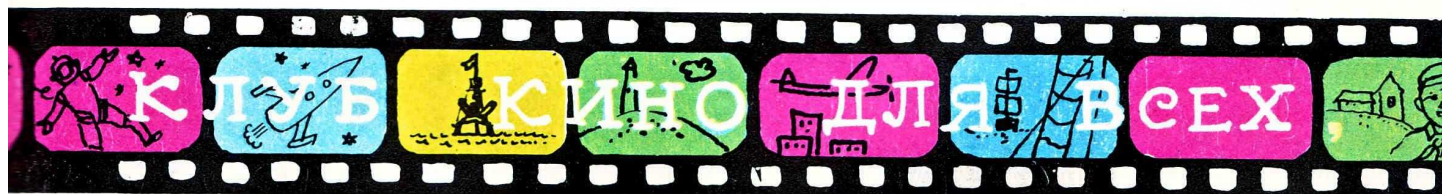
Я думала: «Вот — исключительные люди!»

Потом была в Подмоскovie, в городе физиков Дубне. Слушала рассказы ученых и изумлялась: ядерная физика для них обычное дело! Смотрела на них — в основном, молодые ребята — думала: «Вот — исключительные люди!»

И еще об одном хочу я сказать Коле Щекотову и Кире Садыковой. У меня растут две дочки. Я — мать. И я — хозяйка в доме. Я варю обеды и натираю полы, не сплю ночей, когда мои дочки болеют, огорчаюсь их плохими оценками, хожу на родительские собрания. ... Ну-ка, что же в этом необыкновенного?

Р. Нахапетов. Пожалуй, с несерьезным вопросом уже все ясно. Будем отвечать на серьезные. Таня Петрова из Оренбургской области, Володя Любушкин из Мелекесса, Люба Вегнер, Аня Тринкевич, Галя Пономарева из Бехтубе, Люда Конева из Новосибирской области, Ира Калашникова и Зоя Шибинская из Донецкой области спрашивают все об одном и том же: «Как стать актрисой?», «Как стать актером?»

Я думаю, каждый из вас, ребята, должен начать с другого: «Есть ли у меня талант?»

А. Ларионова в фильмах «Дикий мед»

... и «Фокусник»

Учился со мной в школе мальчик, который замечательно всех копировал. Учителя и мы, ребята, хохотали до слез: «Ну, артист! Ну, артист!» Мальчик окончил школу, пошел в театральный институт. Не приняли. Пришел через год. Снова провалился. Это была для него трагедия — ведь он с детства только и слышал о своих выдающихся способностях. А способностей не оказалось. Поэтому вот вам мой совет: не теряйте время! Не ждите: вот окончу десятилетку, приду в институт и там-то все увидят, какой я талантливый. Проверьте себя на школьной сцене, в кружке!

А если скажут: способности есть, если даже поступите во ВГИК или в театральный институт, — не думайте, что вы уже актеры. До этого еще очень далеко.

А. Ларионова. Летом ко мне домой зашла одна девушка. Впервые она у нас появилась много лет назад, когда училась в школе и была восторженной моей поклонницей. Конечно же, хотела стать только актрисой. Я не очень-то верила в ее талант. И внешне совсем не героиня, а травести — актриса на роли мальчишек.

Девушка зашла проститься. Она уезжала в южный город. Там ее приняли в труппу театра. Я от души ее поздравила, была рада, что у нее оказался не только талант, но еще и большое упорство.

Я вот сказала, что ребята плохо представляют профессии, кроме актерской. А сейчас вдруг подумала, да и актерскую-то мало знают. Догадываются ли, как она тяжела?

Я окончила институт кинематографии в 1953 году. Сыграла в двадцати с лишним фильмах. Образы все очень разные, так и должно быть. Есть и «костюмные роли». Такие, где мои героини — просто красивые женщины. Я должна была красиво носить красивый костюм, красиво улыбаться, красиво двигаться. И за мной утвердилось амплуа красивой героини.

В 1968 году я узнала: режиссер В. Чеботарев ищет актрису для фильма «Дикий мед». Это картина о войне. Я прочла сценарий и поняла, что хочу играть военного корреспондента Варвару Княжич.

— Вы? — сказал режиссер. — Вы актриса другого плана! Княжич в картине в трех возрастах. Вы сможете изобразить старуху шестидесяти лет? Нет, нет, нет, в вас не верю!

Я уговаривала его несколько дней. Он не соглашался. Тогда я придумала себе темный паричок. Слегка загримировалась. Когда шла по «Мосфильму», никто из друзей меня не узнал.

Режиссер сдался. Началась работа. Съёмки с 7 утра до 10 вечера. Гарь, пыль, взрывы. Сколько километров проползла я по-пластунски! Танки проходили рядом, и все мы глохли от их рева. Я неделями не слышала.

В это же время начала сниматься в фильме «Фокусник». Переходила из павильона в павильон, сбрасывала сапоги и гимнастерку, надевала модное современное платье.

Оператор заглядывал в глазок кинокамеры и кричал: — Я не могу ее снимать! У нее же глаза провалились от усталости!

Я вспоминаю сейчас о тех месяцах, как о самых трудных — и физически, и творчески — и очень счастливых в моей актерской жизни.

Р. Нахапетов. Вася Любушкин спрашивает: «Обязательно ли иметь среднее образование?» Люба Вегнер, Аня Тринкевич, Галя Пономарева сообщают: «Мы хотим после 8 классов ехать учиться». И еще одно такое письмо.

А. Ларионова. У меня три в руках.

Р. Нахапетов. Так и вижу толпу мальчишек и девчонок, которые, отбросив портфели, мчатся в театральные училища. Как же, тут алгебра и химия, а там фильмы без них снимают, главные роли не они играют!

Остановитесь, мальчишки и девчонки! Поднимите свои портфели и вернитесь за парты. Всему свой черед.

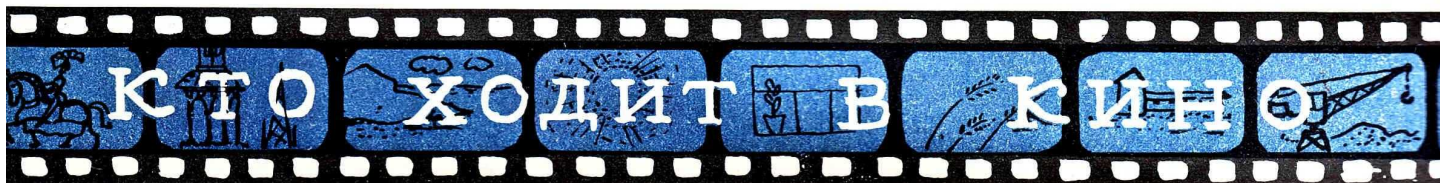
Не назову я имени мальчика, чтобы не было ему стыдно. Он спрашивает: «Можно ли стать актером, если учиться на тройки, а иногда и двойки проскальзывают?» Обратите внимание: не спрашивает, можно ли троечнику стать инженером или врачом, знает — нельзя. Почему же актером — можно?! Чтобы и роли свои на тройки играть?! Нет уж, троечники и двоечники, вы киноискусству не нужны.

А. Ларионова. Ксения Черных из Вольска спрашивает меня: «Помогают ли журналы «Советский экран» и «Кинемеханик» стать артистами?»

Этот вопрос очень близок тому, на который Родион только что ответил. Ведь он — о знаниях. «Кинемеханик» — это журнал о технике кинопоказа, а не о работе актера. Но я не скажу категорично: нет, Ксения, этот журнал не читай. Если бы спросили: помогают ли газеты, — я бы сказала — помогают. Помогает ли журнал «Природа» или «Наука и техника»? Да! Нет литературы, бесполезной для актера, потому что она расширяет его представление о мире.

Р. Нахапетов. «Дорогие товарищи, ответьте мне, пожалуйста, артистами могут быть только красивые? Да? Сколько фильмов я ни смотрю, девушка или девочка, которая исполняет главную роль, всегда красивая. Евглевская Люда, Ашхабад».

А. Ларионова. Вспомни, Люда, не случилось ли такое: смотришь на не очень-то симпатичную героиню,

а она оказывается хорошим, добрым, смелым человеком. И к концу картины тебе уже кажется, что она очень симпатичная, даже красивая. Так ведь и в жизни бывает.

Р. Нахапетов. А об актерах-мужчинах и говорить нечего. Красота для них чаще просто помеха. Потому что главное в лице — не классическая правильность черт, а выразительность. Если на лице отражаются боль или счастье, страх, напряжение воли, отчаяние или уверенность — все, что может человек испытать в разных обстоятельствах, и если зритель, посмотрев на актера, поверит ему и вместе с ним засмеется или заплачет, — значит, кинематограф нашел хорошего актера, а красив тот или нет с житейской точки зрения — это для кино не имеет значения.

Ну, вот, мы ответили на все вопросы.

Теперь давайте поговорим не об актерах, а о вас, наших зрителях. Первые ваши книжки были тонкие-тонкие. Уже потом, когда подросли, вы стали читать толстые повести. И первые ваши песни были короткими и простенькими, какой-нибудь «Чижик-пыжик» или «Веселые гуси». Много позже вы стали слушать серьезную музыку. Вы росли и со временем учились понимать литературу, учились понимать музыку. Вот и кино, пожалуйста, учитесь понимать!

А. Ларионова. Кто-нибудь из вас тут же возразит нам: «Чего ж тут понимать?! Все мы прекрасно понимаем и очень любим кино!» Смейте вас заверить — не все.

Р. Нахапетов. Операторы тратят на фильм тысячи метров пленки. Один и тот же эпизод снимают и так и этак. Композиторы пишут несколько вариантов музыки. Режиссеры пробуют различные решения мизансцен. И все это для того, чтобы на экране не было ничего случайного, ничего лишнего...

А. Ларионова. Умеете ли вы понять и оценить каждый кадр, каждую деталь? Почему, например, через всю картину «Друг мой Колька» проходит мелодия песни о веселом барабанщике? Почему режиссер фильма «Добро пожаловать» до самой развязки не показывает доносчика, а только его ноги, которые неслышно, крадучись пробираются по всем уголкам лагеря? Почему, спросил один читатель «Костра», в «Новых приключениях неуловимых» понадобилось убивать Бubu Касторского? А ведь все это понятно тем, кто разбирается в киноискусстве.

Думайте над фильмами, не бойтесь посмотреть их дважды. Спрашивайте. Читайте. Разбирайтесь!

Р. Нахапетов. И в конце разговора несколько слов о ваших письмах.

«Пришлите ваше фото», «Пришлите автограф», «Напишите мне о себе», «Кто ваша жена?» Как ни грустно, чаще всего мы получаем такие послания. Зачем вам все это? Разве вы станете от этого лучше разбираться в искусстве? И почему можно задавать актеру нескромные вопросы?

У нас такие письма только отбирают время, а пользы никакой не приносят.

Мы хотим видеть в вас чутких людей, которые бережно относятся к труду актера, независимо от того, будут ли сами сниматься в кино.

Записала Г. Георге

Р. Нахапетов в роли Володи Ульянова («Сердце матери»)

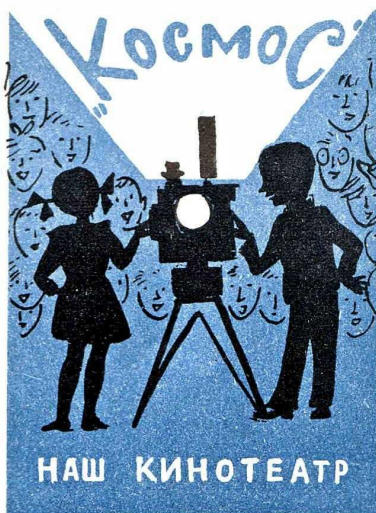

НАШ КИНОТЕАТР «КОСМОС»

Во все дни — это просто маленький школьный зал, а раз в неделю — наш кинотеатр «Космос». Ты школьник? Тогда входи, билета не надо.

Все в кинотеатре сами делаем. Я, например, киномеханик. Все мальчишки, как начнут ходить в девятый класс, могут изучить киноустановку, сдать экзамен и «крутить кино».

Пятиклассники выполняют работу

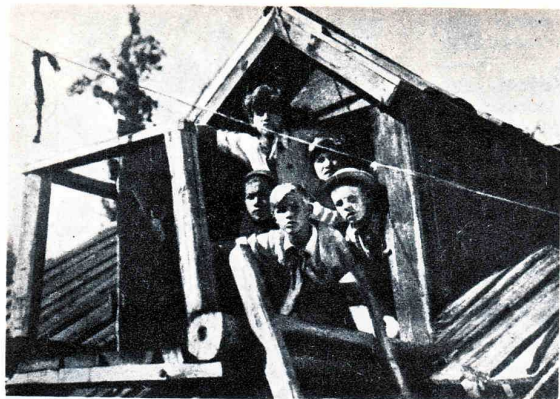

попроще — рисуют афиши, следят за порядком.

Нам подарили фильм «Константин Заслонов», его мы можем показывать когда угодно, а новые ленты берем в кинопрокате.

Валера Терло,
ученик железнодорожной школы
города Бельцы

ЭСТАФЕТА ТИМУРА

*В этом году исполняется 30 лет кинофильму
„Тимур и его команда“*

Чтобы родился кинофильм, должны встретиться два человека — писатель и режиссер.

Мы расскажем о такой встрече — короткой и неповторимой. Она произошла в самом конце тридцатых годов.

Писатель был человеком-легендой. Как-то, живя в Архангельске, он встал из-за стола и пошел в лавку за огурцами. Домой вернулся через три месяца. Оказывается, по дороге ему встретился посыльный и сообщил, что с минуты на минуту из порта на дальние лесоразработки уйдет последний буксир... Три месяца писатель вместе с героями своих будущих очерков работал лесорубом.

Прям ты или уклончив, храбр или труслив, щедр или скуп — все это распознавалось им чрезвычайно быстро. Это был Аркадий Гайдар.

Гайдар любил разводить костры. Ему нравилось стоять рядом с пионерами, смотреть на буйные языки пламени. Он знал, что будет битва с фашизмом, и готовился к ней. О предстоящей схватке, о том, что каждому из нас нужны отвага и смелость, он не раз говорил в своих книгах.

И запомнили мы его таким — сапоги, гимнастерка, широкий ремень. Никто никогда не видел его в пиджаке. Говорят, что он за всю жизнь не купил ни одного галстука.

Второго человека, режиссера, зовут Александр Разумный.

В юности он стал актером. В составе драматической труппы колесил по России, переезжал из города в город, выступая на провинциальных подмостках. Снимался в первых немых кинокартинах.

Талантливый рисовальщик, он учился в Одесской школе живописи. Но его властно тянуло к себе новое искусство — кинематограф. Разумный стал кинооператором, потом начал самостоятельно ставить фильмы. В 1918 году, к первой годовщине Октябрьской революции, он поставил картину «Восстание». А несколькими годами позже — целую серию агитационных и историко-революционных лент.

... Разумный ставил фильм «Личное дело» — о школьниках, об их дружбе, о борьбе за правду и честь.

Здесь, на съемках, и состоялась его встреча с Гайдаром.

Они подружились. Однажды Гайдар рассказал режиссеру историю о мальчишке, который придумал благородную игру: помогать семьям тех, кто служит в Красной Армии.

И они решили сделать фильм об этом мальчишке.

В московских школах долго отыскивали юных артистов, исполнителей ролей Тимура, Жени, «грозы дачных садов и огородов» Квакина.

Почти все съемки шли на природе, на Волге. Ребята-актеры жили коммунной, старались и в жизни быть похожими на тимуровцев, проводили военные игры, пионерские сборы. Душой коммуны был Гайдар, часто приезжавший на съемки.

31 декабря 1940 года фильм вышел на экраны страны.

Рука выводит на дачном заборе пятиконечную звезду. Знак тимуровцев! Отныне живущие в этом доме будут находиться под постоянной заботой и покровительством таинственной доброй силы.

Детская игра. Но все, что делается в этой игре, приносит помощь и пользу взрослым.

Тридцать лет, как вышел фильм «Тимур и его команда». Несколько лет назад, когда режиссер Александр Разумный отмечал свое семидесятилетие, на сцене Центрального Дома кино появилась шеренга взрослых людей с пионерскими галстуками, барабанами и горнами. Это пришли участники фильма «Тимур и его команда».

Стал известным художником исполнитель роли Тимура Ливий Щипачев. Стала актрисой Екатерина Деревщикова — в фильме она играла роль Жени. Выросли те, кто был «первой командой» Тимура. Но все новые и новые поколения школьников не только в нашей стране — в Болгарии, Венгрии, Польше — принимают эстафету Тимура.

Ю. Голубенский

АЛЕКСАНДР ЕФИМОВИЧ РАЗУМНЫЙ РАССКАЗЫВАЕТ ЧЛЕНАМ КИНОКЛУБА

«Мы уехали с Гайдаром в подмосковный Дом творчества «Болшево».

Там, во время прогулок, Аркадий Петрович рассказывал мне эпизоды будущего сценария. Порой останавливался, говорил: «А дальше надо доработать».

В следующую прогулку он начинал рассказ сначала и плавно продолжал его до конца. Мы обменивались мнениями, задавали друг другу вопросы, придумывали дальнейшие сюжетные повороты.

Я сделал к фильму 258 раскадровок — рисунков отдельных кадров, и к началу съемок мы с автором имели полное представление об изобразительной стороне картины, о точках съемок и так далее.

Мы размножили сценарий и провели несколько чтот-обсуждений. Помню такое обсуждение 27 сентября 1940 г. в Москве в Центральном доме пионеров.

Аркадий Петрович сидел за столом, внимательно, с каким-то уважительным интересом всматривался в лица ребят.

Ему предоставили слово в конце беседы.

— Кто такой Квакин? — спросил Аркадий Петрович. — Квакин лазит по чужим садам, огребают яблоки, курит и играет в карты. Вы слыхали, чтобы с такими идеями шли на фронт?

Тимур любит Красную Армию, для него Красная звезда выше всего на свете. То, что он мал, что он не дерется — не беда. Странно думать, что силен тот, у кого сильнее кулаки.

Если Тимуров сейчас мало, то их будет много, а Квакиных, если их много, то их обязательно будет меньше».

Хвалим-ругаем хвалим-ругаем

СЛОВО КИНООПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ЧЕЧУЛИНУ

В этой серии киноклуба мы показываем работы фотокружка Ленинградского Дворца пионеров.

Фотографии выполнены ребятами старшего возраста, которые уже не первый год занимаются под руководством Б. Е. Ритова.

Вот снимок Лены Соболевой «Друг за другом». Он очень лаконичен. Цепочка лыжников на белом фоне легко подчеркивает перспективу. В снимке ощущается прелесть неяркого зимнего дня и неторопливый ритм движения туристов.

Совершенно по-другому решены фотографии Ильи Штейна «На мототреке» и «Эстафета». Илья стремится композицией подчеркнуть напряжение спортивной борьбы, выделить светом главное. Он умело использует сложные условия съемки. В закрытом помещении («Эстафета») недостаток света. Поэтому фотограф увеличивает выдержку, добиваясь при этом нужной степени смазки бегущих. Это придает снимку дополнительную динамику и ту меру обобщения, которая делает фотографию художественной.

«Редактор стеновки». Посмотрите, как точно и изящно найдено движение девушки, как неназойлив фон.

Вася Барышев умеет выделить главное, создать атмосферу действия.

Вася умело использует свет и глубину резкого изображения пространства. В «Зеленом уголке» световая активность фона создает ощущение солнца, воздуха. А умело выбранная диафрагма и экспозиция делают фон не пестрым, а обобщенным.

Три автора, и все непохожи друг на друга. Объединяет их одно — профессионализм: потому, что каждая фотография — результат профессионального исполнения замысла. В этом заслуга и преподавателей Ленинградского Дворца пионеров, из стен которого вышло много кинооператоров.

Когда я пришел во Дворец, я снимал плохо. Замечательный педагог Мария Николаевна Быльева

помогла мне и моим товарищам научиться видеть и научила нас снимать. Благодаря ей мы смогли поступить во Всесоюзный государственный институт кинематографии и стать кинооператорами. До сих пор мы с благодарностью вспоминаем Дворец, и я рад, что сегодня там занимаются талантливые ребята. Талантливые и разные, потому что самое главное — найти собственный взгляд на жизнь, сохранить и донести до зрителя собственное ощущение мира.

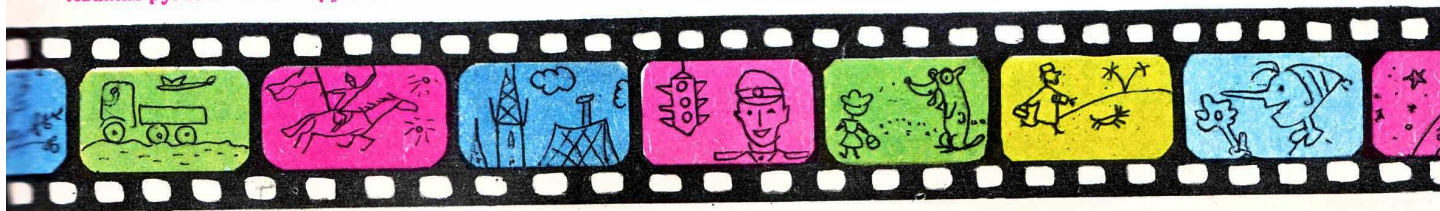

Хвалим-ругаем хвалим-ругаем

Хвалим-ругаем хвалим-ругаем

Хвалим-ругаем хвалим-ругаем

Хвалим-ругаем хвалим-ругаем

ДРУЖБА- YSTAVUYS

YSTAVUYS · ДРУЖБА · YSTAVUYS ·

В Финляндии, кроме пионерской организации, есть и другие детские организации, большинство — скаутского типа. Их поддерживают толстые кошельки и власти. Для скаутов и летние лагеря, и усиленное питание, и любой спортивный инвентарь, и красивая форма. Этим воспитывают в духе, враждебном рабочему движению.

Организации пионеров помогает рабочий класс, потому что Союз пионеров — часть рабочего движения. Пионеры борются за свои права. В резолюции 9-го съезда Демократического союза пионеров Финляндии, происходившего в Хельсинки в марте этого года, записано:

«... У нас 25-летний путь деятельности, в который входили многочисленные интересные и достойные публичной информации события. Несмотря на это, радио и телевидение относились к пионерской деятельности почти полным бойкотом. Во время всех 25 лет пионерская деятельность отражалась на радио столько же, сколько деятельность скаутов за время одного месяца.

9-й съезд Демократического союза пионеров Финляндии предлагает совету правления радио разобраться, с какой стороны исходит это пренебрежение пионерской организацией и также других детских организаций рабочего класса, и принять меры к достижению беспристрастия».

ТУРКУ — ПОБРАТИМ ЛЕНИНГРАДА

Турку — побратим Ленинграда. Города — соседи на Балтике, заключившие навечно дружеский союз. И дружба эта развивается. В Турку уже более 20 тысяч членов Общества Финляндия — СССР. Ленинградцы бывают в Турку, а жители этого города теперь нередко гостят в Ленинграде.

Турку — город судостроителей. Здесь на верфи «Тойвонен» строятся корабли для торгового флота. Большую часть судов, которые спус-

каются на воду в Турку, покупает Советский Союз.

Когда расспрашиваешь жителей Турку об их городе, они шутливо уверяют, что Турку стоит на семи холмах и что в мире только три таких города: Москва, Рим и Турку.

Вряд ли кто-нибудь, впервые приехав в Хельсинки, не захочет побывать на рыбном рынке Кауппатори.

... Жизнь здесь начинается рано. В шесть часов рынок уже полон людей. Степенные рыбаки-финны приводят маленькие моторные лодки. Пришвартовавшись к каменной набережной, они раскладывают для продажи свой улов.

Здесь вы можете купить живого угря или полакомиться жареной свежей треской.

А это один из районов Турку

Крепость Турку построена около 1280 года. Много раз она разрушалась во время батальи и пожаров. Но крепость каждый раз восстанавливали.

ДРУЖБА · YSTAVUYS · ДРУЖБА

ДРУЖБА · ÜSTÄVÜÜS · ДРУЖБА

Постепенно крепость утратила свое военное значение. О существовании построек стали забывать. В 1941 году часть крепости сгорела.

В 1946 году в крепости было решено начать реставрационные работы. В них приняла участие Швеция, поскольку крепость — исторический памятник скандинавской культуры. Реставрация заняла пятнадцать лет, и только в 1961 году крепость была заново отстроена и открыта для посетителей.

Теперь в крепости — исторический музей. В парадном этаже устраиваются конгрессы, концерты, торжественные празднества.

Турку — старейший университетский город Финляндии. Университет-академия был основан в 1640 году.

На окраине города — студенческий поселок.

Кроме университета, в городе три института. Два экономических (финский и шведский) и педагогический.

Г. Трифонов

Государственный флаг и герб Финляндии

С ЭТИМИ ГОРОДАМИ МЫ ДРУЖИМ

Хельсинки — Москва, Турку — Ленинград, Тампере — Киев, Лахти — Запорожье, Кемпи — Волгоград, Котка — Таллин, Ювяскюля — Ярославль, Хямеэнлинна — Калинин, Каяни — Ростов, Вааса — Пярну, Оулу — Одесса, Пие-тарсаари — Ялта, Риихимяки — Гусь-Хрустальный, Хювинкяя — Павловский Посад, Ярвенпяя — Волхов, Яне-коски — Алушта, Эспоо — Гатчина, Рованиemi — Мурманск, Форсса — Серпухов, Пори — Рига и Кохтла-Ярве, Лауритсала — Выборг.

Тем, кто этого не знал, Костя Теркин рад сообщить, что...

... в 1917 году Советский Союз (РСФСР) первым из всех государств мира признал независимость Финляндии

... слова национального гимна Финляндии на русский язык перевел известный русский поэт Александр Блок

... в 1542 году из печати вышла первая книга на финском языке

... в 1640 году был открыт первый в Финляндии университет

... в 1835 году опубликован финский национальный эпос «Калевала»

... в 1952 году в Хельсинки проходили XV Олимпийские игры.

Для тех, кто хочет переписываться с финскими школьниками, финско-советский журнал «Мир и мы» («Maailma ja me») сообщает адреса:

Гарри хочет переписываться с 14—16-летней девочкой или мальчиком. Он увлекается рыбной ловлей, собирает спичечные этикетки. Просит писать на финском, шведском или немецком языке.

*Harri Lepistö
Keskikatu 14E
Jyväskylä - Suomi*

Эйла увлекается собиранием почтовых марок. Просит писать ей на английском, шведском или финском языке.

*Eila Huusivaara PA-722
Roi - Kuusamo
Pajulampi - Suomi*

Костю Теркина часто спрашивают: как писать зарубежным друзьям? Какой брать конверт? Сколько марок нужно наклеивать? Как писать адрес?

Для переписки со странами Народной Демократии берите конверт с четырехкопеечной маркой.

С капиталистическими странами — с шестикопеечной маркой.

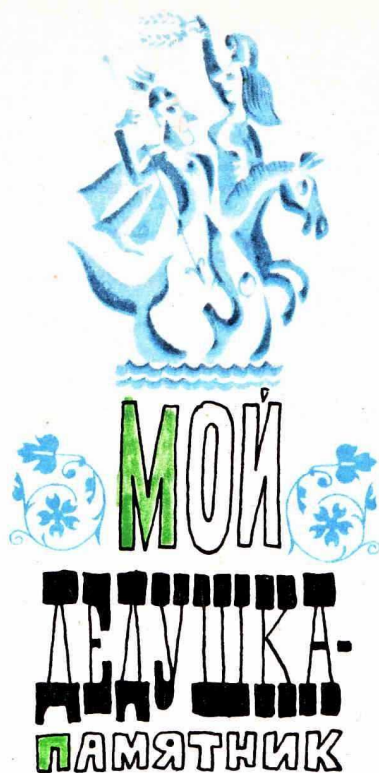

Новые читатели финского пионерского журнала «Ракета».

Живут они в местности Тервола в Лапландии. Раньше о «Ракете» они ничего не слыхали, и о пионерских делах — тоже.

Теперь все эти ребята не только подписались на «Ракету», многие из них решили стать пионерами.

ДРУЖБА · ÜSTÄVÜÜS · ДРУЖБА

ПОВЕСТЬ

В. Аксенов

Рисунки М. Беломлинского

В КОТОРОЙ СНОВА
РОКОЧУТ АВИАЦИОННЫЕ МОТОРЫ
И ГРЕМИТ АВТОМАТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Небольшой двухмоторный самолет фирмы «Локхид» медленно полз в огромной тропической ночи, словно невидимый вирус, попавший в бутылку чернил.

— Простите меня, Джон, но шляпа с перьями подошла бы вам больше, чем шлемофон, — сказал Геннадий Силачу-Повесе.

Самолет шел на автопилоте, и поэтому Джон Грей и Геннадий могли свободно болтать. Джон Грей покуривал, мельком взглядывал на приборы: Геннадий сидел рядом в кресле второго пилота. Сзади, в фюзеляже, храпели на мешках со снаряжением молодчики команды Пабста.

Силач-Повеса поправил длинные свои локоны, выбившиеся из шлемофона, подкрутил усики, погладил бородку.

— А вам, мой друг, — улыбнулся он, — неплохо бы сменить кресло второго пилота на уютный детский горшок.

Окончание. См. «Костер» №№ 7—9, 1970 г.

Оба беззлобно посмеялись. За две недели подготовки в клинике для душевнобольных они успели подружиться. Легендарный Джон Грей Силач-Повеса нравился Геннадия своим вежливыми манерами, мягкостью, странной для наемника задумчивостью. Оружием и техникой он владел действительно безупречно и обладал невероятной, чуть ли не сверхъестественной силой. Непонятной была только вторая половина его прозвища — никаких свойств повесы Геннадий за ним не заметил. Все свободное время Джон Грей проводил на своей койке за чтением Британской Энциклопедии или стихов Т. С. Эллиота.

Мальчик понравился бывалому Грею своей смелостью, ловкостью и какой-то тайной целеустремленностью, которая не ускользнула от наблюдательного Силача-Повесы.

Из Лондона их команда вылетела рейсовым самолетом в Барселону под видом туристов, интересующихся боем быков. Из Барселоны на странной моторной яхте они отбыли как любители рыбной ловли, члены профсоюза текстильщиков, на крохотный, почти безлюдный островок, имевший тем не менее взлетно-посадочную полосу. Там они погрузились вот в этот самолет, пилотировать который взялся Джон Грей Силач-Повеса. Они сделали несколько посадок в разных странах на тайных аэродромах. И вот теперь с дополнительными баками горючего совершали многочасовой перелет над океаном.

— Джон, я давно хотел задать вам один важный вопрос, — сказал Геннадий.

— Я знаю, — невозмутимо ответил Силач-Повеса. — Вы давно хотели спросить, что у меня общего с людьми вроде Гориллы Пабста.

— Правильно, — удивился Геннадий.

— Видите ли, Джин, — Силач-Повеса пощипал свои усики, — по своей натуре я авантюрист. В Латинской Америке я участвовал по меньшей мере в семи так называемых революциях, связывался с разными темными личностями, они приходили к власти, а я сматывался. Брось, Джон, говорил я себе, что толку во всех этих переворотах, кому от них польза — народу, тебе, Рите, крошке Нелли? Но, увы, такова моя натура. Тянет меня к авантюрам и все! Да, черт возьми, — Джон Грей пощипал свои усики и вздохнул, — а вот настоящая революция на Кубе прошла без меня. Я тогда на Огненной Земле загорал. Впрочем, Фиделю не нужны такие, как я, авантюристы... Последний раз я ввязался в одно совершенно сумасшедшее дело. Я тогда застрял на Флориде, в Ки-Уэст. Денег ни гроша, от Риты бешеные письма, от Нелли потоки слез. Узнаю: готовится вторжение на Гаити против диктатора Дювалье. Эге, думаю, дело хорошее. Этот папа Док на завтрак жрет человеческую печень, в обед суп из крови хлебают, а на ночь ему кровь в нос закапывают. Собралось в тот же вечер восемь человек и я — девятый. Взяли лодку, поплыли, высадились, то есть вторглись. Захватили какой-то автобус, приехали в столицу и сразу к гвардейским казармам. Сняли караул, вошли в казарму, а там обед. Заходим в столовую. Руки вверх, говорим, господа гвардейцы, сдавайтесь — город занят повстанцами. Сдаемся, отвечают гвардейцы, дайте только компот докушать. Заперли мы их в столовой и позвонили во дворец папе Доку. Э, говорим, ты, черная шляпа, гвардия перешла на сторону народа! Или сдавайся, или смывайся! Выбираю второе, отвечает кровавая собака, переворот едва не осуществился. В неудаче виноват я... Кончились у меня сигареты, я вызвал из столовой одного гвардейца, дал ему доллар и послал в табачную лавку. Тот, пока бежал по коридору, смекнул, что наша армия не так уж многочисленна, и дунул прямоком во дворец... Короче говоря, нас окружили. Отстреливались мы три часа, пока не вышли патроны. Я выпалил последний в окно, оглянулся — все ребята уже были убиты. Я бросил автомат и вышел в коридор. За окном

уже стемнело, я устроил в казарме короткое замыкание и смылся. Дурацкая какая-то, нелепая и горькая история, Джин.

Он замолчал и словно оцепенел.

— Что же было дальше? — осторожно спросил Геннадий.

— В Порт-о-Прэнсе я нанялся матросом на старый пароход, идущий в Европу, а в Европе, э... — Джон Грей махнул рукой, — чем мне только не пришлось заниматься, был мусорщиком, пел в паршивом ресторанчике за тарелку супа, таскал мешки с цементом на товарных станциях, все мне стало безразлично, кто бы мог узнать Джона Грея, который «за всех заплатит, который всегда таков». У Риты и крошки Нелли хватило такта оставить меня в покое... Потом мне вдруг повезло. Я поступил в школу парашютистов знаменитого Жака Дюбура. Мы прыгали на Монблан и Килиманджаро. Ребята были все высшего класса, особенно один летчик, швейцарец, царство небесное его отчаянной душе, — Силач-Повеса перекрестился. — Последний год я работал трюкачом на киностудии Лауристини, неплохо зарабатывал, ну, а потом услышал, что собирается новая освободительная экспедиция. Не выдержала моя авантюристическая натура, ну и вот вы видите меня, сэр, за штурвалом этого самолета.

— Вы называете нашу экспедицию освободительной? — спросил Геннадий. — Вы думаете, мистер Буги или Горилла Пабст освободители Больших Эмпиреев?

Джон Грей остро взглянул на Геннадия.

— Видите ли, мой мальчик, ребята, с которыми я высаживался на Гаити, тоже не были похожи на ангелочков.

— Простите меня, Джон, но вы наивный идеалист, — сказал Геннадий. — Буги и Пабст и все прочие — обыкновенные наемные убийцы, а Буги еще и честолюбивый маньяк. Хотите знать подоплеку всей этой истории?

И Геннадий рассказал Силачу-Повесе о Больших Эмпиреях, о мадам Накамура-Бранчовской и о планах Ричарда Буги. Ему необходим был союзник в команде наемников, а Джон Грей казался ему подходящим человеком.

Когда он кончил, Джон Грей некоторое время молчал, а потом резко повернулся к мальчику.

— А теперь разрешите мне задать вам, Джин, вопрос, который давно уже вертится у меня на языке. Вы действительно англичанин? Вы действительно тот, за кого себя выдаете?

— Я русский, Джон, советский пионер Геннадий Стратофонов. В Оук-Порте стоит памятник моему прапрапра...

За их спинами появился Горилла Пабст. Почесывая волосатую пудру и зевая, он сказал:

— Слушай, Джонни, будь повнимательнее при посадке. Здесь взлетно-посадочная полоса насыпная, узкая ленточка в море. Вчера сержант Гамбл промазал и нырнул на самое дно.

— Небось по приборам садился Гамбл? — спросил Джон.

— Ясно, по приборам, как же еще?

— Ну, а мы на глазок, Пабст, мы на глазок, — усмехнулся Грей и подмигнул Геннадию. — Мы с Джином видим, как коты...

Самолет резко пошел вниз.

ГЛАВА XIII

БОЛЬШИНСТВО УЧАСТНИКОВ КОТОРОЙ
УСТРАИВАЮТ СТРАШНЫЙ ШУМ,
НО НЕКОТОРЫЕ РАЗГОВАРИВАЮТ ВПОЛГОЛОСА

В канун ежегодного традиционного праздника Касиопеи на Больших Эмпиреях произошла сенсация: в Сук-Порт прибыл без всякого приглашения, проездом

из Зурбагана в Эдинбург, огромный международный симфонический оркестр под руководством дирижера князя Грегори фон Нофирогерг. Странники выхода на

международную арену в сенате ликовали — вот они, результаты последней победы над финским банановозом со счетом 105:3! Если уж прибыли музыканты, значит, жди теперь какую-нибудь знаменитую футбольную команду, «Манчестер Юнайтед» или «Сантос», а то и ленинградский «Зенит».

Толпы жителей столицы собрались вокруг отеля «Камамаран», который заселили музыканты. Музыканты всем понравились. Рослые, плечистые, с сизыми носами, с серьгами в ушах, они легко несли в татуированных руках футляры со скрипками, виолончелями, фаготами, контрабасами. Поразила всех внешность дирижера: черная ассирийская борода, рыжие кудри, темные очки, закрывающие пол-лица, треугольная шляпа с плюмажем, фигура десятиборца, огромная узловатая дирижерская палочка величиной с палицу Геракла.

— Рикко, — проговорил Нафнути и схватил леопера за плечо. — Смотри! Смотри, кто среди них!

От автобуса к отелю шел крепкий загорелый мальчик с целой охапкой медных тарелок в руках. Рядом с ним, нагруженный барабанами разных калибров, двигался высокий стройный мужчина с длинными волнистыми волосами, в усах и бородачке.

Геннадий уже заметил их. Подойдя ближе, он намеренно уронил тарелки и быстро сказал нагнувшемуся сенатору:

— После захода солнца ждите меня возле памятника дедушке. Ждите столько, сколько понадобится. Рядом со мной — друг.

Едва последние музыканты скрылись в отеле, из окон грянула искрометная музыка Россини.

— Репетируют, — умиленно говорили в толпе.

Послышался мощный храп, перекрывающий музыку Россини.

— Спят или репетируют? — недоумевали в толпе.

— И спят, и репетируют, — говорили знатоки.

Во второй половине дня Геннадий нанес визит мадам Накамура-Бранчковской.

— О Джин! — протянув руки, сияя своей самой очаровательной улыбкой, воскликнула дама. — Как я рада видеть вас вновь! Мистер Ричард Буги сказал мне, что вы решили посвятить себя борьбе за свободу моего народа. Но не будем о политике, она меня мало интересует...

В это время в комнату вошла Доллис. Она хмуро посмотрела на Геннадия и буркнула:

— Ты снова здесь?

— Доллис, как ты нелюбезна! — пожурила ее мадам. — Джин проделал такой большой путь, чтобы снова увидеть нас. Как здоровье вашей бабушки, Джин?

— Спасибо, мадам. Бабушка и ее брат шлют вам самый сердечный привет. О вас много говорят в наших кругах. О вашем розарии ходят просто фантастические слухи. На последнем уикэнде граф Чарли Бартлет-Эстерхази младший, ну тот самый, что отличился в океанской гонке на яхте «Клубника», читал ваши стихи из журнала «Лестница», а несравненная Грейс, княгиня Монако, увидев ваш портрет в журнале, сказала, что, по ее мнению, ваш род восходит к древнейшим французским фамилиям.

Накамура-Бранчковска от волнения даже покрылась красными пятнами и вроде бы закатилась, на секунду потеряла сознание.

— Но как попал в Англию журнал «Лестница»? — пролепетала она.

— Это я привез его, мадам, — внутренне хохоча, с полупоклоном ответил Геннадий.

— О Джин! О мой друг! — совсем уже расплылась в благодатной истоме будущая королева, но в это время в парке послышались мужские голоса, и она дружинисто вскочила, глаза ее сузились, движения приобрели привычную хищную гибкость.

— Извините, мой друг, у меня сейчас заседание правления фирмы. Мы увидимся завтра на празднике Кассиопеи. Вы, конечно, знаете, что это будет очень

интересный праздник, — добавила она многозначительно и вышла.

Посмотрев в окно, Геннадий увидел Буги, Мизераблеса, Чанга и Латтифудо, идущих по аллее к дому. Собравшиеся вместе, эти господа казались персонажами страшного сна.

— Ненавижу всю эту банду, — сказала за его спиной Доллис. Он обернулся и увидел, что девочка смотрит на него хмурым и злым взглядом.

— Что за чушь ты болтал матери о французских фамилиях? — проговорила она и вдруг схватила Геннадия за руку. — Знаешь, кто моя мать? — Доллис передернулась, как от судороги. — Она преступница! Она хочет поработить наш народ, отдать его в кабалу иностранцам! Я все знаю, и если ты из их банды — иди, доноси!

— Здесь нельзя говорить, — сказал Геннадий. — Давай выйдем в парк.

Они уселись на краю большого круглого бассейна. Ветви вавилонской ивы надежно скрывали их. Здесь Доллис, волнуясь и чуть не плача, рассказала Геннадию все, что он давно уже знал. Оказалось, что она случайно услышала разговор своей матери с Мамисом, а потом и многое другое. Противоречивые чувства раздирали девочку. Еще бы — ведь она привыкла преклоняться перед матерью, перед ее красотой и умом. Что предпринять: высказать ей все в глаза, убежать из дома, может быть, покончить с собой? Она никогда не видала своего отца, погибшего во время цунами капитана дальнего плавания, но была уверена, что если бы он был жив, он не дал бы матери скатиться к преступлению.

С горечью слушал Геннадий исповедь своей маленькой подружки, столь похожей на гордую ленинградскую чемпионку Наташу Вертопрахову. Два мира — две судьбы, невольно думалось ему.

Это был ветреный тревожный вечер. Пятна кроваво-красного заката, сквозившего сквозь ветви агавы и юкки, северных пальм и итальянских сосен, ливанского кедра и аукубы японской, филодендрона и благородного лавра, колыхались на глади бассейна.

— Этот бассейн сообщается с морем? — спросил Геннадий.

— Да, через подземный тоннель, — машинально ответила Доллис, глядя прямо перед собой остановившимся взглядом.

Геннадий сбежал по ступенькам к самой воде и несколько раз негромко позвал:

— Чаб! Чаб! Чаккерс!

После этого он засунул голову в воду и несколько раз позвал друга ультразвуком.

— Ты не спятил, Джин? — спросила изумленная Доллис.

— Слушай, Доллис, сегодня решительный вечер. Многого зависит от нас, от тебя и от меня. Слушай меня внимательно.

Он рассказал ей обо всем, о том, как он попал в плен, на остров Карбункул, о своей поездке в Лондон, о планах Накамура-Бранчковской и об откровениях Ричарда Буги.

— Значит, я не ее дочь, — тихо проговорила Доллис. — Значит, все эти годы я была для нее только игрушкой. Значит, никакого отца-капитана у меня не было...

Геннадий давно уже заметил, что по бассейну кругами ходит Чаккерс. Врожденная деликатность, вероятно, мешала бывшему сержанту прервать разговор девочки и мальчика.

— Доллис, ты должна узнать, о чем сейчас совещаются заговорщики. Опасность угрожает не только Оук-Порту, но и нашему научному кораблю «Алеша Попович». Готова ты на это? — спросил Геннадий.

— Да, — решительно ответила девочка.

— После двенадцати ночи жду тебя на Львиной лестнице. Связным будет один мой друг — Чаб!

Доллис вздрогнула: из воды высунулась лукавая круглолобая физиономия дельфина.

— Привет, Геша, — хрипло сказал Чаби по-русски. — Ну, как бабушка, Лондон? Ужас небось, какой шум, а?

— Чаби, познакомься, это Доллис.

— Очень приятно, мисс.

— Будешь связным, Чаби. Тут большие дела начинаются.

— Да, я уже слышал, можешь на меня рассчитывать. Кстати, Генок, привет тебе от ваших ребят. Я с ними на прошлой неделе болтал.

— Ну, как они? — с волнением спросил Геннадий.

— Да все в порядке, работают по плану. Хорошие мужики. И, что характерно, Генок, не унижают эти ребята твоего достоинства. Вот что характерно, понимают нашего брата.

При этих словах Геннадий особенно остро почувствовал, как не хватало ему все это время его друзей, с которыми сам черт не страшен. Однако времени предаваться размышлениям не было. Он встал и сказал:

— Доллис, Чаби, друзья! Готовы ли вы бороться до конца за идеалы свободы и справедливости?

— Готовы! — в один голос ответили дельфин и девочка.

— Давайте скрепим нашу дружбу и клятву рукопожатием! — торжественно сказал Геннадий.

— За неимением рук предлагаю потереться носами, — смущенно проговорил дельфин.

Мальчик и девочка наклонились и потерлись носами о его влажный клюв.

— Ну вас к черту, ребята, — пробормотал Чаби. — В такие минуты плакать хочется...

Луна спряталась за голову Серхо Филимоныч Стратофудо, когда Геннадий по водосточной трубе спустился на площадь. Огромная тень памятника закрывала половину площади, и в этой тени мерцали сигаретки и глаза эмпирейских легоперов, засевших в маленьком кафе.

— Геннадий! — бросились к нему сенатор Куче, Рикко Силла и Токтомуран Джечкин. — Как мы рады снова видеть вас, потомка нашего памятника, в добром здравии!

— Спокойно, друзья, сейчас не время для сантиментов, — жестко сказал мальчик. — Необходимо достать двадцать четыре скрипки, шесть виолончелей, шесть контрабасов, десять труб, семь флейт, три кларнета, две арфы, пять гобоев, четыре валторны...

— С валторнами у нас плохо, — прикинул сенатор Куче.

— Я достану валторны, — решительно заявил Рикко Силла.

Через час Геннадий соскользнул по громоотводу прямо ко входу в отель «Катамаран». В отеле все шло по плану. В зале ресторана Джон Грей Силач-Повеса накачивал «товарищей по оружию». Он стоял посредине огромного стола, размахивал большим, как флаг, эмпирейским «велюром» и пел:

Пока на белом свете
Деньжатами разит,
Солдат в лихом берете
Всегда обут и сыт.
Твой нож не дремлет в ножнах,
Кулак твой волосат!
А принципы надежно
В швейцарском банке спят!

Захмелевшие ландскнехты бизоньими глотками восторженно ревели:

А принципы надежно
В швейцарском банке спят!

— Эй, чертенки! — закричал Геннадию Пабст. — Иди сюда! Ну-ка, глотни этого бальзама! Завтра ты исполнишь свое соло-пикколо, а, чертенки? — он склонился к Геннадию свою дремучую рожу и вдруг прослезился.

Не зови меня, пожалуйста, Гориллой, Джинни. Очень прошу, не зови. Разве я похож на гориллу? Разве у меня такие руки, как у гориллы? Разве у меня такие надбровные дуги?

— Именно такие, сэр, — сказал Геннадий.

— Ну, хорошо, допускаю... — хныкал Пабст. — Но разве умеет горилла разговаривать, а, Джинни? Ведь не умеет же, а?

— Умеет, — сказал Джин. — Горилла разговаривает не хуже вас, сэр.

— Как?! Горилла умеет разговаривать?! — взревел Пабст. Он встал и пошел вдоль стола, взывая к товарищам. — Ребята, горилла, оказывается, умеет разговаривать! Слыхали новость?! Горилла! Умеет!

В конце стола он свалился.

Через час все музыканты оркестра, включая солистов-виртуозов, были «готовы». Официанты с большим трудом оттащили гастролеров в номера. Начался немислимый концерт. Храп, носовой свист, стоны, дьявольский хохот и бредовые выкрики слились в потрясающую «авангардную» симфонию.

Тогда Геннадий и Джон Грей взяли за свое дело. Им нужно было закончить его, пока не явился с советания маэстро Грегори фон Нофирогер.

Во внутреннем дворе гостиницы возле пожарной лестницы уже ждали легоперы во главе с Рикко Силлой. Хозяин гостиницы, левый полузащитник дублирующего состава, был предупрежден. Геннадий и Джон Грей заходили поочередно во все номера и везде делали свое дело.

Работа была уже почти закончена, когда друзей застигли в коридоре звуки быстрых шагов и веселые го-

лоса. Скрыться было негде. Джон Грей прислонил к стене футляр с контрабасом.

Голоса приближались, и вот из-за угла коридора появилась группа людей, впереди которой крупным командирским шагом шла не кто иная, как... родная, личная, неповторимая бабушка Геннадия, подполковник в отставке Мария Спиридоновна Стратофонтонва!

Первым желанием Геннадия было, не раздумывая, броситься в объятия родному человеку. Вторым желанием было немедленно спрятаться за футляр контрабаса, что он и сделал. Бабушка! Его бабушка на Больших Эмпиреях! Уму непостижимо, как она сюда попала?! Но что это? Рядом с бабушкой, отставая на шаг,

шествует со своей застывшей улыбкой генеральный консул Старжен Фиц, а за ними несколько ленинградских, явно ленинградских, девочек, и среди них Доллис, вернее, не Доллис, а самая настоящая Наташа Вертопрахова, а дальше группа почетных эмпирейских и советских граждан, и отец Наташи доктор геологических наук Вертопрахов, и огромный поэт Борис Хорошин. Уж не снится ли это ему? Уж не галлюцинация ли это? Уж не результат ли это нервного напряжения?

В полном смятении чувств провел Геннадий всю ночь на Львиной лестнице. Тревожно вслушивался он в каждый шорох, вглядывался в темные воды бухты. Ни Доллис, ни Чаби Чаккерс не явились.

В КОТОРОЙ НАД КАШЛЕМ, ХЛЮПАНЬЕМ
И ХРУСТОМ КОЛЕННЫХ СУСТАВОВ
ПРЕОБЛАДАЕТ МОЩНЫЙ ГОЛОС МАРИИ СПИРИДОНОВНЫ,
А ТАКЖЕ ЗВУЧАТ СТИХИ ОГРОМНОГО ПОЭТА

Благосклонный читатель должен простить неуклюжему автору то, что в этой главе он вынужден прервать описание напряженных драматических событий, оставить своего героя в сомнениях и тревогах на Львиной лестнице Оук-Порта и совершить не очень-то грациозный скачок в недалеком прошлом, в прохладные июльские дни города Ленинграда.

Было прекрасное дождливое утро, когда Наташа Вертопрахова приехала на дачу Стратофонтовых в Лисий Нос. Мария Спиридоновна в это время, напевая песенку «Мы парни brave, brave, brave, но чтоб не сглазили подруги нас кудрявые...», неумелыми пальцами мастерила котлеты, похожие на аэростаты заграждения.

— Мы должны действовать, — коротко сказала она, выслушав сбивчивый рассказ Наташи о вчерашнем лондонском звонке.

— Но как? — пролепетала растерянная девочка. — Мария Спиридоновна, я очень тревожусь за Генку, ведь он такой фантазер. Однажды в турпоходе наша группа столкнулась с огромным стадом. Стадо шло мимо нас очень долго и все дрожало, боясь быка. И вдруг, представьте, мы видим — верхом на быке едет ваш внук, и бык помахивает хвостом, словно обыкновенное домашнее животное...

— Моя школа! — не без гордости сказала подполковник. — Мы должны поехать на Большие Эмпиреи! — добавила она.

— Мария Спиридоновна, но это же нереально!

— Нереально? — сверкнула очами подполковник, смешала в бесформенную массу аэростаты заграждения, вышла и вернулась в кителе с орденской колодкой и в портупее, и при взгляде на нее Наташа поняла, что все реально, что в мире нет ничего нереального.

Бабушка начала свою деятельность с Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Здесь в кратчайшие сроки она проштудировала все материалы по республике Большие Эмпиреи и Карбункул. Помогли и семейные архивы. В частности, в походном сундучке адмирала бабушка обнаружила русско-эмпирейский словарь, составленный врачом клипера «Безупречный» Фогель-Кукушкиным. В результате не прошло и недели, а Мария Спиридоновна уже прекрасно разбиралась в истории, этнографии и экономике далекой, но близкой страны и могла сносно объясняться по-эмпирейски.

После этого бабушка вошла в Союз обществ дружбы с зарубежными странами и предложила послать на

Большие Эмпиреи культурно-спортивную делегацию.

Консультант по странам Океании с сомнением покачал головой.

— Сложное дело, товарищ гвардии подполковник в отставке. Кое-какие контакты с этой далекой страной у нас есть — обмен книгами, марками, открытками, просто добрым словом, но ведь для того чтобы послать делегацию, нужно снестись с дипломатической службой, а единственный эмпирейский дипломат мистер Старжен Фиц вот уже несколько лет не отвечает на наши телеграммы...

— Все это я беру на себя, — сказала бабушка и вошла в соответствующие организации.

Соответствующие организации встретили ее с одобрением.

— Пусть сокращаются большие расстояния, — сказали они. — А вам, Мария Спиридоновна, спасибо за хорошую инициативу. Видим, что есть у вас еще порох в пороховницах.

Бабушка села на телефон. Двое суток она не сомкнула глаз, разыскивая Старжена Фица через муниципалитет и полицейское управление японской столицы. Наконец в трубке послышался кашель.

— Господин Старжен Фиц! С вами говорят от имени Общества СССР — Большие Эмпирии! — закричала бабушка.

— Очень, очень, очень... — послышалось в трубке. Потом все стихло.

— Господин Старжен Фиц! — крикнула бабушка.

— Очень приятно, мисс, — сразу же отозвался приветливый старческий голос.

— Я не мисс! — крикнула бабушка.

— Пардон, мадмуазель, — скрипнул Старжен Фиц.

— Я не мадмуазель!

— Как же мне вас называть?

Бабушка на миг растерялась. Действительно, как же ему ее называть? Ведь не «товарищем гвардии подполковником в отставке...»

— Зовите меня Марией! — крикнула она.

— Мария! — вскричал Старжен Фиц. — Мария, Мария, Мария...

— Господин генеральный консул, почему вы не отвечали на наши телеграммы? — спросила бабушка.

— Не было средств, — хлюпнул носом консул. — Конъюнктура все время падает, Мария. Тресты душат мелкого буржуа.

— Господин Старжен Фиц, мы приглашаем вас на переговоры по вопросу культурных контактов между нашими странами.

— С едой?

— В каком смысле?

— Кроме дороги, гостиницы и карманных денег, еда оплачивается?

— Уж будьте уверены! — теряя терпение, гаркнула бабушка.

Повесив трубку, она вдруг изумилась — весь разговор с эмпирейским дипломатом шел на чисто русском языке!

Итак, на средства двух коллективных членов Общества (фабрика мягкой игрушки и паровозостроительный завод) старина Старжен Фиц снялся с насиженного места и прибыл самолетом в Ленинград.

Общество встречало почетного гостя почти в полном составе, за исключением огромного поэта Бориса Хорошина.

Дипломат был прекрасен в расшитом золотом мундире и в традиционном головном уборе, отдаленно напоминавшем поварской колпак. С хрустом преклонив колени, он поцеловал бетон аэропорта, обвел руками пространство и воскликнул:

— Узнаю! Все встало в памяти, господа! Ведь я, господа, старый Петербуржец!

В это время радио любезным голосом сказало:

— Господин Севрюгин Феликс Вениаминович, прибывший из Токио, вас встречает ваша сестра Таисия. В руках у Таисии гладиолус.

Вскрикнув от радости, Старжен Фиц заключил в объятия ближайшую старушку с гладиолусом.

Старушка вырывалась до тех пор, пока не подошла настоящая Тасенька, которая тоже за шестьдесят лет «ничуть не изменилась».

По дороге с аэропорта в «Асторию» дипломат проявлял вежливое, но настойчивое любопытство:

— Этот у-ни-вер-маг частный? — спрашивал он Марию Спиридоновну.

— У нас, Феликс Вениаминович, все государственное, — пояснила бабушка.

— Да-да, понимаю, — сочувственно кивал Старжен Фиц. — Я все понимаю, Мария. Скажите, а эти «фрукты-овощи» частные?

— Феликс Вениаминович, — немного даже рассердилась бабушка, — вы же русский человек. Неужели не понимаете? Ничего у нас нет частного, и никакие монополии на нас не давят.

В честь высокого гостя Общество устроило обед в ресторане Дома архитектора. Обед прошел на замечательном уровне, если не считать того, что гость то и дело убегал на кухню и совал нос во все кастрюли.

В конце обеда поэт Хорошин, который, конечно же, на сей раз присутствовал, прочел начало новой поэмы:

Эмпирии!

Я немею!

Чую ветер голубой!

Чую, но не очумею!

Ближе берег мне родной!

После обеда Старжен Фиц и Мария Спиридоновна удалились на деловое совещание.

— Ну вот, господин генеральный консул, вы познакомились теперь с членами нашего Общества дружбы, — начала Мария Спиридоновна. — Не вертите, пожалуйста, господин генеральный консул.

— Что делается на кухне? — спросил Старжен Фиц, тревожно пригнувшись.

— Моют посуду, — начала сердиться бабушка.

— Чем?! — вскричал дипломат. — Неужели они обходятся без порошка «Сальвиола»? Я немедленно берусь доставить пробную партию этого чудо-порошка! Об условиях договоримся.

— Господин генеральный консул! — повысила голос бабушка.

— Дайте вашу руку, Мария! — прошептал дипломат. — Нет, левую. Бугор Венеры, Мария, у вас резко выделен, линия таланта уникальная и пересекается с линией чести. Бойтесь первых двух дней полнолуния, Мария. Эти дни...

— Послушайте, перестаньте пороть вздор! — вскричала бабушка. — Я бывший штурман авиации, прошла всестороннюю подготовку. Понятно? Мы хотим послать в вашу страну культурно-спортивную делегацию. Как вы и ваше правительство посмотрите на это?

— Милости просим! — возопил Старжен Фиц. — Я буду вам сопутствовать, конечно — с едой, и сам с удовольствием познакомлюсь со своей страной.

— Вы хотите сказать, что вы...

— Да, Мария, я никогда не был в своей стране. Увы, Мария, таковы примасы нашей потусторонней жизни.

Мария Спиридоновна почувствовала сильное головокружение, как будто вошла в пике.

А консул в это время шептал:

— Мужчинам могу предложить чикагские носки и запонки, а вам, дамы... — он заговорщически подмиг-

нул, — ожерелья из почти настоящего жемчуга. За все 11 рублей 90 копеек.

— Эх, Феликс Вениаминович, Феликс Вениаминович... — покачала головой бабушка, — как крепко засел в вас этот дух наживы.

Итак, в то время, когда наш герой совершал тайный рейс в компании наемников, делегация Общества на совершенно законных основаниях продвигалась к Большим Эмпиреям лайнером компании «Пан-Ам». Аллигейтор, Румпельштильцхен и другие агенты Интерпола весь рейс до Зурбагана не сводили глаз с суетливого Старжена Фица, а также с поэта Хорошина, который брал на карандаш зарубежные впечатления.

Любезный читатель, еще раз прими мои извинения за вынужденное отступление в недалекое прошлое. Дай руку, мой благосклонный друг, и мы вместе, набравшись мужества, подойдем к порогу решительных и яростных событий.

Дело в том, что пока я рассказывал об организации Общества СССР — Большие Эмпиреи, в тропической ночи близ атолла Фао в полукабельтове от мирно дремавшего на якоре «Алеши Поповича» всплыла пиратская подлодка.

Чаби Чаккерс, посланный Доллис, опоздал...

ГЛАВА XV

И ПОСЛЕДНЯЯ

В КОТОРОЙ

СМЕШАЛИСЬ ВСЕ ЗВУКИ

В канун Дня Кассиопеи популярнейшая на островах газета «Ежедневный фонтан» опубликовала статью:

«С праздником, дорогие друзья!

Мы рады сообщить вам, что в этом году День Кассиопеи будет особенно торжественным. Успехи наших мужественных леоперов, особенно последние победы над финским банановозом, либерийским бензовозом и норвежским жировозом создали нашей маленькой стране международную известность.

Мы рады приветствовать здесь культурно-спортивную делегацию Общества советско-эмпирейской дружбы во главе с госпожой Марией. Кстати, сообщаем, что вчера госпожа Мария (рост 185, вес 90) показала в плавание баттерфляем лучший результат сезона. Bravo, Мария! Так держать! Мы надеемся, что команда ленинградских юных граций под странным названием «Трудовые резервы» полностью устранил последствия печального недоразумения с фрегатом «Алеша Попович». Мы посылаем свой привет экипажу этого научно-галеона! Не обижайтесь на нас, дорогие друзья! Милости просим!

Гвоздем завтрашней программы безусловно явится выступление огромного международного оркестра под управлением выдающегося маэстро Грегори фон Нифирогерга. Он исполнит второй концерт для фортепьяно с оркестром Чайковского, а также сюиту известного композитора-авангардиста Джорджа Садовникова «Скандал на центральном вокзале».

Праздник закончится массовым булоногом вокруг памятника спасителю нашей свободы Серхо Филимонычу Страттофуду. Мы надеемся, что даже у наших братьев с острова Карбункул будет в этот день сносное настроение.

И вот перед нами центральная набережная Оук-Порта, запруженная праздничной яркой толпой. На эстра-

де покоряют сердца юные мастерицы художественной гимнастики из общества «Трудовые резервы». На трибуне для почетных гостей, в центре, восседает мадам Накамура-Бранчковска в царственно прекрасном наряде с ожерельями, браслетами и диадемами. На помосте для оркестра, кряхтя, стена, держась за затылки, глотая таблетки, kloчoca пивом, усаживаются виртуозы.

Легкой пружинистой походкой поднялся маэстро фон Нифирогерг. Поглаживая ассирийскую бороду, подкручивая огненно-рыжие кудри, постукивая узловой палицей, блестя сумасшедшим огнем сквозь темные очки, он прошелся среди своих музыкантов, ободряя их:

— Выше головы, шакалы! Кто хочет опохмелиться, опохмеляйся! Главное, чтобы руки не дрожали!

Геннадий со своей флейтой-пикколо (миниатюрным автоматом «Стенли») прятался в глубине, за футлярами арфа. Он дрожал от возбуждения: пройдет ли все так, как он задумал, не подведут ли простодушные леоперы?

Буги-Нифирогерг подсел к нему и зашептал на ухо:

— Смотри, малыш, королева на месте. Только короны пока не хватает, но я уверен, что и корону она уже припасла. Ну, малыш, устроим мы сегодня фестивалы!.. А ведь, правда, неплохая идея с оркестром. Голова у меня пока что работает, а, Джин? Только эти олухи разинут рты, чтобы послушать Чайковского, как мы доставим свои игрушки. Только сперва еще один сюрприз будет. Увидишь — закачаешься!

Маэстро фон Нифирогерг похлопал мальчика по плечу и отправился поднимать боевой дух струнной группы.

Геннадий тревожно обвел взглядом набережную, пеструю толпу, в первых рядах которой сидели на чмо-моданах леоперы во главе с Рикко Силлой, трибуну

для почетных гостей, среди которых сидела его дорогая бабушка, доцент Вертопрахов и поэт Хорошин. Что это за «сюрприз», о котором сказал Буги? Почему не пришла на Львиную лестницу Доллис? Куда исчез Чаби Чаккерс?

Послышались бешеные аплодисменты и крики «вай-вай», которыми эмпирейцы выражают восторг. Команда «Трудовых резервов» покидала круглую эстраду. По радио объявляли:

— А сейчас выступит юная ленинградская чемпионка Наташа Вертупруго! Вы увидите изящество, скромность и артистизм!

Снова послышались хлопки и крики «вай-вай», но вдруг эти веселые звуки были перекрыты низким утробным воем судовой сирены.

Из-за углового бастиона появился благородный нос корабля науки «Алеша Поповича». В толпе произошло сильное движение, послышалось было приветствие, но потом воцарилось смущенное молчание: эмпирейцам было стыдно за тот ужасающий день, когда «Алеше Поповичу» пришлось покинуть их гавань.

В полном молчании «Алеша Попович» обогнул волнолом, пересек бухту и встал к стенке. Но что это? Вместо симпатичных улыбчивых моряков на палубе орудовали какие-то мрачные типы в тропических комбинезонах!

— Вот он, этот дьявольский сюрприз! — похолодев, догадался Геннадий.

Благосклонный читатель, не обессудь, но сейчас нам с тобой придется вернуться к событиям прошедшей ночи.

Расставшись с Геннадием, Доллис бросилась в кабинет своей «матери». Она едва успела спрятаться в огромной китайской вазе, как в кабинет, побрякивая кубиками льда в бокалах, вошли заговорщики. Не прошло и получаса, как девочка услышала обо всем: и об автоматах в скрипичных футлярах, и о плане захвата с провокационной целью «Поповича», и о том, что завтра ее «мать» станет королевой.

— Ты просто гений, Дик, — волнуящим голосом сказала мадам. — Все так гениально придумано, что неудачи быть не может. Ну, а на крайний случай я припасла еще кое-что, — и она сказала такую страшную штуку, что Доллис едва не потеряла сознание.

Едва бандиты покинули кабинет, Доллис ринулась к бассейну, вызвала Чаби и приказала ему мчаться к советскому судну, чтобы предупредить об опасности. Чаби тут же без лишних разговоров ушел в глубину, а Доллис побежала было уже в город, как вдруг была застигнута задыхающимся глыбоподобным Каффо Латтифудо.

— Эй, девочка, то есть ваша высочество! — прохрипел он. — Приказано вас препроводить в ваши покои и, будь оно проклято, не отходить от вас ни на шаг.

— Это кем же приказано?! — закричала Доллис, пытаясь вырваться.

— Мамашей твоей, то есть ее величеством. Вот она, монархия, шутить не любит. — Латтифудо икнул, отчего с соседнего дерева сразу поднялось несколько птиц.

— Пустите, чудовище! — крикнула Доллис.

— Не пущу, сокровище, — хмыкнул Латтифудо.

Мы уже знаем, что Чаби Чаккерс опоздал. Что подлаещь — радиосигналы обгоняют даже дельфинов. Получив по радио приказ, «Голубка» взяла на бордаж мирное научное судно.

Приблизившись к судну, Чаби Чаккерс увидел, что на борту его кипит схватка — безоружные моряки и ученые пытались дать отпор вооруженным до зубов бандитам. Могучий Шлиер-Довейко направо и налево крушил квадратные челюсти «рыцарей Запада». Друг его Володя Телескопов оборонялся плотницким инструментом. Гидробиолог Верестищев фехтовал скальпелем. Капитан Рикошетников, первый помощник Хрящев и несколько матросов героически защищали радио-

рубку, откуда Витя Половинчатый вещал всему миру о беспрецедентном пиратском нападении на мирный советский корабль. Однако затрещали автоматы, пролилась кровь, и капитан Рикошетников приказал прекратить бессмысленное сопротивление.

Наемники согнали весь экипаж в помещение столовой. Возле каждого иллюминатора встали автоматчики. С подводной лодки на борт «Алеша Поповича» началась спешная погрузка какого-то старого оружия, ржавых винтовок, поломанных минометов и пулеметов. В этом и состоял злобный план Ричарда Буги: показать наивным эмпирейцам, что «Алеша Попович» набит оружием, что советские моряки вовсе не исследовали прибрежный шельф и впадину Яу, а, напротив, готовились захватить их маленькую страну.

Чаби Чаккерс, в ярости от своего бессилия и невозможности помочь друзьям, кружил вокруг «Алеша Поповича». Вдруг он услышал крик:

— Эй, да это никак ты, сержант?

С борта «Поповича» свешивался долговязый татуированный детина. Чаби сразу узнал его и хрипло выругался.

— Это ты, Фрэнки Карбо! Мало тебе Вьетнама, сукин сын!

— Здесь мне побольше платят, чем во Вьетнаме! — хвастливо крикнул Фрэнки.

— Чтоб ты подавился этими деньгами! — гаркнул дельфин.

— Плачет по тебе военно-полевой суд, дезертир! — заорал Фрэнки.

— Пусть плачет! — рявкнул Чаби, выпрыгнул из воды, схватил своими могучими челюстями негодя за чуб и увлек его в пучину. Одним бандитом в мире стало меньше.

Между тем в помещение столовой вошел элегантный господин в светлом костюме, м-р Кингсли Б. Мамис.

— Господин капитан, господа! — вежливо обратился он к экипажу «Поповича». — Вы можете чувствовать себя почти в полной безопасности. От вас требуется очень немного. Нужно, чтобы по приходе в Оук-Порт один из вас, предпочтительно вы, господин капитан, выступил перед населением и рассказал всю правду.

— Какую правду? — спросил, скрестив руки на груди, Рикошетников.

— Нужно снять маску, сэр, — улыбнулся Мамис. — Рассказать народу о военном характере вашей экспедиции, о планах захвата этих живописных островов. Ведь ваше судно напичкано оружием, буквально нафаршировано им, сэр.

Рев возмущения вырвался из десятков глоток. Рикошетников встал.

— Никто из нас никогда не пойдет на это. Ваша провокация обречена на провал.

— В таком случае вас всех придется уничтожить, — печально улыбнулся Мамис.

— Наше правительство этого так не оставит, — спокойно сказал Рикошетников. — Шутите с огнем, мистер.

— Ваше правительство далеко, а наши автоматы близко, — Мамис посмотрел на часы. — Десять минут на размышление, господа. После этого откроем огонь.

Прошло пять минут. Мамису стало не по себе под взглядами этих словно высеченных из камня лиц.

— Начнем с вас, капитан, — пробормотал он.

— Благодарю за честь, — усмехнулся Рикошетников.

— Отдаю должное вашему мужеству, господа, но я тоже выполняю свой долг.

— Грязный долг, — пробасил Шлиер-Довейко.

Прошло десять минут, когда вдруг поднялся плотник Володя Телескопов.

— Ну, ребята, раз уж никто из вас не хочет рассказывать правду, тогда уж мне придется, — сказал он, почесывая в затылке.

Итак, «Алеша Попович» под взглядом тысяч глаз встал к стенке. Еще не были заведены швартовы и спущен трап, когда на палубе появились Кингсли Б. Мамис и Володя Телескопов. Мамис взял в руку микрофон и сказал:

— С праздником, дорогие друзья-эмпирейцы! В толпе возник ропот.

— Кто этот иностранец? Что это за господин неприятной наружности? Что ему нужно на корабле дружественной страны?

Мамис улыбнулся.

— Господа, я представитель страны, которая ценит юмор, но не любит шутить. Наша довольно-таки мощная держава обожает малые страны. В доказательство этого я приношу на алтарь нашей дружбы этого жирного тельца, — он обвел руками судно, — этот советский военный корабль. Да-да, господа, русские водили вас за нос. Они только делали вид, что исследуют океан, а на самом деле готовили захват Оук-Порта. Но смелые люди помешали проискам коммунистов!.. Вы сами сможете убедиться в том, что «Алеша Попович» буквально нафарширован оружием. Но прежде перед вами выступит псевдо-плотник, а в действительности майор советской разведки Владимир Телескопов. Он расскажет вам всю правду. Пожалуйста, Владимир Екатеринович.

Мамис передал микрофон Телескопову. Володя малость затерся, затюрился, засмутился, но потом откашлялся и заговорил на прекрасном эмпирейском языке.

— Значит, с праздником! Я тут у вас, товарищи, не первый раз гуляю. Еще в 64-м годе проездом из Халигалии за рубанком заезжал. Может, кто помнит?

— Еще бы не помнить! — закричали два эмпирейца, слесарь Фирциг и библиотекарь Градус. — Еще бы не помнить Володечку! Смутно припоминаем.

— Это очень даже приятно, что не забыли, — сказал Володя. — Ну, а что касается правды, так этот вот утконосый господинчик, — он показал через плечо большим пальцем на Мамиса, — со своим хулиганьем совершили против нашего корабля науки чистойшую международную провокацию. Никто их не приглашал на наше судно, а тем более с огнестрельным оружием. В таких условиях исследовать океанские глубины довольно-таки трудно, а ведь каждый знает, что океан — это будущее человечества! И насчет майорского звания — брехня, потому что я ефрейтор запаса. Прошу представителей милиции подняться на борт и составить акт. Спасибо за внимание.

Взбешенный Мамис, не помня себя, выхватил из кармана пистолет и направил на Володю. Володя вытер нос рукавом и, набычившись, пошел на Мамиса.

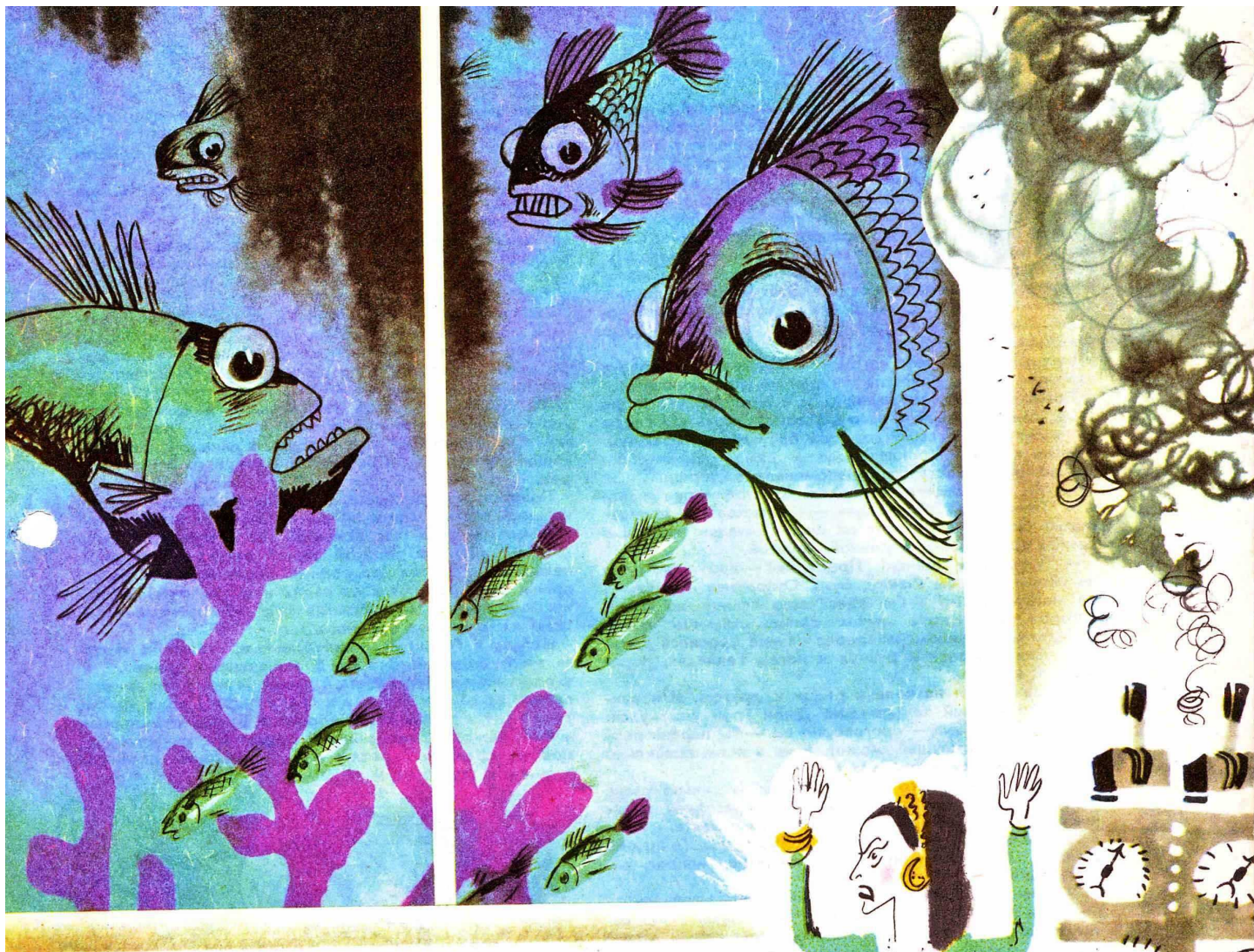
— Стрелять хочешь, позорник! Стрелять? А ну попробуй, стрельни!

Толпа взревела и бросилась по трапу на борт «Алеша Поповича». Ничего не понимающие наемники тут же были разоружены советскими моряками и разгневанными эмпирейцами. Некоторые наемники прыгали за борт на радость Чаби Чаккерсу. Мамис рыдал в железных объятиях Шлиер-Довейко.

На набережной творилось что-то невообразимое. Геннадий ликовал. Мадам Накамура-Бранчковска кусала губы. Покусав некоторое время свои прекрасные пунцовые губы, мадам отбросила перламутровый веер и подошла к микрофону.

— Друзья, — сказала она своим глубоким голосом, и толпа сразу затихла, потому что привыкла прислушиваться к словам обаятельной дамы, — забудем все грубое, жуткое, некрасивое и предоставим слово

скрипкам, фортепьяно, арфам, валторнам... Маэстро фон Нофирогерг, вуаля!

В тишине, наступившей после этих слов, четко простучали шаги удивительного дирижера. Он встал перед пультом, резко взмахнул своей палицей и рявкнул:

— Открыть футляры!

Наемники бросились к футлярам и стали извлекать оттуда на свет божий скрипки, контрабасы, виолончели, валторны... Изумлению их не было пределов; и оно еще усилилось, когда они увидели, что из толпы на них смотрят их любимые игрушки — автоматы, гранатометы и даже маленькая безоткатная пушка.

Маэстро фон Нофирогерг не верил своим глазам. Все закружилось перед ним, когда он увидел, что к нему приближаются, наставляя автоматы, его верный паж Джин Стрейтфонд и Джон Грей Силач-Повеса.

— Эй, шакалы, в чем дело? — заорал дирижер.

— Руки вверх! — крикнул ему Силач-Повеса, а Геннадий сорвал рыжий парик и ассирийскую бороду.

— Братцы, да это же Дик Буги! — закричали в толпе. — Ишь, пройдоха! Мало его били в трактире «Синька»!

Перекрывая весь шум, над набережной прокатился голос народного любимца Рикко Силлы:

— Наемные убийцы, сдавайтесь! Вы все под прицелом!

В оркестре руки поползли вверх, послышались рыдания, кое-кто, в том числе Горилла Пабст, потерял сознание. На эстраду мячиком вспрыгнул сенатор Нафнути Куче в своей неизменной майке с цифрой 3.

— Друзья! — закричал он. — Наш народ едва не стал жертвой заговора этой недостойной дамы Накамура-Бранчовской, известного всем нам мошенника Ричарда, а также черных сил мирового империализма! Заговор сорван, дорогие друзья, и сорван он благодаря вот этому храброму мальчику! — Нафнути Куче положил руку на плечо Геннадия. — Этот мальчик, друзья, советский пионер Геннадий Стратофонов, прямой потомок нашего памятника, русского адмирала Серхо Филимонич Стратофудой!

Восторженный рев потряс набережную. В воздух взлетели шляпы. Радостно загудел «Алеша Попович».

Геннадий стоял, вытянувшись в струнку, и, что преха таить, слезы застыли у него в глазах. Сквозь эти слезы он видел только свою дорогую бабушку, которая широкими плечами прокладывала к нему путь в толпе. Движения ее, как всегда, напоминали баттерфляй.

— Мы награждаем Геннадия Стратофопова «Знаком Почетного Эмпирейца», — торжественно провозгласил сенатор и повесил на шею Геннадия якорек с припаенной к нему старинной монетой.

— Проклятый щенок! Предатель! — вдруг возопил не своим голосом Ричард Буги. Отпрыгнув в сторону, он метнул прямо в Геннадия свою палицу, на конце которой сверкнуло в лучах солнца стальное жало. С гортанным криком наперерез палице бросился Джон Грей Силач-Повеса и рухнул к ногам Геннадия, пораженный в грудь.

Геннадий упал на колени рядом с другом. Мгновенно поблдевший как полотно Джон Грей улыбнулся:

— Прощай, Гена, — проговорил он. — Ты парень первого класса. Послушай, может, я не совсем правильно жил, но умираю я правильно.

Голова легендарного Силача-Повесы бессильно упала набок. Потрясенный этой мгновенной трагедией мальчик некоторое время не мог двинуться с места.

Из толпы вдруг вынырнула и подбежала к Геннадию Доллис. Она была в купальном костюме, мокрая, задыхающаяся.

— Геннадий, быстрее!.. Я проплыла через тоннель... Мадам и Буги удирают катером на Карбункул. ... Они хотят взорвать наш вулкан, вызвать извержение, чтобы началась паника. Они приготовили это давно, на крайний случай. Кабель проложен по дну пролива, в кратере — тротил...

Сломав голову Геннадий бросился к бухте. Сильно оттолкнувшись от стенки, он прыгнул в воду и поплыл стремительным кролем. Вскоре он почувствовал, что за ним плывет кто-то еще. Он оглянулся и увидел Доллис.

— Доллис, — крикнул он. — Где сейчас Чабби Чаккерс?

— Я не Доллис! Я Наташа! — последовал ответ.

Дельфин вынырнул из глубины в воротах порта.

— Забирайтесь на меня! — крикнул он. — Держитесь крепче!

Чабби достиг берега Карбункула в тот момент, когда Накамура-Бранчовска, подобрав королевское платье, и Ричард Буги с развевающимися фалдами фрака карабкались по крутой тропинке вверх.

Сквозь колючие заросли, по дорожкам парка, по мягкому мху и песку мальчик и девочка выскочили на холмистое плоскогорье, над которым возвышалась старинная башня, место первого заточения Геннадия. Мадам и Буги бежали к башне. Вскоре они исчезли из виду.

— Стой, Наташка! — скомандовал Геннадий, когда они оказались у подножия мрачного сооружения. Наташа расширенными от изумления глазами смотрела, как Гена Стратофонов, этот ничем особенно-то не примечательный ее одноклассник, деловито отваливает ка-

кой-то валун, вынимает из ямки тяжелый автомат и ставит его на боевой взвод.

— Ты со мной не пойдешь, — сказал Гена. — Это опасно.

— Я от тебя не отстану! — сердито сказала Наташка. — Чем я хуже этой твоей Доллис?

— Времени нет спорить! Пошли!

Они осторожно обогнули башню и увидели, что входная дверь не заперта. Геннадий шагнул первым и чуть не вскрикнул: нога его повисла в воздухе — пола в башне не было.

Геннадий понял, что каменный пол башни опускается и поднимается наподобие лифта. Он осмотрелся и увидел, что одна из щелей между камнями кладки шире других. Просунув в эту щель палец, он нащупал две кнопки и нажал верхнюю. Послышался тихий гул — из тьмы колодца поднялся пол. Мальчик и девочка вбежали в башню. Нажатие нижней кнопки, и пол пошел вниз. Он остановился перед входом в длинный, слабо освещенный туннель. Геннадий и Наташа ринулись вперед.

Поворот, поворот, еще, еще и вдруг перед ними открылась картина немыслимой красоты. За распахнутой стальной дверью был большой зал с огромной стеклянной стеной, и за этой стеной ветвились кораллы, колыхались стебли подводных растений, проплывали стайки рыб. Вот повис на своих крыльях, выпучив маленькие глазки, желтобрюхий скат. Из расселины показались щупальца осьминога.

Наташа и Геннадий, ошеломленные, стояли на пороге этого подводного зала. В зеленоватых сумерках, в фантастической игре света и тени они не сразу заметили тех, за кем гнались. Те в свою очередь тоже не видели их. Невоцарившаяся королева Больших Эмпиреев и Карбункула и незадачливый основатель династии Буги-Буги сидели в кресле перед каким-то сложным пультом и устало курили.

— Ты меня не бросишь, Дик, не предашь? — хриплым голосом спросила Накамура-Бранчковска. — Учти, у меня еще остались зубы.

— Включай, устрой им фейерверк к празднику, — усмехнулся Буги.

— Включаю первый заряд! — резко сказала мадам и повернула какой-то рубильник.

В следующую минуту Геннадий длинной очередью из автомата превратил пульт в дымящуюся искореженную кучу металла.

Мальчик и девочка вбежали в зал.

— Руки вверх, преступники! — крикнул Геннадий.

Подняв руки над головой, с искаженными от страха и ненависти лицами, мадам и Буги отступали к дверям.

— Опять это ты, дьяволенок, русский гаденыш, — шипел Буги.

— А это ты, моя доченька, ты, мое сокровище, — проговорила мадам, гипнотизируя Наташу огромными страшными глазами. — Ты тоже с ним заодно... Ну, так получай же! — она вдруг дико вскрикнула, закинула правую руку за спину и резко выбросила ее вперед.

В воздухе просвистел аргентинский пружинный нож. Геннадий едва успел вскинуть руку перед Наташиным лицом. Нож пробил ему ладонь.

Буги бросился вперед, как бешеный зверь, но, наткнувшись на пулю, упал лицом вперед. Мадам скользнула в коридор. Тяжелая бронированная дверь хлопнулась за ней.

— Гена, Геночка, — плакала Наташа, пытаясь вытащить нож из ладони мальчика. Вскоре ей это удалось. Хлынула кровь.

— Разорви мою рубашку и затампонируй рану, — сказал Геннадий. — Сейчас главное придумать, как выбраться отсюда...

— Сейчас нам всем будет конец, — вдруг прохрипел Буги.

— А вы еще живы, император, — усмехнулся Геннадий. — Почему же нам всем конец?

— Сейчас увидишь, — странным тоном сказал Буги и приподнялся на локтях.

Он смотрел прямо на стеклянную стену, отделяющую зал от дна океана.

Минуту спустя стена стала медленно подниматься.

Вода хлынула в зал и сразу поднялась до колен. Буги жутко захохотал.

— У этой бабы все здесь предусмотрено. Так что, Джин, пиши пропало... Глубина семьдесят пять метров... Ты меня победил, но и сам пойдешь акулам в зубы. Встретимся в аду, разберемся. Или ты рассчитываешь попасть в рай?

Вода, бурно kloчоча, вливалась в зал. Вот она уже поднялась до груди.

— Никакого ада и рая нет! — крикнул Геннадий. — Все это бредни.

Раскинув руки и ноги, Ричард Буги лежал в воде на спине и продолжал дико хохотать.

— Нету и не надо! Нету и тем лучше!

Ясно было, что он окончательно спятил.

— Кажется, погибаем, Наташа, — шепнул Геннадий.

— Кажется, да, — ответила девочка. Геннадий был поражен ее спокойствием. Наташа только закусил губы, чтобы не закричать от ужаса.

— Плыви за мной! — отчаянно крикнул Геннадий и поднырнул под стеклянную стену.

Они успели проплыть через заросли кораллов. Теперь под ними была бездонная черная бездна, а наверху, очень высоко, безнадежно высоко разливалось солнечное сияние.

— Оооооуууиииззззз! — позвал Геннадий, и все закружилось перед ним, страшная тяжесть со всех сторон сдавила тело. Последнее, что он увидел, было раздутое пунцовое чудовище с огромными трагическими глазами, поднимающееся из глубины.

Доктор геологических наук Вертопрахов сиял от редкого счастья, выпавшего на его долю. Он стоял, обняв за плечи левой рукой дочь свою Наташу, а правой ее зеркальную копию Доллис. Многочисленные корреспонденты эмпирических газет окружили красивую тройцу, красивую потому, что ученый тоже не был лишен своеобразной мужской красоты.

— Да, господа, Доллис — моя дочь, и ее настоящее имя Даша, то есть Дарья. Даша и Наташа — близнецы, родившиеся в Ленинграде с интервалом в четыре минуты. Неопровержимым доказательством являются своеобразные родинки, расположенные у Даши под правым, а у Наташи под левым ухом. В этом легко убедиться, откинув соответствующие пряди.

Девочки охотно откинули соответствующие пряди и показали изумленным корреспондентам совершенно одинаковые родинки.

— А дело было так, — продолжал Вертопрахов. — В середине пятидесятих годов мы с моей женой, крупным теоретиком и практиком, возглавили геологическую экспедицию в дружественной нейтральной Бирме. Наши малютки были с нами и, представьте себе, господа, тропики ничуть не вредили их развитию. Целыми днями крошки играли среди бурной бирманской растительности, забавлялись с мангустами, желтопузиками, шакалятами... Однажды из джунглей выскочил бешеный слон с несколькими бандитами на спине. Бандиты пытались разрушить наш лагерь, но получили достойный отпор и скрылись. Увы, вместе с ними исчезла в джунглях одна из наших дочек... Пропала Даша... — сказал он неуверенно, и, помолчав, добавил: — А может быть, Наташа...

— Как, папка?! — воскликнула изумленная Наташа. — Значит, может быть, это я пропала?

— А я, может быть, осталась?! — вскричала Доллис-Даша.

— Да-да, вполне возможно... — пробормотал ученый муж.

— А как же родинки? — спросил один из журналистов.

— Дело в том, что мы с женой все время путали, у кого из дочерей под каким ухом... — Вертопрахов мучительно покраснел. — Геология, господа, в то время поглощала все наши мысли. Сейчас, конечно, другое дело... Наташенька, Дашенька, доченьки мои!

— Внимание! — сказала радио. — Объявляется посадка на самолет компании «Кассиопея», рейс Оук-Порт—Зурбаган.

Да, дорогой читатель, интервью это происходит на аэродроме. Дряхленький «Дуглас-Дакота» уже гостеприимно распахнул перед пассажирами свою ненадежную дверь. Значительная группа наших героев должна была улететь на нем в Зурбаган, чтобы там пересечь на какой-нибудь реактивный лайнер.

Читатель, конечно, уже догадался, что Геннадий и Наташа (Даша?) были спасены глубоководной полумифической рыбой намадзу. Именно она (случайно или сознательно) вынесла два небольших тела на поверхность, где они были подхвачены верным и неутомимым Чаби Чаккерсом.

Сейчас пришла пора прощаться. Весь Оук-Порт собрался на аэродроме, чтобы проводить на родину своего нового героя Джинадо Эдуардас Страттофудо, его бабушку Марию и других членов культурно-спортивной делегации.

— Ну, Геннадий, — говорили, заключив мальчика в объятия, президент Токтомуран Джечкин, сенатор Пафнути Куче и лучший легопер вселенной Рикко Сила. — Мы не говорим тебе прощай.

— Друзья мои, держите порох сухим, — посоветовал на прощанье мальчик, с трудом сдерживая слезы.

— До скорой встречи в Питере, Гена, — сказал капитан Риккошетников. — Мы еще с вами поплаваем, дружище.

«Алеша Попович» после бандитского нападения должен был встать на малый ремонт в Оук-Порте, и поэтому Геннадий был вынужден избрать воздушный путь, чтобы не опоздать к началу учебного года.

— На «Поповиче» будет пусто без вас, Геннадий, — пробасил Шлиер-Довейко. — Скорее кончайте образование и идите к нам.

— Привет городу-герою и вашей пионерской организации, — дрогнувшим голосом сказал Хрящиков.

— Пока, Генок, — шлепнул ладошкой Володя Телескопов. — В гости приеду, не выгонишь?

— Геннадий, помните, ваша будущность в науке, — сказал Верестищев.

И вот старенькая «Дакота», отчаянно тарахтя, поднялась в закатное небо и взялась описывать прощальный круг над Оук-Портом.

Припав к окну, Геннадий, уже не скрывая слез, смотрел на черепичные крыши, на блестящие мраморные мостовые, на многочисленные памятники, среди которых выделялся памятник его предку, на прозрачные до самого дна бухты, на «Алешу Поповича», на все, что стало ему таким близким и родным.

Самолет лег на курс, и в поле зрения всплыли мрачные базальтовые отвесы острова Карбункул.

— Смотрите! — вдруг в ужасе закричала Доллис-Даша-Наташа. — Смотрите, это она!

Со стороны острова Карбункул к «Дакоте» стремительно приближался остроносый истребитель.

— Она вылетела прямо из той скалы! — крикнула Доллис. — Это мадам, она сейчас будет стрелять!

Накамура-Бранчковска не торопилась сбивать беззащитную «Дакоту». Некоторое время она летела вровень с ней в опасной близости, так что было даже видно ее бледное лицо и мстительно улыбающиеся пунцовые губы. Потом истребитель свечкой ушел в зенит.

— Сейчас будет заходить на атаку, — догадалась Мария Спиридоновна. Она вскочила и бросилась в пилотскую рубку. Оттолкнув растерявшегося парнишку-пилота, бабушка села к штурвалу.

Первая очередь из крупнокалиберного пулемета пробила фюзеляж и крылья, но не причинила никому вреда.

Бабушка резко бросила самолет вниз и пошла над самой водой, то и дело меняя курс. Был, был у бабушки некоторый опыт в таких делах. Не раз ей приходилось с растраченным боезапасом увиливать от «мессершмиттов».

Теряя голову от сатанинской ненависти, бросилась Накамура-Бранчковска в атаку на ползущий над гребешками волн неуловимый тихоход. Вторая атака... третья... четвертая... «Дуглас» вдруг словно встал на дыбы и устремился вверх.

Самолет Накамура-Бранчковской врезался в воду и сразу исчез, исчез так, как будто его и не было...

ЭПИЛОГ

Солнце уже встало над скалой Хамелеон, когда Геннадий и бабушка кончили свой рассказ. Мы спустились с террасы к морю. Бабушка тут же бросилась в воду, а мы с Геннадием сели на еще холодную гальку.

— Геннадий, — сказал я, — в классических приключенческих романах полагается в эпилогах рассказать о судьбе героев.

— Ну что ж, — проговорил мальчик... — Давайте не будем отступать от традиции. «Алеша Попович» сейчас в Атлантике. Исследует Марракотову бездну. Доллис и Наташа прекрасно ладили друг с другом, хотя до сих пор не могут разобраться, кого из них унес бешеный слон, а кто остался с родителями. Мы часто навещаем сестер с моим товарищем Валентином Брюквиним. Ну вот, пожалуй, и все. Да, генеральный консул Старжен Фиц оставил дипломатическое поприще и устроился шеф-поваром в «Луч» — столовую ресторанного типа...

Геннадий замолчал. Сощурившись, он смотрел на спящий блеск моря. Там выпрыгнула из воды стайка дельфинов, один большой, второй поменьше и четверо совсем маленьких. Еще несколько лет назад дельфинов в Черном море нельзя было увидеть. После запрещения охоты они стали возвращаться к берегам.

— А почему вы ничего не говорите об эмпирейцах, Геннадий? О сенаторах и легоперах?

Брови мальчика сошлись на переносице.

— Видите ли, Василий Павлович, мне кажется, что там снова неспокойно. Империалисты так просто не откажутся от такого лакомого кусочка. Мне кажется, что над архипелагом снова собираются тучи. Конечно, эмпирейцы уже не те, но мне все-таки страшно за них...

Он положил подбородок на колени и снова уставился в море. Некоторое время мы молчали. Со смешанным чувством уважения, восхищения и даже некоторой робости я смотрел на этого внешне такого обычного мальчика. Он был печален.

— Да! — воскликнул я. — А что же случилось с Чаби Чаккерсом?

— Чаби? — Лицо Геннадия осветилось широкой доброй улыбкой. — Чаби женился. У него теперь большая семья. Собирается сюда, в Контебельскую бухту, повидать меня.

— Не они ли это там прыгают? — спросил я.

— Вполне возможно, — ответил Геннадий, вскочил и закричал. — Чаби! Чаби! Ооооиииззз! Какие вести ты принес?

УГОЛЕК № 10

Чудак

Танцевал один чудак
В лодке на волне.
После этого чудак
Танцевал на дне...

Напугал

Я забрался под кровать,
Чтобы брата напугать.
На себя всю пыль собрал.
Очень маму напугал!

Суп

Упало мыло в суп с лапшой.
В котле возник пузырь большой.
— Вот это суп! — кричат друзья.
Красивый суп, да есть нельзя.

Пирог

— Кто съел пирог?
— Мы не ели.
То есть мы съели,
Но не хотели.
Это все птицы.
Они прилетели
И, если бы не мы,
Они бы съели.

О. Григорьев

1

СКОРОГОВОРКИ

Толя и Коля

То ли Коля подойдет,
Коли Толя позовет,
То ли Толя подойдет,
Коли Коля позовет?..

Две лягушки

Громко спорят
Две лягушки —
Кто из них красавица?
— Ква, ква, ква,
Ква, ква, ква!
Как вам это нравится?..

Цапли

Свили две цапли
Гнездо из пакли.
Тучи набрякли —
Закапали капли.
Капали капли
В гнездо из пакли:
В гнезде из пакли
Плакали цапли.

Хвала халве

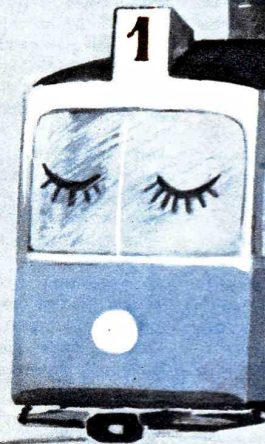
Вкусна халва,
Халве хвала!

3

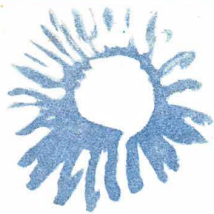
Где спит трамвай?

В парк трамвай уходит спать.
Может, в парке есть кровать?
И какое одеяло
Для трамвая надо сшить,
Чтобы этим одеялом
С головой трамвай покрыть?
Не узнал,
Теперь гадай,
Как ночами спит трамвай.
Неужели на спине?
Или вертится во сне?
Может, сторож у ворот
Колыбельную поет:
— Баю-баюшки, трамвай,
Баю-баю, засыпай!
Надо сбегать и узнать,
Как трамвай ложится спать.
Жаль, мне тоже спать пора.
Потерпите до утра.

Ярослав Пшумов

ТРАМВАЙНЫЙ ПАРК

Врунишка Чиж

— Здравствуй! — Еж сказал Чижу.
— Здравствуй! — Чиж сказал Ежу.
— Где ты был, приятель Чиж?
— Я, брат Еж, летал в Париж.
— Это ложь! — воскликнул Еж.
Чиж ответил: „Ну и что ж?..“

Ворона, Корова, корона

На Корове Ворона,
На Вороне корона.
Сбрось Ворону, Корова!
Сбрось корону, Ворона!

Вл. Лифшиц
Рисунки И. Казаковой

АЛЛО! ИНСТИТУТ ГОВОРIT КОСТЯ ТЕРКИН. ЧТО НОВОГО!

— Комбинезон, обогреваемый электричеством, — ответили на мой звонок в Киеве в Институте проблем материаловедения.

— Мы получили эластичную ткань, которая излучает тепло при подключении к ней электрического тока.

В легком и красивом комбинезоне из такой ткани не страшны ни мороз, ни вьюга.

Опытная партия греющей одежды с успехом прошла испытания в Заполярье — на Норильском горнометаллургическом комбинате.

— Что нового? Автоматические весы, — сказали в студенческом конструкторском бюро Политехнического института в Ленинграде. — На Выставке достижений народного хозяйства весы получили золотую медаль.

Положил на них, к примеру, кусок мяса — тут же увидишь, и сколько он весит, и сколько за него платить. Вычислять ничего не нужно.

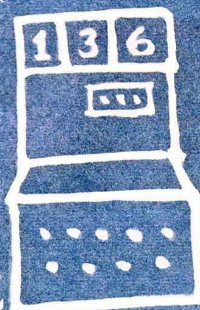
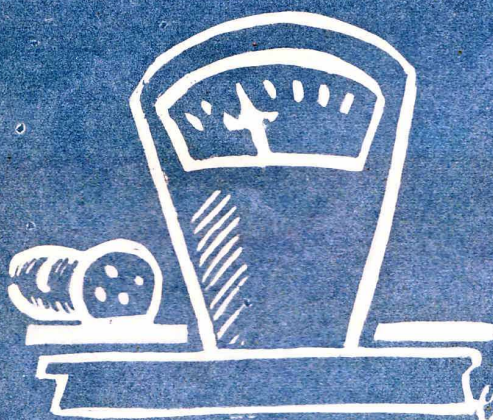
На вид весы не отличаются от обычных, какие есть в любом магазине. Только к ним сделали приставку — датчик и электронное устройство.

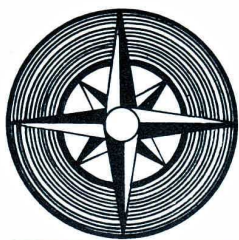
Мы хотим с помощью конструкторско-технологического бюро по проектированию счетных машин еще немного изменить наше изобретение. Пока весы, как мы говорим, «не запоминают». Покажут цену и тут же ее «забудут». А надо, чтобы они умели «складывать». Если добавить к весам контрольно-кассовую машину, то весы будут показывать, на сколько рублей продано товара за весь рабочий день.

— Пугало для рыб, — во Владивостоке к телефону подошел сотрудник Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии. — Кто имеет аквариум, знает, что рыбки никогда не подплывают близко к струйке воздуха, идущей из трубки. Ученые нашего института обратили внимание на это явление и стали наблюдать рыб не только в аквариумах, но и в садках и в водоемах, где специально из воздушных струек сделали воздушную завесу. Везде обнаружили одно и то же: ближе полутора-двух метров рыбы не подплывают к завесе ни днем, ни ночью. Их отпугивает шум, который создают пузырьки воздуха. Это явление назвали «пузырьковый эффект». Самый сильный шум — на расстоянии в полтора-два метра, дальше он слабеет.

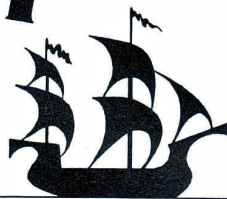
Воздушные завесы оказывают воздействие на рыб многих видов — сельдь, навагу, корюшку, камбалу, сайру, ершей, лососевых.

Если устроить завесы вблизи гидростанций — шум будет отпугивать рыб и тем самым спасет их от попадания в работающие машины.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 14-й

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В КАЮТ-КОМПАНИИ „МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ“

О том, как была потоплена и поднята фашистская подлодка «У-250», рассказывает бывший командир отряда тральщиков, ныне капитан I ранга запаса Михаил Павлович Ефимов.

В 1943 году англичане начали нести большие потери на морских караванных путях. Корабли гибли от торпед, выходивших на шум винтов и не оставлявших пенного следа. Англичане не знали, что это секретные самонаводящиеся электроакустические торпеды...

В середине июля 1943 года на позицию в Выборгский залив направлялась фашистская подлодка, вооруженная секретными торпедами «Т-5».

Подлодкой командовал капитан-лейтенант Вернер Шмидт, награжденный железными крестами I и 2 степени.

30 июля в проливе Бьерке-Зунд Вернер Шмидт, обводя перископом горизонт, обнаружил советский катер «МО-105», морской охотник.

— Атака! — командовал Вернер. Торпеда, не оставляющая следа на воде, ушла к цели.

Столб воды и дыма, и—все кончено. Из экипажа только семь человек, раненые и оглушенные, держались на плаву благодаря

капковому спасательным жилетам.

Морской охотник погиб на глазах у экипажа другого катера — «МО-103». Командир катера гвардии старший лейтенант Коленко командовал в машину «полный вперед!» Катер направился к месту взрыва. Весь квадрат был обследован. Стало ясно, что катер «МО-105» торпедирован подводной лодкой... Здесь же, на месте его гибели, экипаж «МО-103» поклялся отомстить за своих друзей и уничтожить подлодку.

На боевое траление вышли наши тральщики и морские охотники. Когда один из катеров проходил над подлодкой, лежавшей на грунте, нервы Шмидта не выдержали. Меняя курс, он попытался уйти. Взлетела зеленая ракета — сигнал обнаружения. «МО-103» полным ходом пошел к этому месту.

Гидроакустик докладывал: «Слышу шум винтов. Семь кабельтовых... шесть... пять».

Маневрировала подлодка с трудом — глубины малые, грунт скалистый...

«— Два кабельтовых... Шум винтов под нами!»

Тотчас последовал приказ: «Глубинные бомбы, товсь!»

Взрыв. Другой. Поднялись и

опали огромные всплески, и сразу же сигнальщик Вася Вяткин заметил пунктир из воздушных пузырей. Лодка получила повреждения!

Еще две бомбы, крутятся, полетели в воду. Пятно солярового масла растеклось по волнам.

Тишина... Через несколько минут возле самого борта катера всплыли несколько гитлеровских подводников в спасательных жилетах... Их подобрала. Среди пленных был и Вернер Шмидт.

Балтийские водолазы подняли подлодку, извлекли секретные документы и, самое главное, две самонаводящиеся, бесследные торпеды «Т-5».

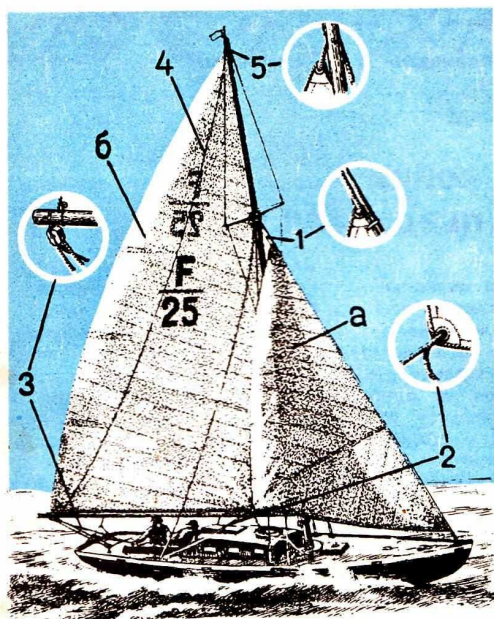
Англичане узнали о подъеме «У-250», и английский премьер-министр Черчилль обратился к главе Советского правительства с просьбой передать им одну торпеду «Т-5».

Секрет был разгадан, и со временем союзники научились бороться с этими торпедами.

А фуражка не очень удачливого пирата Вернера Шмидта и его бинокль выставлены на всеобщее обозрение в Военно-Морском музее в Ленинграде. В назидание прочим Вернерам Шмидтам...

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В девятом номере напечатан рисунок: рангоут и стоячий такелаж яхты, вооруженной бермудским шлюпом. На одном рангоуте и стоячем такелаже далеко не уйдешь, нужны паруса, чтобы управлять ими, — бегучий такелаж.

а — стаксель	6 — грот
1 — стаксель-фал	3 — грот-гика-шкот
2 — стаксель-шкоты	4 — гика-топенант
	5 — грота-фал

Фалами поднимают паруса, шкотами управляют. Вышел в море — смотри одним глазом на парус, вторым на компас — верен ли курс, третьим — на воду, не идет ли шквал. Третьего глаза нет — не ходи в одиночку.

Правда, есть моряки, которые в одиночку на яхтах обошли вокруг Земли. Эти умели видеть сразу все.

МОРСКОЙ КАЛЕНДАРЬ

150 лет со дня рождения
адмирала Г. И. Бутакова

Шла Крымская война. Русский пароход «Владимир», находясь в разведывательном рейде, заметил на горизонте дым и пошел на

сближение с неизвестным пароходом.

Через полчаса носовые орудия «Владимира» дали первый выстрел по турецкому десятипушечному пароходо-фрегату «Перваз-Бахри». После трех часов артиллерийской дуэли «Перваз-Бахри» спустил флаг.

Это было первое в мире сражение между паровыми судами. Победили мужество русских моря-

ков и новая тактика, которую применил в бою командир «Владимира» Григорий Иванович Бутаков — будущий адмирал русского флота.

Спустя три недели после боя кормовой флаг и корабельный журнал «Перваз-Бахри» были уложены в дубовый ларец и особым курьером отвезены по зимнему тракту в Санкт-Петербург в Адмиралтейство.

А. Дранов

МОРСКАЯ ВИКТОРИНА

Капитан Быстроходов и боцман Румпель задают очередные вопросы:

Почему пролив между островом Сахалин и материком называется Татарским?

Можно ли по фотографии узнать, какая завтра будет погода?

Сколько ног у осьминога? У кальмара? У каракатицы?

Ответы на вопросы, заданные в августовском номере

1. Судно на воздушной подушке не имеет крыльев, скользит по уплотненному слою воздуха. Моторы накачивают воздух под днище. Экраноплан — это приводненный самолет, его крылья используют эффект уплотнения воздуха при полете над самой водой.

2. Самое теплое море на Земле — Красное.

3. Акулы в пресной воде водятся. Известно несколько озер с пресноводными акулами (озеро Никарагуа, озеро Новая Гвинея). Когда-то эти озера были морскими заливами.

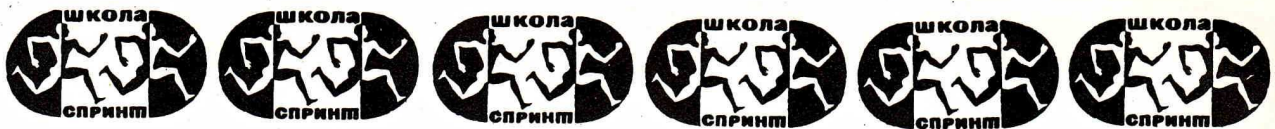
Ответы на вопросы сентябрьского номера

1. Около 4200 метров.

2. Нет, не видит.

3. Бывает. У коралловых пляжей, у известковых скал. Во время шторма вода там молочного цвета.

ЧЕМПИОНЫ МУЖЕСТВА

С больничной койки — на олимпийский пьедестал

В семь лет он был совсем обыкновенным американским мальчиком. Каждое утро Гленн и его старший брат Флойд бежали в школу. Бежали три мили. Бежали потому, что до уроков надо было заниматься дома хозяйством, а в школе истопить печь. Так они зарабатывали несколько центов для платы за обучение, хоть немного облегчая тяжелое положение родителей.

Однажды утром братья запаздывали. Вбежав в школу, они бросились растапливать печь. Чтобы скорее разжечь огонь, решили полить дрова керосином. Что было дальше, Гленн не помнит. В бак вместо керосина по ошибке был налит бензин. Когда Гленн очнулся, вокруг прыгали языки пламени. Он выбежал из горящего помещения и стал звать брата. Но Флойда нигде не было. Потом он услышал в горящем доме приглушен-

было дьявольски больно. Я попробовал бегать, и мне показалось, что это легче.

В четырнадцать лет пришлось начать работать. Хромой мальчик стал грузчиком в огромном канзасском зернохранилище. И все время он бегал. На работу и домой, от одного вагона к другому. Его ноги начали развиваться, грудь стала шире. Правда, рос он плохо.

Но массаж и физическая работа сделали свое дело. Кэннингхэм смог заниматься спортом. Еще в средней школе Гленн пробовал выступать в соревнованиях. Сначала мальчик мечтал стать спринтером, и занятия бегом на короткие дистанции развили в нем стремительность, так пригодившуюся впоследствии.

Выступая в эстафете 4×1 милю, канзасский школьник, ко всеобщему удивлению, показал в беге на одну милю

ный крик. Семилетний мальчик бросился обратно в огонь. На нем загорелись чулки и брюки. Едкий дым начал душить его. Закрыв лицо руками, он пытался пробраться дальше, но упал...

Гленн пришел в себя дома. Ноги были туго забинтованы. Он попытался передвинуть их и не смог удержаться от крика.

Постепенно ужасные ожоги стали заживать, но правая нога искривилась. Врачи говорили, что, по-видимому, он никогда не сможет ходить. Гленн лежал и плакал. Потом бинты сняли. На левой ступне не осталось ни одного пальца, правая нога была короче левой, он не мог двигаться без костылей.

Но Гленн Кэннингхэм решил бороться за свое здоровье. Это была долгая и упорная борьба. Только в одиннадцать лет он смог бросить костыли.

«Каждое утро и каждый вечер я растирал себе обожженные места, — рассказывал впоследствии Кэннингхэм. — Потом родители вытягивали мне ноги. Ходить

(1609 метров) отличное время — четыре с половиной минуты.

Новую цель поставил перед собой Гленн — стать олимпийцем. Для этого надо было победить всех американских бегунов, в то время сильнейших в мире. Восемь лет пробивался Кэннингхэм в сборную команду. И осуществил свою мечту.

На олимпийских играх 1932 года он был четвертым в беге на 1500 метров, в 1936 году — вторым!

Выступая в команде Канзасского университета, Гленн Кэннингхэм установил рекорд в беге на самую популярную в Америке дистанцию — 1 милю, показав время 4 минуты 6,8 секунды.

Так рекордсмен по бегу стал одновременно чемпионом мужества, воли, настойчивости!

Ю. Бородин

СЛЕТ В „АРТЕКЕ“

На берегу Черного моря, в «Артеке», вновь собрались юные бегуны. Здесь проходит четвертый Всесоюзный слет школы «Спринт». Сто легкоатлетов — лучших организаторов ячеек и команд, победителей заочного конкурса — поделится опытом спортивной и пионерской работы, разыграют традиционные кубки Галины Поповой, Энрике Фигеролы, Эдвина Озолина, Ирены Шевиньской.

Своими впечатлениями о пребывании в «Артеке» делегаты слета поделится в будущем году с читателями «Костра».

ВЫ САДИТЕСЬ ЗА ДОСКУ

Как лучше начать партию? К чему стремиться с первых ходов?

1. Быстрее развейте свои фигуры! Старайтесь обогнать в этом противника. И без промедления делайте рокировку — ход, силу которого кое-кто недооценивает. А ведь именно с помощью рокировки король эвакуируется в наиболее безопасное место — в угол, где его удобнее защищать от вражеских атак. Кроме того, рокировкой вводится в бой бездействующая ладья.

2. Добивайтесь превосходства в центре! Не все участки и поля доски одинаково важны. Поставьте коня на a2 — сколько полей он держит под ударом? Три. А конь, стоящий в центре — на e4, — атакует восемь полей. Выходит, фигура в центре сильнее, чем на краю. Из центра легко перевести фигуру на любой из флангов, а с фланга на фланг — труднее. Значит, центральные поля (d4, d5, e4, e5) ценнее и надо уже в дебюте стремиться установить над ними господство: развивать свои боевые силы так, чтобы они обстреливали эти поля, держали центр под контролем.

3. Правильно располагайте пешки! Пешки — самые слабые боевые единицы... Может быть, их ходам не придавать значения? Кто так думает — тот ошибается. Фигуру, сделавшую неудачный ход, можно вернуть обратно, а пешку нет: если уж шагнет вперед, то хорошо это или плохо, но навсегда. В дебюте ходить пешками следует, не забывая о быстрейшем развитии фигур и о борьбе за центр. А это значит, что в дебюте нужны только те ходы пешками, которые помогают развить фигуры и захватить центр, а лишние очень вредны.

Вы узнали три главных дебютных принципа. О применении их на практике — в другой раз.

СОБЫТИЯ ОДНОГО ЧАСА

Вчера в 19.00 к доблестному рыцарю Толе Зуеву зашел гражданин лет двенадцати, пожелавший остаться неизвестным.

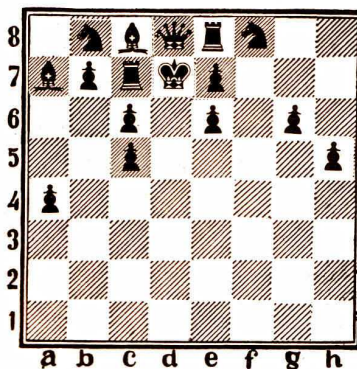
АРЧЕБЕК

— Ну-ка, — сказал неизвестный, — я тебя проверю. Носишься со своим АРЧЕБЕКОМ! А я, как раньше бил тебя, так и сейчас побью.

В 19.05 шахматная доска уже лежала на подоконнике, архебековец — белыми, неизвестный — черными.

В 19.20 неизвестный зацепил рукавом короля и пешку белых, и они вывалились из окна. Зуев побежал за ними вниз, а неизвестный, не обращая на это внимания, продолжал делать ходы.

В 19.25 вернувшийся рыцарь застал такую картину:

— Как! — вскричал он. — У нас фигур было поровну, а теперь?! — Не спорю, — сказал неизвестный. — Было. Но я тут без тебя делал ходы. И хорошие! А сейчас твой ход. Ходи!

— Чем?? Чем же мне ходить?? — А в кулаках что? Раскрой. Король и пешка? Прекрасно. Поставь их и ходи. Ставь куда хочешь.

Будь Толя Зуев просто Толей Зуевым, он, возможно, расшумел-

ся бы, или отказался продолжать партию, или сдался. Но Толя Зуев был архебековцем...

Точно в 19.30 он так поставил своего короля и пешку, что объявил неизвестному мат в три хода.

Изумленный неизвестный полчас молча хлопал глазами. В 20.00 он, наконец, пришел в себя, попросил бумагу и стал писать письмо с просьбой принять его в АРЧЕБЕК.

ВАШЕ МНЕНИЕ?

В «Стол находок» АРЧЕБЕКА доставлена шашечная позиция рыцаря из Омска Юры Страгиса — белые: дамка h8, простая h2; черные: простые b6, g5, h6. Юра утверждает, что тут белые победят даже при самой лучшей игре черных.

Администрация «Стола находок» просит каждого рыцаря-шашкиста сообщить: согласен с Юрой или нет?

ПРИКАЗ № 10

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Шахматистам — А) показать, как действовал Толя Зуев; Б) дать мат в 2 хода — белые: Крf6, Фb4, Лg2, Са8, Кg4, пп. c4, d4, d6, e2, h2; черные: Крf4, Cd7, пп. b6, e3, e6, h5; В) дать мат в 4 хода — белые: Кра4, Лb6, Сс2; черные: Кра2, п. a3.

§ 2. Рыцарям объявить мат в 2 хода — белые: Кра7, Фh2, Лd1; черные: Крс8, Лd8, пп. b6, c7, d7.

§ 3. Шашкистам — А) сообщить мнение в «Стол находок»; Б) белые: a3, b6, c3, d2, e5, f2, f4, g1, h2; черные: a5, a7, c7, d6, d8, e7, g7, h4, h8; В) белые: c1, c3, c5, d4, e1, e3, f2, g1, g3; черные: a3, a7, c7, e7, f6, g5, g7, h4, h8. Автор позиций Б и В — Сережа Ковалев (Южно-Сахалинск). В них надо найти выигрыш за белых.

§ 4. Срок присылки рапортов до 15 декабря.

§ 5. Рыцарский турнир закончен! Поэтому вместе с решениями следует выслать все почетные знаки для подсчета очков и присуждения спортивных разрядов и призов.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

СОДЕРЖАНИЕ

Учиться коммунизму	1
Что было до бинорма Очерк Е. Вистунова Рисунок В. Орлова	2
Страна Поэзия Надежда Полякова Рисунок Т. Оболенской	5
Восемь дней в неделю Повесть Ю. Томина Рисунки И. Харкевича	7
Как богат черный карандаш Очерк А. Крестинского	25
Путешествие на „РА“ Путевой дневник Ю. Сенкевича Заставка А. Орлова Рисунки К. Савкевич	26
Путь в отряд Рассказ Д. Гусарова Рисунки Н. Кустова	31
Мотор не подведет Репортаж А. Грачева Рисунки А. Януса	35
Киноклуб	37
Дружба Оформление А. Орлова	42
Мой дедушка памятник Повесть В. Аксенова Рисунок М. Беломлинского	44
Уголёк Журнал для малышей Рисунки И. Казаковой	57
Алло! Институт! Рисунок Ю. Лебедева	59
Морская газета Оформление И. Секретарева	60
Школа „Спринт“	62
Арчебек	63
Уголок веселого архиварнуса	64
На обложке рисунок С. Острова	
На третьей странице обложки головоломки В. Уфлянда, рисунки И. Казаковой	
На четвертой странице обложки стихи Н. Алтухова, рисунок Р. Попова	

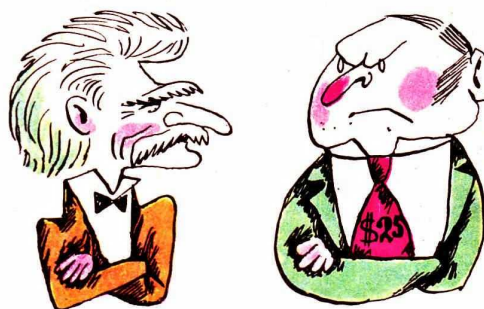
НЕМНОГО О ГАЛСТУКАХ

В одном обществе, где был Марк Твен, находился крупный земельный спекулянт, который разбогател, ограбив индейцев. Он начал хвалиться, что носит самую дорогую одежду.

— Вот смотрите, это стоит двадцать пять долларов, — и он показал свой галстук.

Марк Твен злобно взглянул на спекулянта:

— Верно, так уж повелось в США, что самые дорогие галстуки носят те, кому достаточно было бы обычной веревки.

КОВБОИ ПОУМНЕЛИ

Американского актера Гарри Купера журналисты спросили о надежде:

— Вы согласны с тем, что в последнее время фильмы о приключениях ковбоев (вестерны) стали умнее и тоньше?

— Пожалуй, что так, — охотно согласился Купер. — Теперь в вестерне требуется, чтобы ковбой был умнее своего коня.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ В № 9

1. ГЕРБАРИЙ — РЕБУС — ПЛАКАТ: Желаем успехов юннатам.
2. В ЧАСОВОЙ МАСТЕРСКОЙ: 14 часов 15 минут.
3. РАЗГОВОР ПОСЛЕ ФУТБОЛЬНОГО МАТЧА: 3:2 в пользу «Динамо».

ГОЛОВОЛОМКИ

Новое приключение Гулливера

Однажды, путешествуя по свету, Лемюэль Гулливер попал в страну Гмартстумд. Правитель пригласил его во дворец. Во время обеда Гулливер обратил внимание, что вся стена зала покрыта письменами.

— Это различные мудрые изречения, — объяснил правитель. По просьбе Гулливера он перевел первое изречение.

НМh&F VYm : rOvO hP VY-rOXI hP

— Это означает: «К обеду — не к делу: все готовы».

8VmCm h+hO ,OXI h+hO VY

— А это значит: «Не дорог обед, дорог привет».

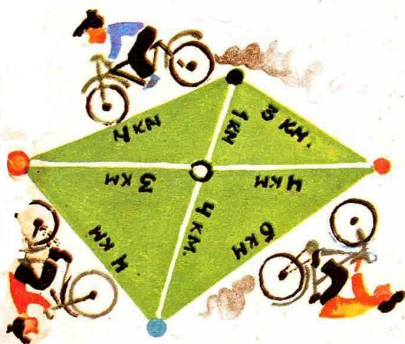
8VvO 8m rCmO aAEPY

— А это мудрое изречение гласит: «Сухая ложка рот дерет». Четвертое изречение:

rOXI hP rCmO rF+hO

Гулливер перевел сам. Что оно гласило?

Три велосипедиста

Коля, Вася и Сережа из села Антоновка решили объехать на велосипедах окрестные поселки. Коля поехал по дороге на Борисовку, Вася — по дороге на Веселово, Сережа — на Груздево. Побывав во всех обозначенных на плане пунктах, они вернулись другими дорогами. Ехали они с одинаковой скоростью. Первым возвратился Сережа, проехавший 17 км, вторым — Коля, проехавший 19 км. Васе пришлось проехать 20 км. Коля с Васей повстречались в Демьяновке. Вася и Сережа — на полпути между Груздевым и Веселовым. Коля с Сережей по дороге не встречались.

Каким путем ехал каждый из них?

● - Антоново ● - Борисовка
○ - Веселово
● - Груздево ● - Демьянское

Правильно указывайте адрес на конверте

Сортировщицу Ленинградского почтамта озадачили шесть конвертов с трехкопеечными марками для доставки в городе. Вот какие адреса на них были написаны:

Сначала девушка не знала, что делать с ними. Но, сравнив письма между собой, догадалась, какие адреса должны быть на них.

Хостёр

Главный редактор
В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия:
Г. И. Баранова,
А. А. Крестинский,
Б. Н. Никольский,
А. И. Пактеев,
А. Ф. Пахомов,
Р. П. Погдин,
С. В. Сахаров,
Е. В. Серова,
Н. В. Теребинская
(ответственный секретарь),
Л. В. Успенский,
Н. А. Ходза,
Г. М. Чернякова,
Ю. А. Юркан
(зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор
В. И. Мецатунова
Корректор
В. А. Маевская

Адрес редакции:
Ленинград, С-15
Таврическая, 37

телефон
14-57-76

М-48037.
Подписано к печати
26/VIII 1970 г.
Формат 60х90х
Печ. л. 8
Тираж 390000 экз.

Заказ № 3288

Рукописи и фотографии не возвращаются
Ленинградская фабрика
офсетной печати № 1
Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете
Министров СССР
Кронверкская ул., 7

Николай Алтухов

БЕРЕЗКА

Березке нравится весна
И лето.
А зимой
В снегу купается она,
Чтоб побелеть самой.
Зимой
Ей грезится листва,
Весной —
Осенний сон,
А знойным летом —
Кружева
Из снежных волокон.
Пришла весенняя пора,
Береза расцвела,
Но у красавицы кора,
Как снег,
Белым-бела.
Ей хорошо
От теплоты,
Но хочется весной
Немного зимней красоты
И в лето
Взять с собой.

ЛАСТОЧКИ

Они рассекают воздух,
Парят в голубой дали,
Но все-таки
Строят гнезда
Ласточки из земли.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

В просторах безграничных
Дремота разлита.
Земля, как хлеб пшеничный,
Пахуча и желта.
Осеннее приволье,
Застывшее чуть свет,
Зима посыплет солью,
Как хлеб солил мой дед.

Рисунок Р. Попова

